

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

" НА У К А "

МОСКВА – 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Е.С. Маслова (Стэнфорд) Динамика типологических распределений и стабильность языковых типов	3
О.А. Лаптева (Москва). Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья вторая)	17
С.В. Андреева (Саратов) Типология конструктивно-синтаксических единиц в русской речи	32
Е.В. Падучева (Москва) 'Накопитель эффекта' и русская аспектология	46
В.П. Григорьев (Москва) Эвристика и 4-мерное пространство языка	58
Р.З. Мурясов, А.С. Самигуллина, А.Л. Федорова (Уфа). Опыт анализа оценочного высказывания	68
А.Е. Маньков (Москва). Происхождение категории рода в индоевропейских языках ..	79

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В.М. Алпатов (Москва) Лингвистическая концепция А.И. Смирницкого (к 50-летию со дня смерти)	93
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Т. Менцель (Греифсвальд, Германия) <i>М.В. Шульга</i> Развитие морфологической системы имени в русском языке... ..	108
А.А. Соколянский (Магадан) <i>Л.Л. Касаткин</i> Фонетика современного русского литературного языка.	114
А.И. Кузнецова (Москва). <i>Г.М. Керт</i> . Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). <i>Г.М. Керт</i> Очерки по карельскому языку. Исследования и размышления. Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященный 80-летию Г.М. Керта.	118
Т.А. Майсак (Москва) <i>B.D. Joseph, R.D. Janda (eds.)</i> The handbook of historical linguistics	121
Т.Б. Крючкова (Москва) The handbook of language variation and change	133
Д.А. Паперно (Москва) <i>R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.)</i> Word: A cross-linguistic typology.	138
В.М. Алпатов (Москва) <i>Shoichi Iwasaki</i> Japanese.	142

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	146
-----------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам. главного редактора),
В.Г. Гак, *Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев*
Е.А. Земская, Вяч. Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов,
А.Е. Кибрик (зам. главного редактора) *М.М. Маковский* (отв. секретарь), *А.М. Молдован,*
Т.М. Николаева (главный редактор) *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*
Зав. отделами *М.М. Маковский, Г.В. Строчкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© 2004 г. Е.С. МАСЛОВА

ДИНАМИКА ТИПОЛОГИЧЕСКИХ РАСПРЕДЕЛЕНИЙ И СТАБИЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ТИПОВ

Памяти Джозефа Гринберга

1. ВВЕДЕНИЕ

Один из эмпирических результатов типологических исследований последних десятилетий, начиная со знаменитой статьи Дж Гринберга [Greenberg 1963], состоит в наблюдении, что распределение языков мира по многим типологическим параметрам очень неравномерно: если представить множество теоретически возможных языков в виде многомерного пространства W , окажется, что существующие языки концентрируются в определенных областях W , а при удалении от таких областей степень "заселенности" W постепенно убывает. М Драйер [Dryer 1998] иллюстрирует это наблюдение диаграммой, аналогичной рис 1а, представляющей одну из типичных проекций W , где точки соответствуют существующим языкам. При описании конкретного параметра (или нескольких взаимосвязанных параметров) наблюдения такого рода часто формулируются в качестве так называемых "статистических универсалий", т.е. утверждений вида "большинство языков мира обладает свойством α ", которым соответствует условная граница "тесно заселенной области", внутри которой находятся языки, обладающие свойством α (см. рис. 1б).

Строго говоря, утверждения этого типа описывают свойства множества существующих языков – языковой популяции E . Их значимость для теоретического языкознания – понимаемого как наука о свойствах любого возможного естественного языка, или, в терминах введенной выше метафоры, как изучение свойств пространства W , – является весьма спорным вопросом. Существующие взгляды на эту проблему колеблются от практически полного отрицания теоретической ценности статистических универсалий до столь же полного отрицания теоретической релевантности "редких исключений" из общего правила, при котором различие между абсолютными и статистическими универсалиями практически не принимается во внимание.

С одной стороны, языковая популяция земного шара – объект скорее исторический, чем лингвистический; распределение ее элементов по пространству W зависит от истории ее возникновения и развития и не могло не меняться на протяжении этой истории – очевидно, что в период непосредственно после возникновения первого языка (или языков) это распределение было иным. С другой стороны, как аргумент против лингвистической значимости статистических универсалий это наблюдение сохраняет силу и для универсалий абсолютных, за исключением, возможно, очень небольшого множества тривиальных утверждений. Наши знания о том, какие языки возможны, могут опираться только на данные наблюдаемой популяции E . Если все языки в E обладают некоторым свойством, это также может оказаться "случайным" – никак не связанным со свойствами пространства W – свойством данной популяции. В самом деле, гносеологически, многие статистические универсалии –

это "бывшие" абсолютные универсалии ("Любой естественный язык обладает свойством α "), к которым нашлись исключения; хорошо известный пример – универсалия базового порядка составляющих SO. С другой стороны, некоторые статистические универсалии могли "оказаться" абсолютными: например, представляется вполне возможным, что щелкающие согласные возникли всего один раз в истории человечества. Если бы тот язык, в котором они возникли, исчез, то запрет на такие согласные мог бы предстать фонологам этого вполне возможного мира как абсолютная универсалия. Можно предположить, что мы находимся в точно такой же ситуации по отношению к целому ряду других маловероятных языковых явлений, а значит резкое теоретическое противопоставление статистических универсалий абсолютным не имеет эмпирических оснований.

В практике лингвистической типологии принято рассматривать абсолютные универсалии как "крайний случай" универсалий статистических [Comrie 1989]: любое отклонение от равномерного распределения признается лингвистически значимым, если его нельзя считать чисто случайным, т.е. если оно является статистически значимым [Bell 1978]. Проблема состоит в том, что статистически значимые отклонения типологических распределений от равномерного могли с большой вероятностью возникнуть "случайно" с лингвистической точки зрения. Основные источники таких отклонений – лингвистические свойства праязыка (или праязыков) [Maddieson 1991: 352] и возникновение и рост языковых семей в ранний период существования языковой популяции, когда она была достаточно мала [Maslova 2000]. Сохранение таких отклонений в современной языковой популяции возможно благодаря относительной стабильности языковых состояний: свойства любого языка существенно зависят от того, каким этот язык был на предыдущем этапе своей истории, и эта зависимость может, в принципе, сохраняться очень долго (или даже бесконечно, ср. [Lass 1997: 302])¹. Следовательно, оценка лингвистической значимости наблюдаемых распределений возможна только на основании хотя бы приблизительных оценок стабильности изучаемых состояний. Основная задача этой статьи – описать и обосновать один из возможных методов получения таких оценок.

Статья построена следующим образом. В разделе 2 излагается простая вероятностная модель динамики типологических распределений. Описанию и примерам применения предлагаемого метода посвящены разделы 3–4. В рамках принятой модели, этот метод позволяет оценить стабильность языковых состояний и степень лингвистической значимости наблюдаемых статистических тенденций. В разделах 5–7 рассматриваются три основные проблемы, которые обычно занимают центральное место при обсуждении методологии типологических исследований, но не учтены в принятой в разделах 2–4 модели: влияние исторических случайностей на распределения лингвистических переменных в популяции (раздел 5), существование зависимостей между параметрами типологической вариации (раздел 6) и роль языковых контактов в процессе языковых изменений (раздел 7).

¹ На достаточно коротких интервалах времени, утверждение об относительной стабильности свойств языка тривиально: за исключением случаев резкого перехода сообщества на другой язык и возникновения креольских языков, язык каждого следующего поколения совпадает с языком предыдущего по подавляющему большинству грамматических параметров, а значит, находится в очень сильной зависимости от него. Однородность большинства генетических групп языков по многим грамматическим параметрам позволяет предположить, что такого рода статистическая зависимость сохраняется достаточно долго. Это предположение, строго говоря, не сводится к гипотезе сохранения языкового состояния: даже если состояние изменилось, статистическая зависимость может сохраняться.

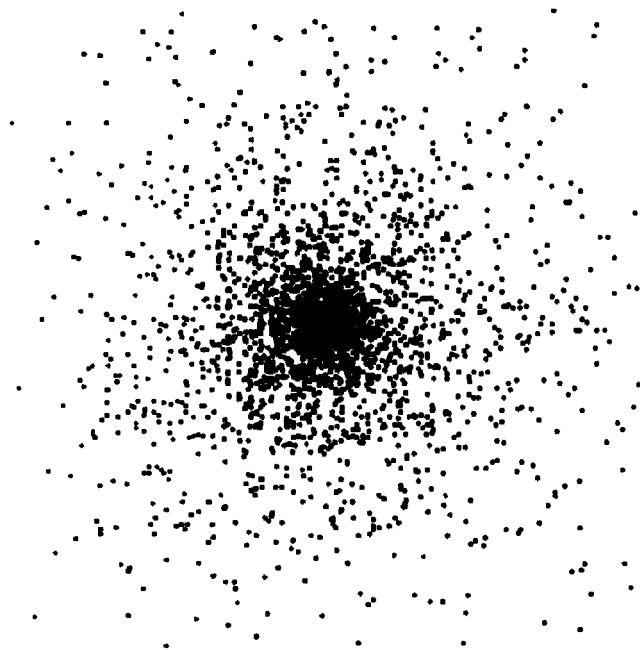

Рис. 1а. Распределение существующих языков по пространству возможных языков

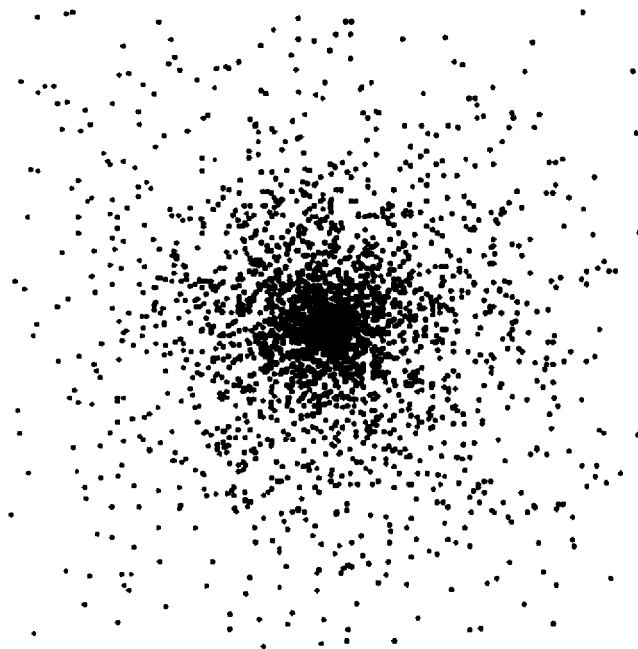

Рис. 1б. Условное изображение статистической универсалии

В этой статье понятие статистической универсалии рассматривается для простейшего случая бинарных дискретных типологических параметров. В дальнейшем такие параметры обозначаются как $[X]$, где X – одно из значений параметра, выделенное как "положительное"; например, обозначение $[SO]$ соответствует параметру "доминантный (наиболее частотный) порядок следования субъекта и объекта в независимом переходном предложении". Каждый такой параметр можно представить как лингвистическую переменную l , которая может принимать значения 1 и 0. Для удобства, положительное значение (1) всегда приписывается тому значению, которое а priori предполагается более вероятным.

В модели, предложенной Дж. Гринбергом [Greenberg 1995], свойства таких переменных описываются двумя параметрами: стабильность (stability) и частота возникновения (frequency) положительного значения, определяемыми через вероятности перехода p_{ij} от одного значения к другому за некоторую единицу времени Δt , которая в дальнейшем называется временным шагом, т.е. вероятности того, что язык окажется в состоянии $l = j$ при условии, что он находился в состоянии $l = i$ на предыдущем шаге ($p_{i0} + p_{i1} = 1$)². При этом предполагается, что сами эти вероятности представляют собой своего рода языковые универсалии, т.е. свойства любого естественного языка.

Если язык существует достаточно долго, то вероятности $s_i = P(l = i)$ значений переменной l в этом языке не зависят от исходного значения этой переменной и полностью определяются вероятностями переходов. Их отношение $\omega(l)$ равно отношению вероятностей перехода:

$$(1) \quad \omega(l) = s_1/s_0 = p_{01}/p_{10}(s_1 + s_0 = 1)$$

Такое распределение $\{s_i\}$ называется стационарным, так как оно соответствует состоянию равновесия между синхронными вероятностями и вероятностями перехода: если в некоторой совокупности языков наблюдается стационарное распределение, то общее количество переходов из нулевого состояния в положительное за любой интервал времени приблизительно равно количеству обратных переходов, так что распределение $\{s_i\}$ не меняется.

Поскольку предполагается, что вероятности перехода универсальны, то определяемое этими вероятностями стационарное распределение также является языковой универсалией, т.е. это распределение можно считать свойством пространства возможных языков W , а не конкретной языковой популяции. Следовательно, коэффициент $\omega(l)$ можно считать количественной мерой "силы" универсального ограничения (constraint) на нулевое значение переменной l . Абсолютной универсалии соответствует значение $\omega(l) = \infty$, т.е. нулевая вероятность перехода к запрещенному типу; при равномерном стационарном распределении (в традиционных терминах, при отсутствии универсальных ограничений на значения переменной) $\omega(l) = 1$; в целом, чем меньше стационарная вероятность нулевого значения (т.е. чем сильнее предполагаемая универсалия), тем больше значение $\omega(l)$. Этот коэффициент можно назвать "весом" универсалии.

Время конвергенции к стационарному распределению определяется суммой вероятностей изменения значения переменной, $\mu(l) = p_{01} + p_{10}$. Это свойство ти-

² Формально это модель простейшего марковского процесса с двумя состояниями и дискретным временем. Все математические факты в этом и следующем разделах относятся к любому такому процессу и могут быть найдены практически в любом учебнике по теории вероятностей. При этом предполагается, что "длина" временного шага выбирается таким образом, чтобы вероятности перехода были достаточно малы, так что можно пренебречь вероятностью более одного перехода на протяжении одного временного шага.

пологических параметров обычно называют (не)стабильностью, однако при этом возникает некоторая терминологическая путаница. по Гринбергу, стабильность — это свойство языкового типа, т.е. одного из значений лингвистической переменной (определяемое только вероятностью ухода из этого типа), а не свойство параметра вариации. В этой статье, величина $\mu(I)$ называется мобильностью параметра (ср. [Hawkins 1983]): чем более мобилен параметр, тем меньше время конвергенции. Термин "стабильность" используется только для описания свойств значений параметра.

Для практических применений важно соотношение времени конвергенции и временной "глубины" существующих в популяции языковых семей. Точнее, если современный язык L отдален от языка-предка A приблизительно на n временных шагов (другими словами, их разделяет временной интервал $n\Delta t$), то вероятность любого значения переменной I в L отклоняется от стационарной не более, чем на величину $\varepsilon = (1 - \mu(I))^n$ независимо от значения этой переменной в A . Следовательно, те отклонения от равномерного распределения, которые существенно превышают ε , отражают свойства стационарного распределения. Только такие отклонения считаются в рамках данного подхода "лингвистически значимыми". В этой статье наблюдаемые статистические свойства языковой популяции называются статистическими тенденциями, а универсальные свойства языка, которые могут приводить к возникновению таких тенденций, — стохастическими универсалиями. Статистическая тенденция лингвистически значима, если она отражает стохастическую универсалию.

3. МЕТОД ОЦЕНКИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ ПЕРЕХОДА

Практическое применение описанной в разделе 2 модели для оценки лингвистической значимости статистических тенденций предполагает нахождение оценок вероятностей перехода p_{ij} . Может показаться, что для этого необходима информация о значениях изучаемой переменной I на предыдущем временном шаге для достаточно большого числа существующих языков, что представляет собой, очевидно, невыполнимое условие. Гипотеза Гринберга состояла в том, что качественные оценки вероятностей перехода можно получить, сравнивая распределения значений I в популяции в целом и внутри языковых семей [Greenberg 1978; 1995]. Предлагаемый здесь метод можно рассматривать как уточнение и развитие этой идеи.

Базовое наблюдение состоит в том, что, хотя мы не знаем, каковы были значения интересующих нас переменных на предыдущем временном шаге, для многих пар близкородственных языков мы можем с уверенностью предположить, что эти значения совпадали — постольку, поскольку эти языки представляли собой один и тот же язык. Для обоснования предлагаемого метода необходимо описать несколько подробнее, что происходит в произвольном множестве языков за один временной шаг. Пусть f — частота положительного значения переменной в рассматриваемом множестве. Вероятность q этого значения на следующем шаге задается следующим уравнением:

$$(2) \quad q = fp_{11} + (1 - f)p_{01}.$$

Назовем коэффициентом дивергенции d условную вероятность того, что значения переменной I для двух случайно выбранных языков после этого шага различны при условии, что эти значения совпадали на предыдущем шаге. Легко показать, что

$$(3) \quad d = 2fp_{11}p_{10} + 2(1 - f)p_{00}p_{01}.$$

Сравнивая эти уравнения, легко обнаружить, что вероятность положительного значения q и коэффициент дивергенции d связаны следующим линейным уравнением:

ем с коэффициентами a и b , зависящими только от вероятностей перехода (но не от исходной частоты f)

$$(4) d = aq + b, \text{ где } a = 2(p_{10} - p_{01}), \quad b = 2p_{01}p_{11}$$

Рассмотрим теперь некоторое достаточно большое множество M пар родственных языков; пусть M^* – множество языков, входящих в M ; A – множество предков этих языков, существовавшее некоторое время (Δt) назад, f – неизвестная нам частота положительного значения l в A , тогда частота положительного значения l в M^* является наилучшей оценкой вероятности q , а частота пар с различными значениями этой переменной в M – наилучшей оценкой коэффициента дивергенции d при исходной частоте f .

Оценки вероятностей перехода можно получить с помощью сравнения двух или более множеств M_i с разными распределениями переменной l . Если имеется несколько разных пар значений $(q_i; d_i)$, метод линейной регрессии дает оценки коэффициентов уравнения (4), т.е. величин $2(p_{10} - p_{01})$ и $2p_{01}p_{11}$. Зная значения этих величин, легко вычислить вероятности перехода, решив простое квадратное уравнение. Несколько различных множеств M_i можно получить, разбив языковую популяцию на частичные популяции, соответствующие группам языковых семей. В следующем параграфе эта процедура описывается более детально на примере анализа трех типологических параметров

4. ПРИМЕР ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА: БАЗОВЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ

База данных по базовому порядку составляющих (S, O, V), опубликованная Р. Томлином [Tomlin 1986], представляет собой случайную выборку S (более 1000 языков) из языковой популяции E . Полное множество M пар наиболее близкородственных языков в этой выборке было построено с помощью следующей процедуры.

Выберем некоторую многоуровневую классификацию G , приблизительно отражающую генеалогическое древо языков (и диалектов); в данном случае, использовалась классификация *Ethnologue* [Grimes 1997]. Для каждого языка L из S найдем множество L языков из S таких, что (а) все языки из L принадлежат к некоторому классу из G и (б) не существует более узкого класса в G , включающего одновременно L и хотя бы один другой язык из S . Если L состоит из единственного элемента L , этот язык исключается из рассмотрения. Если L включает два языка, оно включается в множество пар M . Если L состоит из трех или более языков, то из них случайным образом выбирается пара языков для включения в множество M . Полученное таким образом множество M содержит 325 пар родственных языков. Так как исходная выборка S очень велика и случайна, можно с достаточной долей надежности считать, что ее "плотность" (степень родства между наиболее близкородственными языками) постоянна, т.е. полученное множество M более или менее однородно по времени расхождения языков в паре (около 1000 лет); эта величина и принимается в дальнейшем за "временной шаг"³.

Для целей этого исследования, данные о базовом порядке слов были представлены в терминах трех бинарных параметров, [SO], [SV] и [VO]. Для оценки вероятностей перехода, множество пар M необходимо разбить на несколько подмножеств M_j таким образом, чтобы частоты положительного значения изучаемого параметра по

³ Теоретически можно предположить, что этот временной шаг слишком велик для моделирования изменений порядка слов, т.е. порядок слов в среднем меняется так быстро, что существует значительная вероятность двух или более переходов на протяжении одного тысячелетия (см. сноску 2). Представляется, однако, что такое предположение находится в противоречии с эмпирически наблюдаемой однородностью генетических языковых групп с меньшим временем дивергенции по признаку базового порядка слов.

возможности значительно отличались друг от друга. С этой целью, языковая популяция разбивалась на несколько частичных популяций, соответствующих множествам семей в Ethnologue; эта классификация содержит 100 макросемей, 73 из которых представлены в S. Для каждого параметра семьи упорядочивались по частоте положительного значения данного параметра внутри семьи, и полученный список разбивался на несколько множеств семей приблизительно равного размера, из которых и выбирались множества M_j .

Для параметров [SV] и [VO] с помощью этой процедуры удалось выделить по четыре достаточно больших множества пар M_j . Данные о распределении пар в этих множествах приведены в табл. 1–2, а соответствующие оценки параметров процессов языковых изменений суммированы в табл. 4.

Таблица 1

Распределение пар по параметру [SV]

	SV/SV	VS/VV	SV/VV	q	d
M_1	2	13	8	0.261	0.348
M_2	62	20	15	0.157	0.154
M_3	61	2	2	0.015	0.031
M_4	92	0	0	1.0	0.0

Таблица 2

Распределение пар по параметру [VO]

	VO/VO	OV/OV	VO/OV	q	d
M_1	2	76	10	0.080	0.114
M_2	13	34	18	0.338	0.277
M_3	51	22	9	0.677	0.110
M_4	81	15	11	0.808	0.103

Предварительно отметим, что полученные оценки для переменной [SV] хорошо согласуются с данными синхронных наблюдений в том смысле, что вероятность перехода в состояние SV выше вероятности обратного перехода, причем обнаруженная универсалия оказывается сильнее, чем можно было бы предположить на основе синхронных наблюдений: предсказанная стационарная вероятность SV (0.98) выше наблюдаемой в популяции частоты этого состояния (0.86). Необходимо подчеркнуть, что эта оценка получена без учета распределения переменной в популяции; напротив, метод включает построение частичных популяций, для которых распределения переменной существенно отличаются от наблюдаемого в популяции в целом. Иными словами, стохастическая универсалия подтверждается независимо от ее "проявления" в синхронном распределении. Различие между вероятностями перехода по параметру [VO] существенно менее значительно, что также согласуется с данными синхронного распределения; более того, полученные оценки подтверждают, что этот параметр значительно менее мобилен, чем [SV] [Dryer 1997]. С другой стороны, полученные оценки вероятностей перехода для [VO] предполагают, что стационарная вероятность VO (0.635) больше, чем стационарная вероятность OV, тогда как синхронные частоты различаются противоположным образом, что указывает

на существование стохастической универсалии, не проявившейся в синхронной статистической тенденции. Более подробно этот результат обсуждается в разделе 6.

Разбиение на частичные популяции с разными распределениями переменной l может оказаться невозможным, если ее распределения среди языков одной семьи приблизительно одинаковы для всех сколько-нибудь больших семей. Такая ситуация может возникнуть в двух принципиально разных случаях. Во-первых, переменная может быть настолько мобильна, что ее распределение внутри каждой семьи приближается к стационарному. В этом случае, сам факт сходства наблюдаемых распределений демонстрирует их близость к стационарному распределению, следовательно, лингвистическую значимость наблюдаемой тенденции. С другой стороны, если мобильность переменной очень мала и все языки – предки достаточно больших языковых семей находились в одном и том же состоянии, то частота этого состояния в любой семье близка к 100%. Наиболее очевидный частный случай такой ситуации – абсолютная универсалия, в этом случае единственный возможный вывод состоит в том, что наблюдаемое состояние очень стабильно, т.е. вероятность ухода из этого состояния близка к нулю даже для очень большого временного шага в несколько тысячелетий.

Если вернуться к стохастическим универсалиям, то возникает вопрос, как различать (а) мобильные переменные с распределением, приближающимся к стационарному, и (б) немобильные переменные с распределением, отражающим случайное совпадение значений переменной во всех языках-предках. Прежде всего, если наблюдаемое распределение не очень сильно отклоняется от равномерного, то интерпретация (б) отпадает – она возможна только при условии близости к нулю частоты редкого типа в каждой семье. С другой стороны, если это условие выполняется, предлагаемый метод ограниченно применим, поскольку полное совпадение распределений внутри семей практически невозможно. Пример такой ситуации – параметр [SO]. Хотя этот параметр принимает только положительное значение во многих языковых семьях, удастся выбрать три достаточно больших множества пар M_j с несколькими разными распределениями этой переменной. Распределения типов пар в этих выборках и соответствующие значения q_j и d_j приведены в табл. 3.

Таблица 3

Распределение пар по параметру [SO]

	SO/SO	OS/OS	SO/OS	q	d
M_1	39	6	18	0.762	0.286
M_2	92	1	10	0.942	0.097
M_3	92	0	0	1.0	0.0

Эти данные позволяют получить оценки вероятностей перехода ($p_{10} = 0.004$, $p_{01} = 0.586$). В соответствии с этими оценками, переход из OS в SO на рассматриваемом временном шаге был почти в 150 раз более вероятен, чем обратный переход, что означает, что предполагаемая стационарная вероятность SO (0.99) несколько выше наблюдаемой частоты этого состояния. Таким образом, наблюдаемое распределение довольно точно отражает свойства стационарного распределения. Действительно, вероятность ухода из OS настолько велика, что параметр [SO] очень мобилен, т.е. сходится к стационарному распределению за относительно небольшое количество шагов. В частности, для языка типа OS вероятность сохранить этот тип после шести временных шагов (что приблизительно соответствует минимальной временной глубине семьи) составляет 0.012. Таким образом, мы имеем дело с очень мобильным параметром, синхронное распределение которого приближается к стационарному.

5. О РОЛИ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛУЧАЙНОСТЕЙ

Предлагавшиеся в типологической литературе способы решения задачи различения 'случайного' и 'лингвистически значимого' в наблюдаемых распределениях типологических переменных сводятся, в значительной степени, к одной простой и, на первый взгляд, весьма разумной идее. Эта идея состоит в том, что из языковой популяции можно целенаправленно выбрать некоторое подмножество I таким образом, чтобы исключить – или, по крайней мере, минимизировать – возможное влияние исторических случайностей на распределение лингвистических переменных. Поскольку основным потенциальным источником статистически значимых (но лингвистически 'случайных') сдвигов в таких распределениях является возникновение и распространение языковых семей, можно предположить, что если включить в I один случайно выбранный язык из каждой генетической группы некоторой временной глубины, то распределение лингвистических переменных в I будет 'избавлено' от влияния исторических событий, которые произошли за соответствующий период времени [Bell 1978]. В дальнейшем я буду обозначать распределение переменной l в множестве типа I как $L(I)$, а ее распределение в популяции – или в случайной выборке из популяции – как $L(E)$.

Несмотря на несомненную интуитивную привлекательность, этот метод – особенно в его наиболее сильном варианте, когда в выборку I входит не более одного языка из каждой языковой семьи – не решает поставленной задачи, а в некоторых случаях может ухудшить результаты, т.е. $L(I)$ может хуже отражать свойства стационарного распределения, чем $L(E)$. Представим себе множество E_0 языков – предков современных языковых семей. Распределение лингвистических переменных в E_0 возникло также, как и распределение в E , т.е. явилось результатом одновременного воздействия двух типов стохастических процессов (исторических процессов возникновения языковых семей и языковых изменений в истории каждого языка) на праязык или 'мини-популяцию' праязыков. Как показано в [Maslova 2000], в небольшой популяции языков исторические процессы с большой вероятностью порождают неравномерные распределения лингвистических переменных, дополнительным источником 'случайности' являются собственно свойства праязыка (или праязыков). Следовательно, распределение $L(E_0)$ можно считать, с лингвистической точки зрения, случайным.

Если переменная l достаточно мобильна, то распределение $L(I)$ в множестве, содержащем один язык-потомок каждого языка из E_0 , незначительно зависит от начального состояния (т.е. от свойств E_0) и, с большой вероятностью, отражает свойства стационарного распределения. Но в этом случае этими же свойствами обладает и языковая популяция в целом, прежде всего потому, что в больших популяциях исторические процессы практически не могут привести к значительным изменениям в распределениях лингвистических переменных [Maslova 2000]. На основе достаточно большой случайной выборки можно оценить влияние таких процессов на $L(E)$. Например, параметр [SV] принимает положительное значение для 86% языков в полной случайной выборке Томлина [Tomlin 1986]. В случайной подвыборке типа I эта переменная имеет в точности такое же распределение. Тот же результат наблюдается для параметра [SO] – и в полной выборке, и в случайной подвыборке типа I параметр принимает положительное значение приблизительно в 96% языков. Таким образом, для мобильных переменных построение выборки типа I не меняет результатов по сравнению со случайной выборкой из популяции.

Если переменная l изменяется медленно, то распределение $L(I)$ сильно зависит от начального состояния. Это означает, что метод не решает поставленной задачи – свойства $L(I)$ в значительной степени определяются теми случайностями, которые привели к появлению E_0 . В принципе, это относится и к популяции E в целом. Сравним, однако, распределения 'медленного' параметра [VO] в популяции и в выборках типа I . В популяции распределение по этому параметру близко к равномерному – пе-

ременная принимает положительное значение для 48% языков, тогда как в L(I) частота этого значения заметно меньше, около 40%. Близкие результаты дает выборка Драйера для так называемых "родов" языков (*genets*), т.е. языковых групп типа германской или романской подгрупп индоевропейской семьи – около 41% родов содержат языки VO [Druet 1998]. Драйер [Druet 1989] объясняет это расхождение совпадением двух исторических случайностей – широким распространением австронезийских языков и языков банту, из чего вроде бы следует, что преобладание OV в L(I) точнее отражает универсальные свойства языка, чем равномерное распределение L(E). Это объяснение оставляет открытым вопрос, почему то же совпадение никак не повлияло на распределения [SV] и [SO].

С другой стороны, в соответствии с данными полученными в разделе 4, стационарная вероятность VO составляет около 64% (см. табл. 4), т.е. переход от OV к VO несколько более вероятен, чем обратный переход.

Таблица 4

Оценки динамики изменений базового порядка слов

	Вероятности переходов		Вес универсалии	Мобильность параметра	Стационарная вероятность
	P_{01}	P_{10}	$\omega(I) = P_{01}/P_{10}$	$\mu(I) = P_{01} + P_{10}$	$s_1 = P_{01}/(P_{01} + P_{10})$
[SO]	0.586	0.004	146.5	0.590	0.993
[SV]	0.236	0.004	59	0.240	0.983
[VO]	0.096	0.055	1.74	0.151	0.635

Эти оценки хорошо согласуются с имеющимися данными о таких переходах [Givón 1979, Newmeyer 2000]. Но это означает, что L(E) оказалось ближе к стационарному распределению, чем L(I). Иными словами, выборки типа I лучше сохраняют случайные свойства исходной популяции E_0 (в данном случае, преобладание OV), а значит, дают менее лингвистически значимые результаты, чем случайные выборки. Этот на первый взгляд неожиданный эффект имеет простое качественное объяснение. Если оба значения параметра очень стабильны, то в большинстве семей преобладает исходное значение, поэтому при случайном выборе одного языка из семьи он с большой вероятностью отражает именно исходное значение. В результате, выборка типа I довольно точно отражает распределение параметра в исходной популяции E_0 . С другой стороны, если одно значение (в нашем примере, OV) несколько менее стабильно, чем другое, семьи с менее стабильным исходным значением содержат, в среднем, несколько большее число языков, изменивших значение параметра. В результате, в популяции в целом частота более стабильного состояния (VO) возросла по сравнению с E_0 , т.е. приблизилась к его стационарной вероятности, и это произошло не "случайно", а именно благодаря небольшому различию в вероятностях перехода. Иными словами, в результате попытки исключить влияние размеров семей на распределение переменной, мы полностью теряем информацию о различиях в стабильности между значениями этой переменной, которая содержится в распределениях этой переменной в *n* у т р и языковых семей с разными исходными значениями.

Эти наблюдения позволяют сделать два вывода. Во-первых, попытки элиминировать эффекты исторических случайностей с помощью построения выборок типа I не приводят к ожидаемому улучшению оценок вероятностей языковых типов, для мобильных параметров, те же оценки можно получить на основе случайной выбор-

ки, а для медленных параметров такая выборка дает м е н е е лингвистически значимые результаты. С другой стороны, приведенные выше соображения позволяют предложить относительно простую эвристику для оценки лингвистической значимости наблюдаемых тенденций: если распределения некоторой переменной в популяции в целом и в выборке типа I приблизительно одинаковы, то, с большой вероятностью, это достаточно мобильный параметр, распределение которого близко к стационарному, а следовательно, лингвистически значимо. Именно эта ситуация наблюдается для параметров [SO] и [SV]. Если же распределения L(I) и L(E) значительно различаются, то переменная имеет низкую мобильность, и распределение L(I) отражает прежде всего свойства исходной популяции E_0 . Тогда само различие между распределениями L(I) и L(E) отражает универсальную тенденцию языковых изменений, а именно L(E) ближе к стационарному распределению, чем L(I). Как показывает анализ параметра [VO] в разделе 4, это не значит, что по L(E) можно судить о свойствах стационарного распределения, т. е. о "весе" стохастической универсалии. Именно в случаях расхождения между L(I) и L(E) предложенный здесь метод оценки вероятностей переходов наиболее полезен, так как он дает возможность обнаружить стохастические универсалии, не проявившиеся в синхронных статистических тенденциях.

6. ДИНАМИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ ПАРАМЕТРАМИ

Поиск лингвистически мотивированных статистических зависимостей между параметрами находится в центре внимания типологических исследований. В рамках рассматриваемой здесь модели, лингвистически значимая зависимость между двумя параметрами – это различие вероятностей перехода по одному из этих параметров в зависимости от значения другого параметра. Описанный в разделе 3 метод можно использовать для обнаружения таких зависимостей.

Предположим, что мы хотим определить наличие зависимости вероятностей перехода для переменной I_1 от значения другой лингвистической переменной, I_2 . Выделим два множества пар M_i , в которых переменная I_2 принимает одинаковые значения, например, $M_0([VO])$ содержит все пары, в которых оба языка имеют базовый порядок слов OV, а $M_1([VO])$ – все пары языков VO. Хотя мы не можем с уверенностью предполагать, что параметр [VO] принимал это же значение в и с х о д н о м языке каждой пары, ясно, что р а с п р е д е л е н и я значений этого параметра в соответствующих множествах исходных языков A_i различны, так как сохранение исходного значения в каждом языке намного более вероятно, чем его изменение (см. табл. 4). Следовательно, если вероятности изменений I_1 зависят от значения I_2 , то они различны и для множеств A_i . Для каждого множества M_i легко оценить значение вероятности q_i положительного значения I_1 и с помощью данных, полученных применением основного метода оценки вероятностей перехода, вычислить ожидаемое значение коэффициента дивергенции d_i , т.е. вероятность появления дивергентной пары при условии независимости I_1 от I_2 . Например, в множестве $M_0([VO])$ частота положительного значения параметра [SV] составляет $q_0 = 0.699$. Подставляя оценки вероятностей перехода из табл. 4 в уравнение (4) получаем ожидаемое значение $d_0 = 0.149$. При помощи критерия χ^2 с одной степенью свободы можно оценить, соответствует ли наблюдаемое количество дивергентных пар ожидаемому. В данном случае, множество $M_0([VO])$ состоит из 141 пары, 17 из которых разошлись по параметру [SV]. Соответствующее значение $\chi^2 = 0.91$, что означает, что наблюдаемое значение очень близко к ожидаемому при условии независимости. Аналогичная ситуация наблюдается для множества $M_1([VO])$, т.е. вероятности изменения значений [SV] можно считать независимыми от значения [VO]. Данные сопоставления трех пар рассматриваемых параметров приведены в табл. 5. Эти данные показывают, что процессы перехода по этим параметрам можно считать независимыми друг от друга.

Проверка динамической независимости параметров

l_1	l_2		Общее число пар	Число дивергентных пар	q	d	χ^2
[SV]	[VO]	M_0	141	17	0.698	0.149	0.91
		M_1	146	0	0.986	0.015	2.25
[SO]	[VO]	M_0	141	16	0.924	0.104	0.07
		M_1	146	1	0.982	0.031	2.68
[SO]	[SV]	M_0	269	2	0.996	0.013	0.73
		M_1	36	8	0.778	0.286	0.73

С другой стороны, сама возможность существования динамических зависимостей до некоторой степени ограничивает применимость описанной в разделе 2 модели бинарных параметров если переменная l зависит от значений множества D других лингвистических параметров, то вероятности изменения значений l на n -ом шаге зависят от распределения $L_D(n-1)$ параметров D на предыдущем шаге. Поскольку само распределение $L_D(n)$ может быть нестационарным, то полученные для одного шага оценки вероятностей перехода для l нельзя считать универсальными свойствами этого параметра, т.е. минимальная вероятностная модель бинарных переменных оказывается, в общем случае, неприменимой. Тем не менее, как показано выше, предложенный метод оценки вероятностей перехода можно использовать для обнаружения таких зависимостей, т.е., по сути дела, более сложных стохастических универсалий. Применимость метода за пределами области применимости модели обусловлена тем, что предположение об универсальности вероятностей перехода никак не используется при получении оценок этих вероятностей. Более того, если предполагается, что обнаруженная зависимость сводится к универсальному стохастическому запрету на определенное сочетание значений переменных (т.е. к импликационной стохастической универсалии), эту гипотезу можно проверить с помощью того же метода, выбрав новую переменную l^* , нулевое значение которой определяется как наличие "запрещенного" сочетания свойств, а положительное – как отсутствие хотя бы одного из этих свойств

7. О РОЛИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Краеугольный камень описанной в разделе 2 динамической модели составляет предположение, что вероятность изменения состояния языка определяется универсальными, собственно лингвистическими, свойствами этого состояния, его внутренней стабильностью. Альтернативная стохастическая модель языковых изменений может быть основана на гипотезе, что эта вероятность определяется прежде всего контактной ситуацией, в которой находится языковое сообщество. Представим себе такую простейшую модель. Пусть s – доля языков в популяции, которые находятся под достаточно сильным влиянием языковых контактов; поскольку вероятность оказаться в такой ситуации, очевидно, не зависит от лингвистических свойств языка, то коэффициент s можно считать постоянным для языков с разными значениями изучаемого параметра l . Далее, пусть p – вероятность изменения значения данного параметра при условии, что его значения в контактирующих языках различны. В рамках контактной модели p не зависит от текущего значения параметра. Тогда вероятность перехода из состояния $l = i$ в состояние $l = j$ определяется тем,

с какой вероятностью второй контактный язык окажется в состоянии $l = j$, которая в свою очередь, зависит прежде всего от частоты таких языков в популяции. Таким образом, эта модель предсказывает следующие вероятности переходов

$$(5) p_{01} = cpf, \quad p_{10} = cp(1 - f),$$

где f , как и раньше, обозначает частоту положительного значения l . Иными словами, предсказание состоит в том, что вероятности перехода соотносятся так же, как и частоты значений в популяции. Легко заметить, что в точности этим же свойством обладает стационарное распределение [см. уравнение (1)] Иными словами, в этой модели любое синхронное распределение является стационарным, а значит остается неизменным сколь угодно долго. Даже очень сильные статистические тенденции – такие, как преобладание языков SO – могут, однажды случайно возникнув, "само-возобновляться" за счет языковых контактов при полном отсутствии различий в стабильности языковых состояний.

Это означает, что высокую степень "согласованности" вероятностей перехода с наблюдаемой статистической тенденцией, которая в разделах 2–4 интерпретировалась как критерий лингвистической значимости последней, можно объяснить и в рамках контактной модели: например, вероятность перехода от SO к OS может быть намного меньше вероятности обратного перехода просто потому, что в популяции намного меньше языков OS, и, следовательно, меньше вероятность оказаться под влиянием такого языка. Другими словами, проблема состоит в том, что языковые контакты способны создавать "тенденции" языковых изменений, т.е. различия в вероятностях перехода, которые, в отличие от стохастических универсалий, являются не свойством языка, а свойством языковой популяции с неравномерным распределением лингвистической переменной. Можно предположить, что наблюдаемые различия в вероятностях перехода представляют собой некую комбинацию этих явлений. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы определить относительный "вклад" внешних (популяционных) и внутренних (универсальных) факторов в эту комбинацию.

Прежде всего, если обнаруженное различие вероятностей перехода не согласуется с наблюдаемым синхронным распределением (как, например, для параметра [VO]), то его можно объяснить только наличием стохастической универсалии, т.е. различием во внутренней стабильности состояний. Более того, такая универсалия, скорее всего, имеет больший вес, чем можно было бы предположить на основе полученных оценок, так как ей противодействует тенденция, создаваемая языковыми контактами. В самом деле, многие переходы из VO в OV объясняются именно влиянием языковых контактов [Newmeyer 2000]. Общий метод оценки относительной роли языковых контактов и стохастических универсалий может быть основан на применении описанной в разделе 6 процедуры обнаружения динамических зависимостей к языковым параметрам с разными синхронными распределениями изучаемого параметра (ср. [Dryer 1989]); более детальная разработка этой идеи представляет собой одно из необходимых направлений дальнейших исследований динамики типологических распределений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bell 1978 – *A Bell* Language sampling // JH Greenberg ed. Universals of human languages V. I Method and theory Stanford, 1978
- Comrie 1989 – *B Comrie*. Language universals and linguistic typology 2-nd ed Oxford, 1989.
- Dryer 1989 – *M S Dryer* Large linguistic areas and language sampling // Studies in language 13 1989
- Dryer 1997 – *M S Dryer*. On the 6-way word order typology // Studies in language 21 1997.
- Dryer 1998 – *M S Dryer*. Why statistical universals are better than absolute universals // Papers from the 33rd annual meeting of the Chicago linguistic society. 1998

- Greenberg 1963 – *J.H. Greenberg* Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // *J.H. Greenberg* ed. *Universals of language*. Cambridge (Mass.), 1963.
- Greenberg 1978 – *J.H. Greenberg* Diachrony, synchrony and language universals // *J.H. Greenberg* ed. *Universals of human languages*. V. I. Method and Theory. Stanford (California), 1978.
- Greenberg 1995 – *J.H. Greenberg*. The diachronic typological approach to language // *M. Shibatani, T. Bynon* eds. *Approaches to language typology*. Oxford, 1995.
- Givón 1979 – *T. Givón*. *On understanding grammar*. New York, 1979.
- Grimes ed. 1997 – *B. Grimes* ed. *Ethnologue: languages of the world (plus supplement: ethnologue index)*. 13th edition. Dallas, 1997.
- Hawkins 1983 – *J.A. Hawkins*. *Word order universals. Quantitative analysis of linguistic structure*. New York, 1983
- Lass 1997 – *R. Lass*. *Historical linguistics and language change*. Cambridge, 1997
- Maddieson 1991 – *I. Maddieson* Investigating linguistic universals. Proceedings of the XIIth International congress of phonetic sciences V I 1991
- Maslova 2000 – *E. Maslova* A dynamic approach to the verification of distributional universals. *Linguistic typology* 4–3 2000
- Newmeyer 2000 – *F.J. Newmeyer*. On the reconstruction of "Proto-World" word order // *C. Knight et al.* eds. *The evolutionary emergence of language*. Cambridge, 2000.
- Tomlin 1986 – *R.S. Tomlin*. *Basic word order: Functional principles*. London, 1986.

© 2004 г. О.А. ЛАПТЕВА

**САМООРГАНИЗАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ ЯЗЫКА:
ВНУТРЕННИЕ ИСТОЧНИКИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
(СТАТЬЯ ВТОРАЯ)**

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит *как бы* хрустальный,
И лучезарны вечера...

(Ф.И. Тютчев. 1857 год)

Функциональные синонимы *как бы*

Второй лидер группы ослабления степени проявления признака [см. О.А. Лаптева. ВЯ 2003 № 6 (статья первая)] – *как бы*. К нашему времени, а особенно в последние годы, он стал показателем ограничения значения не только качественности значения прилагательного и наречия, но и любого комплекса сем, составляющих значение любого знаменательного слова. Такое практически неограниченное расширение возможностей *как бы*, исходно, как это видно из строки поэта, намного более скромных при его сочетаемости, базируется как на его основном номинативном значении (сравнении, установлении сходства, "кажимости"), так и на его частеречной принадлежности.

Категориальное значение *как бы* (и *как*) изначально синкретично. В словарях и грамматиках *как бы* лишь изредка встречается в рядах своих синонимов: союзов и частиц сравнительно-сопоставительной семантики и модальных частиц, выражающих сомнение и неуверенность, даже наречий и предлогов (*как, чем, будто, словно, точно, как будто, вроде, вроде бы* и некот. др.). В примерах (из Чернышевского и Достоевского: ...смех, который уже не продолжался, а *как бы* остановился и застыл; С амурных дел они, или так встретились? *Как бы* с амурных дел, он был веселый) исследователями усматривается сравнительно-условное значение. И в Гр-80, и в "Русском языке" В.В. Виноградова отмечается как характерная черта модальных и сравнительных частиц их синкретизм с союзами, вводными словами, междометиями, наречиями, свойства которых они в себе совмещают и при этом выполняют функцию модальной связки. В ряду этих частей речи упоминаются и предлоги. Это обеспечивает "модальным частицам" возможность легкого перемещения в другую грамматическую зону, что размывает границы между ними.

На этом грамматическом фоне *как бы* утверждает свое комплексное значение уподобления, сравнения, ограничительности, приблизительности, неуверенности и неполного проявления значения при речевой реализации слова, к которому оно относится. Его синкретичная грамматическая природа позволяет ему сочетаться практически с любой знаменательной частью речи. Отсутствие синтаксических ограничений ведет к нежелательным для коммуникации последствиям: возникает текстовая омонимия синтаксических и смысловых связей в высказывании [Лаптева 1999]. Так, в высказывании *Вот это очень тяжелая как бы материальная затрата* (Эхо Москвы, беседа) *как бы* может относиться и к *тяжелая*, и к *материальная*, и к *материальная затрата*.

Ясно, что при возникновении постсоветского стремления к самоограничению безусловности и категоричности утверждений и суждений в их речевом воплощении *как бы* еще органичнее, чем *достаточно*, вписалось в роль лидера группы ослабления (смягчения, ограничения) значения слова. Если *достаточно* должно было для этого изменить свое значение и стать вместо *достаточно*₁ словом с противоположной функцией – *достаточно*₂, то *как бы* не пришлось отходить от исходного значения, характеризующегося очень удобной для этой роли синкретичностью. Если *достаточно*₂ способно сочетаться лишь с качественными прилагательными и наречиями и поэтому ослабляет степень проявления признака, то *как бы* в силу своей неограниченной сочетаемости способно ослаблять любое значение слова безотносительно к его принадлежности к грамматическому разряду.

Поэтому *как бы* гораздо однороднее в своих употреблениях, чем *достаточно*, и у него лишь две ступени преобразования (если считать второй ступенью превращение в слово-паразит), а не три, как у *достаточно*. Обозначенные различия позволили этим словам дополнять друг друга и составить пару лидеров группы ослабления значения, стать партнерами без риска возникновения дублирования и избыточности при языковом воплощении по сути одинаковой функциональной роли.

Прежде чем охарактеризовать и показать современное употребление *как бы*, интересно обратиться к обширной группе слов и оборотов речи с подобным же предназначением передать неуверенность, некатегоричность утверждения или наименования, ограничение и ослабление значения слова. Это фон современного употребления *как бы*. Многие из этих средств давно и прочно утвердились в литературном языке, ср.: Судя по его словам, у него были функции *что-то вроде* пресс-секретаря (Сейчас, вед. Мих. Осокин); Я стремился к этому всю, *наверно*, свою жизнь (интервью олимпийского чемпиона); Один недостаток у этого йети: его *словно бы* нет на свете (Б. Заходер) и под. Здесь можно назвать *как будто*, *почти*, *почти что*, *наподобие*, *видимо*, *по-видимому* и мн. др., а из речевых клише – *если можно так сказать*, *как бы это получше сказать*, *с позволения сказать*, *можно сказать*, *будем говорить*, *ну как сказать*, *ну положим*, *ну скажем*, ср. еще *допустим*, *положим*, *предположим*, *скажем так*, *если на то пошло*, *короче говоря*, *иначе говоря*, *вообще говоря* и некот. др. Нетрудно заметить, что такие речевые клише объединяются семантикой обдумывания, поиска, нахождения и выбора слова (и почти всегда включают в себя глаголы говорения), а это основано на общей семе неуверенности в точности выбора, осознания его приближенности. Отсюда остается последний шаг к ослаблению значения слова.

Эта группа обширна и потому неудобна для повседневного автоматизированного речевого употребления, что ведет к неодинаковой частотности членов группы. Некоторые из них становятся наиболее употребительными. Подобная массовость всегда способствует стиранию граней исходного значения такого слова, которое в своей семантике истончается до функции ослабления значения того слова, к которому оно относится. Далее же только один путь – стать словом-паразитом, сохраняющим свою излюбленность и потому массовым, но не сохраняющим никакого значения и никакой функции.

Из группы с глаголом говорения вырываются вперед по употребительности и утрате своего значения *скажем*, *как говорится* и *так сказать*. Они очень быстро превращаются в засоряющие речь слова-паразиты и уходят из корпуса средств литературного языка. Остальные продолжают оставаться в свободном употреблении и сохраняют варианты (*можно так сказать*, *скажем так*, *по существу говоря*, *по сути говоря* и под.).

В наше время фон наиболее употребительных слов-синонимов для *как бы* составляют, кроме *скажем*, *как говорится* и *так сказать*, слова *в принципе*, *в общем(-то)*, *допустим*, а также *типа* (о котором ниже отдельно). Можно назвать и новое *где-то* "в чем-то" (просторечное), *в плане*, *в районе* (пришедшие в просторечие из канцелярского обихода) и бессмысленное *по жизни*. Последние четыре оставим здесь без внимания и проиллюстрируем обозначенный фон.

– Что вы используете? – Ну такие поршневые *скажем* средства. Очень проблемно. (телереклама); Инициаторы конфликта / будут наказаны по всей строгости закона / а / *скажем* / г-н Парканский будет уволен с работы. (НТВ. Сегодня, интервью зам. министра экономики); Но общий тон и дух мне *скажем так* внушает оптимизм. (НТВ. Сегодня, интервью Мих. Касьянова).

[...] строили больницы, школы, другие, *как говорится*, места (ТВЦ. События, интервью московского чиновника); спуск [...] спускается к Лужникам с очень таким *как говорится* приятным поворотом (ТВЦ. Лицом к городу, Ю.М. Лужков); ряд отраслей *как говорится* промышленного комплекса (Радио России. От 1-го лица, зам. губернатора Курской обл.); Позвольте вас поздравить *как говорится* с Международным женским днем (телереклама); Оно очень быстро вспыхнуло, и, *как говорится*, огонь быстро распространялся. (ТВС. Новости, милиционер из Якутии); [...] достаточно самостоятельные и экономически *как говорится* достаточно в этом отношении обеспеченные. (НТВ. Сегодня, интервью Г.Н. Селезнева); вот тех мигрантов *как говорится* незаконных мы выселили (Россия. Вести, интервью Ю.М. Лужкова); Своя, *как говорится*, маленькая страна в большой стране. (ТВЦ. Московия, интервью из Талдмо о детях в приемной семье).

– А выход из роли легко у вас проходит? – По-разному, такой, *так сказать*, шлейф тянется. (Культура, вед. и актер Александр Лазарев; в его речи буквально через слово *так сказать*, а как бы не отмечено); И когда мы *так сказать* начинаем тренировать мышечный тяж [...] (Радио России, мануальный терапевт); дискуссия между *так сказать* Германом Грефом и Христенко (ТВ-6. Пресса с доставкой на дом, обозреватель); А перед обеденным перерывом мы сможем *так сказать* поздравить его лично. (Г.Н. Селезнев ведет заседание Думы); Основная задача – доставить продукты. Другая *так сказать* задача – доставить палатки и оборудование. (Радио России, репортаж); Я не думаю сейчас о каком-то *так сказать* квартирном жилье. (ТВЦ. Бизнес-новости, певец Дм. Маликов); Генерал Шаманов он состоит *так сказать* в запасе (ТВС. Новости, интервью генерала Ген. Трошева); Это задача Госохраны, которая *так сказать* должна следить за этим. (Радио России. Новости, Евг. Воронин из МИДа); Как бы мы *так сказать* не относились *так сказать* к нашему *так сказать* историческому прошлому, но внешняя, *так сказать*, стратегия была очень ясная. (Россия. Зеркало; Павел Гусев, гл. ред. "Московского Комсомольца"); И я хотел бы поздравить ваших жен и детей с этим *так сказать* профессиональным праздником. (Столица, чиновник поздравляет пожарных); И этот коллектив возглавлял мастер кино *так сказать* и театра (Культура, беседа об Александре Абдулове); А что касается пространства, то оно будет единым с точки зрения *так сказать* прав, свобод (Радио России. Открытая студия, вед. А. Светенко); – Каковы шансы на эту сделку? – Ну это *так сказать* будет решать суд. (Первый, дипломат в США); подавал в Мореходное училище *так сказать* заявление (ТВЦ. Уроки русского; о себе рассказывает Олег Ефремов); Но я думаю, что здесь будет настолько *так сказать* много записавшихся, что... (Маяк. Новости, корр. Сергей Панкратов); Пришлось объявить такое положение, чтобы принять, *так сказать*, необходимые меры и мобилизовать население. (ТВЦ. События, интервью мэра Ленска); люди, которые думают, как развивать, *так сказать*, собственную экономику (НТВ. Итоги, интервью предпринимателя).

У нас все дети учатся, *допустим*, в русских школах. (НТВ. Сегодня, интервью учителя из Пермской обл., утверждение); Я сам, *допустим*, хожу утром на колонку за водой. (ТВС. Новости, губернатор г. Борисоглебска Ярославской обл.); Сегодня *допустим* первый раз вышли на этой машине. (НТВ. Если завтра война, сообщение = *на пример*); Из-за моего звонка мою жену и моего сына *допустим* пересадили в первый ряд. (НТВ. Сегодня; говорящий звонил лидеру террористов в Театральный центр на Дубровке); – Я *допустим* противник, чтобы акции отбирали. (ТВ-6. Сейчас, интервью сельского жителя из Калининградской обл.); – Вы знаете Якуба? – Я *допустим* не знаю. (НТВ. Сегодня; репортаж, диалог с чеченским старейшиной); Что касается до-

кументов, то нам документы удалось спасти. Что касается *допустим* личных дел, то нам удалось часть спасти. (ТВС. Новости, интервью чиновника из Якутска).

В этом материале выделенные слова (слово) заключались в запятые как вводные слова, если смысл высказывания давал возможность усматривать в них эту функцию. Если же они полностью опустошены и их значение равно нулю или очень близко к нулю, то запятые не ставились. Иногда исходное значение таких слов вступает в противоречие с окружающим контекстом и общим смыслом высказывания.

У меня тоже *в принципе* дочь двенадцати лет. (НТВ. Независимое расследование, участник передачи); Я училась хорошо, *в принципе* на четверки и пятерки. (НТВ. Сегоднячко, женщина рассказывает); Я *в принципе* могу сказать, что здесь погода очень ясная. (ТВ-6. Утро, молодая ведущая прогуливается около Останкинского телецентра); Я с уважением отношусь к журналистам НТВ. *В принципе* это моя самая любимая программа. (НТВ. Сегодня; интервью Конст. Титова, губернатора Саратовской обл.); – Может, поужинаем вместе? – Я *в принципе* не голоден. (Фильм "Другая жизнь"); Теперь о районе города, где это все случилось. Это *в принципе* окраина. (Радио России, корр.); – Вы тогда заняли позицию "ни нашим ни вашим", но *в принципе* вы не были в Белом доме. Почему? (НТВ. Свобода слова, вед. Савик Шустер обращается к Александру Любимову); Ну *в принципе* оценки высокие *в принципе* мы выиграли ну *в принципе* мы рады! (Россия. Доброе утро, Россия! Новости о спорте, молоденькая спортсменка с сияющей улыбкой на одном дыхании выпаливает обозревателю).

Я знаю, что ваша семья *в общем-то* осталась без отца. (РТР, вед. передачи обращается к мужчине); А Гамбург – это *в общем* другой город. (Радио России. Отражение; вед., имеется в виду: не такой, как Берлин); – У вас вопрос? – нет, у меня ответ *в общем-то*. (Маяк--24; вед. и пожилая радиослушательница); Он рассказывал *в общем-то* окружившим его людям, что его побили. (НТВ. Сегодня, зритель хоральной синагоги в Москве); И когда я *в общем-то* подошел ближе, я увидел... (он же); В зале вообще шум как в общественной бане вообще. Ну что это такое вообще? (НТВ. Сегодня, репортаж, депутат Харитонов в Думе).

Эти шесть слов и оборотов речи, три из которых формируются в своем значении глаголами говорения, несут в себе семантику приблизительности наименования, характеризуются допущением ее неточности, а скажем, кроме того, сближается со значением слова *например*. Семантика неточности и приблизительности – это, конечно, ослабление значения слова (слов), к которому (которым) они относятся. Самый ее характер, поддержанный общественной пристрастностью к этой группе средств, вызывающей их весьма широкую употребительность, ведет к полной утрате их номинативного значения и функции и тем самым к паразитарности. В приведенном материале в употреблении представлены и те и другие случаи, ноль значения, очевидно, представлен не только в примерах без запятых. На основе исчезновения значения сложилась особая просторечная речевая манера, охватившая сейчас наше общество.

Семантика приблизительности свойственна и *как бы*, которое уверенно в качестве слова-лидера возглавляет группу и отвоевывает основную часть семантического поля приблизительности. Но в *как бы* изначально присутствует и главная для него сема – приблизительного уподобления, идентификации и квалификации через сравнение, уравнивающая его с *как будто*, которая, впрочем, в его употреблении (как будет показано далее) чаще всего бывает ослабленной. Тем не менее необходимо охарактеризовать и современное состояние употребления главного синонима *как бы*, несущего эту сему, – форму *типа*.

Типа – чуть ли не единственный из членов группы, для которого удается проследить языковое движение на очень коротком отрезке наших дней, исчисляемом двумя-тремя десятилетиями: эта словоформа, ставшая самостоятельной лексемой, была детально охарактеризована в 1983 году [Лаптева 1983]. Интересно сравнение замеченных тогда и нынешних его употреблений.

Сохраняется исходное его употребление с существительным в род. падеже, где оно взаимозаменяемо с *вроде*: – Это будет что-то *типа* тоста? – Да, *типа*, *вроде*.

(диалог И. Угольников с Е. Матвеевым); Плюс стихийные явления / *типа* зимы. (НТВ. Итого, ехидничает В. Шендерович); – Что это? – Ничего. Ну что-то *типа* журнала. (телефильм "Моцарт", перевод с французского); праздник, на котором раздавались книги *типа* дневника Анны Франк (Радио России, корр. Инесса Сокольникова); Отец окончил что-то *типа* техникума. (Радио России, Россия – это мы); Чем хорошо народное кино? Тем, что привлекаются новички *типа* меня. (НТВ. Один день на улице разбитых фонарей, сценарист; здесь *типа* явно вытеснило *вроде*); Этот поезд у нас обрабатывается по прибытии *типа* прибытия самолета (НТВ. Сегодня; интервью железнодорожника; заменяет *по типу*, ненормативно).

При этом развивается новое употребление с отсутствием номинации, предшествующей *типа*, что выводит конструкцию за рамки литературного способа: С него и спросят. Спросят сурово, *типа* перевода еще на какую-нибудь работу комсомольского профиля. (НТВ. Итого, В. Шендерович); У них там за этим местом *типа* Госфильмофонда (разг.); У нас была экскурсия сначала по Белому Дому, а потом нас привели в такой / *типа* холла что ли. (ОРТ. Время, интервью девушки); Это его сегодня я могу назвать *типа* агонии (НТВ. Герой дня, бизнесмен); В Германии водители сами пригоняли автомобиль на стоянку брошенных автомобилей и получали какие-то *типа* талончики что ли. (Радио России. Многогранник, вед.); – И знаете как он ногу делает? Вот так *типа* пируэта ставит. (разг.); Там стоит женщина, он ее не пускает. В общем, у них было *типа* драки. (разг.).

Подобное употребление существует наряду с законной формой род. падежа существительного *тип*: Такого *типа* модели антикоррупционных программ можно реализовывать в регионах разного типа. (Радио Россия. Отражение, Г. Сатаров); Это пальто облегченного *типа* (разг.); В трехстах километрах от Москвы люди живут, как в общине старого *типа*. (ТВ-6. Сегодня, корр. Св. Куницына).

В н е л и т е р а т у р н о с т ь усугубляется употреблением после *типа* существительного в форме им. падежа. Вот яркий пример в сочетании с другими показателями вне-литературности: – Что? – Ну что *короче*: звони. *Типа сам*. (молодой человек разговаривает по мобильнику); всё там надо делать *типа* трубы (Московия. Губернские известия, местный житель); некультуренную пищу люблю *типа там суп картофельный* (разг.); На Западе есть противная манера прикреплять к артистам *такие вот типа ярлыки*. (Культура. Сати Спивакова в рассказе о Евг. Светланове). Интересно, что такое *типа* попадает и в письменный текст, правда, в ироническом контексте: Этот самый Довгань – *типа магнат*. Поскольку в любом прилежащем киоске все уставлено разнообразнейшими водочками – одноименными. (Неделя. № 13. 14–20.04.1997); Ну был такой *типа щелчок не щелчок*. (НТВ. Сегодня, интервью очевидца).

Отмеченное ранее *типа* с именем собственным в форме им. падежа и сейчас часто: Почему и зачем выдвинулись депутаты *типа Скуратов и так далее*? (НТВ. Итоги, А. Минкин); На территории подстанции может разместиться несколько княжеств *типа Монако*. (ТВЦ. 5 минут деловой Москвы, корр.); У нас тут *типа мемориал* (фильм "Рождественская мистерия"); – Ниночка, как назывался лайнер, на котором плавал Губанов? – Писатель какой-то, *типа Пржевальский*. (фильм "Улицы разбитых фонарей", молодая девушка); были типовые магазины с названиями *типа "Овощи-фрукты"* (НТВ. Намедни, корр.); Приехал Майкл Джексон, приедут и другие мои друзья *типа* (имя собственное), *Мадонна* и другие. (НТВ. Сегодня, интервью Артема Тарасова = *например*); – Вы кто? – *Я типа Надежда Константиновна*. (НТВ. Куклы; говорит кукла Березовского, усиление комического эффекта); такая простая русская фамилия *типа Петров* (НТВ. Сегодня, журналист Давид Петросян = *вроде*).

В форме именительного может оказаться атрибутивное словосочетание: Раньше в России не было денег. Это были *типа условные единицы*, на которые ничего нельзя было купить. (НТВ. Итоги, Эдв. Радзинский); Наверно, у многих были *типа такие девичьи альбомы* (В нашу гавань заходили корабли, Э. Филина); – Нет, ну там наверно в Кремле *типа секретная почтовая голубятня* (НТВ. Итого, неспецифический репортаж, ирония).

Бывает и одиночное прилагательное, и развернутая атрибутивная конструкция: и если что-то есть там / э-э-э // *типа подозрительного* / то расследуем (НТВ. Итоги; Г. Чуглазов из отдела расследования Генпрокуратуры; здесь форма родительного); На вечеринке вы встречаете девушку ну скажем о которой мы щас говорим *типа худую стройную* (ТВ-6. Я сама, вед. Ю. Меньшова; здесь – винительного); а некоторые / люди которые *типа похожие* на депутата Семаго как я полагаю вообще у них принято заниматься политической проституцией (НТВ. Сегодня; репортаж, С. Юшенков на заседании Думы). Здесь формально есть имя (*что-то, девушку, которые*, но в первых двух случаях оно слишком удалено от прилагательного, а в третьем это скорее не *которые*, а *люди* – если судить по форме прилагательного – и тоже удаленное). Все это далеко от литературности.

Есть и числительное: В ней *типа три зала* открыто. (Радио России, М. Арбатова); А у нас там *типа 200 кошек*. (она же). Соответствия литературные: *кажется, около*.

Подобные конструкции прежде не были отмечены, что свидетельствует о еще более ярком воплощении тенденции отхода от принятых в литературном обиходе форм. Процесс идет дальше по намеченному пути. Поражает скорость изменений. Например, появляется возможность разрыва групп субъекта и предиката посредством *типа*, ср.: – Все мы *типа* из того же региона. (Радио России, вед.), разрыва устойчивого словосочетания, даже и церковного происхождения, ср.: – Слава *типа* Богу, пронесло. (певца в телепрограмме). Появляется новая мода на утверждение *типа да*: – У них што, шведский стол, што ли? – *Тина да*. (разговор двух женщин в троллейбусе, одна из них учительница, обе среднего возраста).

Отмечена форма *по тину*: – А что это за танец? (спрашиваю я внучку) – Это как бы *по тину брейк*. (отвечает она). Не родительный, а все тот же именительный. А вот и respectableные "Известия": Привлечение иностранного капитала будет привлекаться, но непременно под жестким контролем государственной власти на разных уровнях *по тину*, как это происходит в Китае, Юго-Восточной Азии, арабских странах. Здесь обращает на себя внимание строгое книжное окружение формы, официальность текста. Можно было бы расценить *по тину* как форму дательного падежа существительного *тин*, если бы этому не препятствовало *как* и переключка с разговорной формой, где к тому же *как бы* и *по тину* – в контактном соседстве. Такое тоже раньше не отмечалось. Процесс "пошел". Его поддерживает и разг. *типа как*: они *типа как* Пушкин (НТВ. Сегоднячко, вед., ирония), где *типа* стопроцентный паразит.

Двадцать лет тому назад было замечено *типа* в сочетании с разными косвенными падежами, даже и с предлогом. Сейчас это тоже есть: Ну первое что он был *в каком-то ну типа чемодане* (НТВ. Сегодня; интервью эксперта о взрывчатом веществе); – А почему он не с родителями? – Родители *где-то* они сказали *типа в Ливане*. (разг.); привезли *откуда-то типа из Ирака* (разг.); там висел портрет Рама Кришны / *типа на стекле / как будто*. (разг.). Вызывающая избыточность формы, дублирование способов выражения неопределенности уже переключались из разговорной речи на телеэкран.

В отмеченных прежде [Лаптева 1983] сочетаниях *типа* с формой родительного падежа местоимения был одиночный пример с *типа того*. Сейчас это массовое явление. Местоимение срослось с *типа* в единый комплекс и утратило категориальные свойства: А она плачет *типа того что* ты меня убьешь. (разг.); – Вы гуляли часа четыре? – *Тина того*. (разг.); – Я же там *типа того* за главного. (фильм "Агент национальной безопасности", имитация речи бандита); и бетон брали на старом кладбище и *типа того* песок брали. ("Россия", Вести-Москва; интервью шофера, жителя подмосковной деревни); они же многие говорят завуалированно *типа того*. А вот подпишем договор (А. Лукашенко); у кого деньги есть *типа того* он всех на себе тащил. (Москва. Наша версия. Под грифом секретно, персонаж из репортажа); Я говорю: может вы вызовите скорую помощь? А он *типа того что* а надо? (НТВ. Продолжение следует, женщина); Короче говоря, были занятия. Ну *типа того*, да. (студентка в МГУ в

коридоре). Интересно, что литературный синоним *вроде того* звучит не столь часто и лишь в соответствующем контексте: – Они у тебя ученые? – Что-то *вроде того*. (Радио России; пьеса по роману Анны и Сергея Литвиновых "Осколки великой мечты"). Пока *типа того* – просторечная форма, где *того* на глазах теряет местоименные категориальные свойства. У него растет стремление уже в качестве единого формально-го члена предложения сочетаться с *что*: – Ну, у штрауса *типа того что* самые большие (+ смущенный взгляд вниз; Г. Хазанов пародирует молодого парня в метро, спутавшего Штрауса и страуса; выделенное выражение подчеркивает общее бескультурье); Но это требование к библейскому тексту – *типа того что* говорил протопоп Аввакум (молодой лингвист докладывает на Виноградовских чтениях в ИРЯ АН РФ). Ср.: подошел такой человек лет пятидесяти или больше и начал говорить *типа что* как вам не стыдно. (НТВ. Сегодня, армянский журналист Давид Петросян).

Интересно, что аналогичные сочетания *типа моих*, *типа этого*, *типа такого*, приведенные в статье 1983 г., сейчас не встретились. Очевидно, сильна тенденция к унификации несмотря на разнообразие способов. Но часто звучит *типа как*: Ко мне обращаются *типа как* к педиатру (ТВ-6, эстрадная певица) и с другим порядком элементов: Я уже давал темы докторских диссертаций *как типа* "Гидроамортизация гидрорегулирующих установок" (репортаж из Санкт-Петербурга, интервью ректора Балтийского технического университета). Новация не оставила равнодушным восприимчивого иностранца: Я хочу сделать *типа как Кремля* (НТВ. Намедни).

Единичны употребления *типа что* и *типа где*: Ну, приходят меня брать *типа что* пора вставать (Россия. Театр + ТВ, рассказывает артист под общий хохот, рифма случайна); А его мать такая *типа где он?* (девушка в метро рассказывает подруге, членение не ясно). Ср.: – А сколько эпизодов было? Ну *типа по-товарищески*. (фильм "Улицы разбитых фонарей", видимо, пропуск *расскажи*, к которому наречие и относится; это стилизация).

Завершение автономизации *типа* знаменуется появившейся возможностью его отнесенности к глаголу или даже к целому глагольному предложению [Лаптева 1983: 49]. Эти сочетания сейчас демонстрируют свою растущую активность и четкую формализацию.

Типа + глагол: ...допустим, что в "Бремени денег" все взаправду. И действительно нуждающиеся и несчастные люди выставляют на аукцион свои беды. А жюри присяжных и публика в студии должны решить, чья беда круче, и после голосования присудить деньги самому достойному. *Типа осчастливить*. (Изв. 26.04.2003, ирония); Мне точно нужна *типа информация*. Что-то должно *типа решаться*. (монолог девушки, адресованный подруге); Люба стала получать настоящие хорошие книги; да хоть того же маловероятного в местах лишения свободы Иосифа Бродского! Который был тоже, заметим, поэтом и тоже *типа сидел*. (Изв. 21.07.2000 о девушке-поэте в заключении, автор нарочито переходит на жаргон); – У меня к вам *типа предложение*. – *Типа готовы слушать* всегда (Радио России, звонок слушателя, молодого военнослужащего в студию, ведущий пародийно парирует); А в милиции говорят: да что вы, молодой парень, *типа придет*. (ОРТ. Женские истории, Тат. Судец о своей жизни, передача чужой речи); Если начинаешь *права качать типа там мне нужен* выходной, то получаешь мешок с костями. (НТВ. Сегодня, рассказ молодого мужчины о чеченском плене, ввод прямой речи); он *был типа парализован* (Радио России. Отражение: интервью девушки); Он *стоит типа смотрит*. (ТВС. Вне закона, рассказ шофера в конструкции с двойными глаголами); Смотрю – Жигуль стоит, а рядом мужик валяется, ну *типа сбило его*. (фильм "Линия защиты"); Меня *выгнали типа кататься на лыжах*. (разг.); Он *типа приехал*. (разг. одна девушка – другой); Он говорит: мы *типа не знали*. (Иг. Носов, сын писателя, разг.); ругают Клинтона что он *типа разогнал инфляцию* (ТВ-6. ОСП-студия, молодой ведущий); Это коленка. Она вся опухла, но *типа сгибалась*. (Кирилл Набутов, "Служба спасения", имитирует речь подростка); – Лена, у вас изменения не произошли в статусе? – Я *шас типа схожу к Щепину*. (диалог в

редакции), – Он раньше ушел, *типа меня оставил*. (девушка на остановке отвечает на вопрос о маршрутке).

Функции этого *типа* тройкие: использование при передаче чужой речи и точки зрения для дистанцирования говорящего от автора этой речи; использование для ослабления эффекта прямой номинации и сближение в этой функции с *вроде* и с *якобы* – в первой, использование быстро и тихо произносимого *типа* для ритмической организации речи. Но обычно подобное *типа* не имеет никакой функции и значения.

Отнесенность *типа* к тому или иному члену глагольного сочетания или к этому сочетанию в целом, как и выполняемая функция, с определенностью не устанавливается из-за диффузности значения и грамматических свойств этого слова, которая воплощает тенденцию к предельному расширению его сочетательных возможностей и категориальных характеристик, его многозначности.

Сфера распространения *типа* с глаголом – просторечие и разговорная речь. В газете оно экспрессивно-иронично при их имитации и в нейтральной речи появиться не может, а в ради- и телеречи появляется как следствие отсутствия фильтровки говорящих-непрофессионалов или ориентации на определенную аудиторию.

Пожалуй, по сравнению со срезом четвертьвековой давности употребление конструкции "*типа* + глагол" особых изменений не претерпело. Зато увеличилось число случаев использования *типа* для ввода чужой речи, а также обозначения своего видения намерений, чувств, позиции персонажа, что может сочетаться с ироническим колоритом, но может быть и вне его. Это *типа* продолжает оставаться показателем просторечной манерности, но все шире входит в печатные тексты и стремится к нейтральности и даже к литературности. Вот как изъясняется в "Известиях" блистательная Ирина Петровская: "Мы, рассказывая о трагедии, непременно норовим напугать зрителя до полной жути: *типа* это еще что – цветочки, а ягодки будут потом" (14.09.2002). Она же: "Желая усилить впечатление [...], Дибров упорно именовал Рене Зелльвегер Рене Рейсфедером: *типа* и фамилии у них дурацкие, язык сломаешь, в подметки не годятся нашей Гоцкой". (Изв. 29.03.2003). Дм. Соколов: «Особо креативные личности высказывали вступ *идеи типа открыть* рядом ресторан под названием "Баланда, полная кефала"» (Изв. 25.09.2000). Ю. Рахаева: "...и вот Ненси Джонс решила написать свой собственный роман. *Tuna* на полях набоковского". (Изв. 9.07.2003; до этого решения автор романа защитила диссертацию по роману Набокова "Лолита"). "...основные группы боевиков были уже уничтожены. Войска встали. Поприезжали прокуроры, стали заниматься ерундой, *типа мир устанавливать*". В этих текстах ирония, конечно, присутствует. А здесь не усматривается: «Роман Виктюк пригласил Кристину Орбакайте на роль... ее собственной матери в своем новом мюзикле "Алло, Алла!". *Tuna*, никто лучше Орбакайте с этим образом не справится». (Спид-инфо. № 10. 10.2003).

Такие газетные тексты появились только сейчас, и они, несомненно, базируются на новых явлениях разговорной речи. Приводимые ниже записи ранее не были возможны: Тут еще Андрюшка вмешивается *типа все будет в порядке*. (разг.); – Он спросил *типа ты что здесь делаешь?* (разг.); экзотические для русского уха выражения *типа о'кеу, братан*. (ТВС. Новости, вед. Мих. Осокин); Сразу делается *лицо типа я все видел, я все знаю*. (РТР. Марьяна Роцца, персонаж); говорил о том что вот *типа ситуация ослужилась* (НТВ. Свобода слова, корр. Б. Кольцов); – А есть сообщения? – Ну есть *типа Бородин сел один*. (Маяк, беседа); Они сказали, что *типа у них один водитель*. (НТВ. Сегодня; интервью девушки на улице, в "Тойоту" которой врезался "Мерседес" патриарха); Поскольку они Совет Федерации, они в *принципе* должны *типа думать о всех людях*. (НТВ. Намедни; интервью одной из девушек группы "Тату").

В последнее время и в газете, и в разговорной речи очень активен прием ввода прямой цитаты (в газете – в кавычках) посредством *типа*. В статье 1983 г. приведены такие примеры из печатных изданий, но их в то время было немного, а в разговорной речи они не были замечены. Сейчас материал обширен. Такое *типа* прозвучало даже в речи священника (!), профессора богословия о. Андрея: Сейчас сектантов не так мно-

го, но когда они вдвоем подошли к вам и сказали *типа приходите к нам...* (НТВ. "Внимание, розыск! Украденное детство", документальный фильм).

Апофеоз этого процесса – автономное употребление *типа*, уже не нуждающегося в следующем слове (словах). Появляется мода на конечное завершающее *типа*: – А чего надо написать *типа*? (РТР. Городок, нарочитая манера). Завершающее *типа* соединилось с *типа да* в одном диалоге: – А как вы относитесь к тому, что президент вас оставил на закуску? – Вкусное на третье *типа*. – *Типа да*. (НТВ. Герой дня, вед. Ир. Зайцева и Б. Немцов; здесь ощущается игра принятым способом выражения).

Подобные конструкции, возникшие в разговорной речи, наделены признаками просторечия и находятся за пределами литературного языка. Они несут в себе мощный импульс универсализации и грамматического, и лексического значения. Однако модные и широко распространенные языковые средства недолговечны. Импульс универсализации ищет себе новое средство выражения. И находит его. Им оказалось старое *как бы*. Оно очень быстро становится лидером группы ослабления значения, захватывает узусное пространство и снижает употребительность *типа*. Вытесняются и другие синонимические средства. Но литературным оно стать не может, потому что литературное средство стремится к определенности и дифференцированности своего значения. *Как бы* вытесняет *типа*, но вынуждено присвоить его просторечность.

Детальная характеристика группы, возглавляемой ее лидером *как бы*, потребовалась, чтобы уловить общую тенденцию к отходу этих слов от прямого номинативного значения в сторону предельной – беспредельной – его обобщенности и тем самым утраты, которая создает возможность независимости от окружения и практическую неограниченность сочетаемости. Диффузность и категориальная многозначность не позволяют с определенностью установить синтаксическую отнесенность такого слова. Оно может в каждом конкретном употреблении одновременно относиться и к отдельному слову, и к группе слов (словосочетанию), и ко всему высказыванию. Оно универсально. Само же стремление вставлять пустое слово между членами высказывания идет от охватившей общество моды на некатегоричность утверждения и называния. Экстралингвистика ускоряет языковые процессы. На этом пути *как бы* и его группа пошли дальше *достаточно* и его группы, которые и в семантически опустошенном виде все же не утрачивают принадлежности к категории признаковости и поэтому сочетаются лишь с качественными наречиями и прилагательными.

Как бы

Как бы стало лидером, возглавляющим группу, из-за своей употребительности и пристрастия к нему говорящего сообщества. Новое *как бы*₂ мирно сосуществует с начальным *как бы*₁, регламентированным соотношением его значения "как будто" и семантики высказывания в отличие от нерегулируемого *как бы*₂. Употребительность *как бы*₁ продолжает оставаться в пределах потребности в нем.

*Как бы*₁: По стволам деревьев *как бы* расплескиваются ветви (фильм "Крот"). Прошлый и нынешний день *как бы* находятся в одном измерении. (Культура. Волоцкая обитель); В этом слове звучит *как бы* осуждение и восхищение одновременно. (НТВ. Продолжение следует, Ю. Меньшова о слове *стерва*); Звук все время *как бы* затухает и так *как бы* идет действие. (Маяк-24, вед. М. Перепелкина); и для нас это *как бы* выход в исламский мир. (НТВ. Сегодня; интервью Ахмата Кадырова о вхождении России в наблюдательный совет по исламу); Это идеологическая *как бы* не конструкция, а функция государства. (Эхо Москвы, комментатор Иг. Гошин); Ты меня извини, я тебя выругаю, чтобы не было *как бы* групповщины. (слова М. Зощенко, обращенные к его другу Слонимскому); Никаких витаминов в нем нет. Только уксусная кислота, которая служит *вот как бы* консервантом. (НТВ. Впрок, старая женщина о производстве уксуса); Даже отвечая на самый простой вопрос, он *как бы* пристально вглядывается внутрь себя. (НТВ. "Герой дня без галстука", Ир. Зайцева); Здесь жили остатки старых классов. И Зощенко рассказывал истории *как бы* от имени этих классов. (Культу-

ра. Ленинградское дело, А. Битов); Ничего *как бы* специально от ума я не делаю. (Радио России, молодая скрипачка Ел. Ревич); владелец был поражен, когда ему рассказали и показали *как бы* на пальцах. (ТВЦ. Главная тема, корр. А. Антонов); В таких условиях свет *как бы* размазывается, скорость его снижается. (НТВ. Сегодня, М. Осокин).

Нет необходимости продолжать список. Он безграничен и не нуждается в специальном показе. Эти употребления традиционны, конечно, литературны и в изобилии присутствуют в печатных и устных текстах. В значении *как бы*₁ по сравнению с XIX в. никаких изменений не произошло. Кроме стихотворения, взятого как эпиграф к нашей статье, вспомним еще: Люблю грозу в начале мая, Когда весенний первый гром, *Как бы* резвяся и играя, Грохочет в небе голубом. А вот "Преступление и наказание": "Он увидал Соню. Что-то *как бы* пронзило его сердце. [...] Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то *как бы* подхватило его и *как бы* бросило к ее ногам. [...] Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там *как бы* самое время остановилось".

Синонимы *как бы*₁ со значением приблизительности номинации: *как будто, будто (бы), вроде (бы), словно (бы)* (это слово уходит из активного употребления), *нечто вроде, как бы это сказать* и даже иногда *что ли*. Это не значит, что каждый из синонимов возможен в любом случае употребления *как бы*₁: у них свои оттенки лексического значения и своя избирательность употребления. Все они объединяются ситуацией поиска слова и неуверенности в точности его выбора, общим значением ограниченности. Частица же *бы* при слове прибавляет к этому значение сослагательности, условности, даже ирреальности.

Но даже и этот комплекс широких и неконкретных значений *как бы* оказывается обременительным при растущей массовости его употреблений, являющейся следствием языковой моды. Общество стремительно охватила манера речевой уклончивости и жеманства. Ее появление можно отнести к самому последнему времени, чему есть и свидетельства. и свидетели. Пять лет тому назад известный рок-певец уехал в Америку и только что вернулся обратно в Россию. Его спросили: что вас здесь удивило? И вот как он ответил: когда я уезжал, *как бы* не было, а сейчас все говорят *как бы*. При подобном безудержном и неограниченном росте употребления слова неизбежно исчезновение, стирание значения, даже и широкого значения обобщенного характера.

Это проявляется прежде всего в появлении *как бы* перед словом четкого конкретного значения, которое нельзя ослабить и представить как приблизительное и которое не поддается обозначению через сравнение. При таком употреблении *как бы* возникает ош и б к а з н а ч е н и й, входящих в резкое противоречие друг с другом. Нельзя, например, сказать: – Я *как бы* прилечу в шесть пятнадцать. Нельзя сказать: – Ну, я сегодня *как бы* ходила целый день. Но это реально прозвучавшие фразы. Они отнюдь не одиночны. Вот материал:

*Как бы*₂: Эта авиация не является *как бы* военной в прямом смысле слова, а она предназначена *как бы* для обороны. (ТВ-6. А. Норкин); Руководства совсем не видно. Таню было видно, а Валю *как бы* совсем не видно. (разг. Таня – прежнее руководство, Валя – нынешнее); Я считаю, что шить для милиции почетно. Потому что милиция нас бережет, охраняет *как бы*. (НТВ. Сегодня; репортаж, интервью заключенной из колонии без приблизительности или иронии); Грузинской армии нёт на сегодня. Есть отдельные части, которые / *как бы* / ходят на парад, носят форму (Эхо Москвы, глава комитета Думы М. Маргелов); Не буду говорить о политике. Я не специалист. Я принадлежу *как бы* к искусству и культуре. (НТВ. Свобода слова, Ник. Губенко); Я думаю, что наши слушатели тоже *как бы* оценят вашу книгу. (Россия. Вести, вед.); – Я думаю, что если они смотрят "Три мушкетера", они *как бы* тоже восхищаются. (НТВ. Свобода слова, вед. С. Шустер); Очень повезло Виктору Степановичу Черномырдину, это *как бы* блестящее решение. (В. Жириновский о назначении Черномырдина послом на Украине); Поэтому говорить, что это *как бы* агрессивная собака, несправедливо. (Диалоги о животных, молодая женщина); сексуальная ориентация становится козырем даже в предвыборной *как бы* борьбе. (НТВ. Страна и мир, Асет Вацуева); –

Знаете, я проработала в политике *как бы* с 85-го года. (Первый. Времена, писательница Тат. Устинова); Конституция / она написана / *как бы* / для народа (НТВ. Сегодня; интервью молодого парня); Если говорить о стариках, о людях, которые *как бы* давно там живут (Радио России. От первого лица, Вяч. Недошивин); Он всегда старается *как бы* очень помочь (актриса МХАТа на юбилее Ст. Любшина); один из самых *как бы* важных элементов (НТВ. Сегодня; интервью футболиста); Я сегодня являюсь *как бы* президентом компании (НТВ. Сегодня; интервью Гучериева, президента компании "Славнефть"); Дм. Соколов живет в Ивантеевке. Он *как бы* инвалид, шесть лет в коляске. (Радио России, передача об инвалидах); Дойдешь до метро, потом *как бы* обратно. (разг.); Мы разрываем этот порочный круг, и *как бы* большая начинает выздоравливать. (Радио России, реклама; мануальный терапевт, женщина о своем центре, противоречие смыслу и назначению рекламы); Никакого решения принято не было, и собравшиеся *как бы* обсуждали создавшуюся ситуацию. (Эхо Москвы. Новости, корр. Нат. Бакова); Есть у нас *как бы* два корреспондента – Илья Зимин и Евгений Маслов. (Эхо Москвы. Итоги, Е. Киселев); Поэтому в ближайшее время нужно *как бы* объединить все силы (Маяк-24; об объединении конфессий говорит митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл); Поэтому для нас *как бы* формально процесс изменения собственности *как бы* начался. (НТВ. Сегодня; мин. печати М. Лесин в Думе); Когда я была *как бы* маленькая (Эхо Москвы, девочка); Станиславский появится позднее. Он еще *как бы* за границей. (Культура. А. Смелянский); Все равно, на какой кнопке. *Как бы* понятно, что появление федерального спортивного канала народом будет одобрено. (Эхо Москвы. Итоги, Гарри Каспаров); (идет перечисление фамилий) Вот это все *как бы* те, с кем мы работаем. (РТР. Подробности, управделами президента В. Кожин).

Цитирование можно здесь остановить. Записей такого парадоксального употребления очень много. Читатель заметил, что встречается даже разрыв посредством *как бы* устойчивого словосочетания. Поиска слова здесь нет, такое впечатление было бы ошибочным. На экзамене встретилось даже: Подлежащее и сказуемое – это *как бы* главные члены предложения. Это крайние случаи.

При употреблении *как бы* с недвусмысленным словом ясного конкретного значения можно отдельно отметить случаи, когда *как бы* служит д е л и м и т а ц и и для его п о и с к а и создает р и т м и ч н о с т ь высказывания. В этом можно усмотреть некоторую функцию, однако и в этих случаях употребление *как бы* нелитературно. Ср.: Я стою спиной к президенту Путину / по конституционным обстоятельствам / но это не значит что / *как бы* правительство уйдет в отставку (НТВ. Страна и мир, интервью Мих. Касьянова); Эльхам был / *как бы* / совсем ребенком / 8 лет ему было (Страна и мир, Ю. Гусман); Нас тоже / *как бы* / убивают; Я уже согласен / *как бы* / его убить (НТВ. Сегодня; интервью актеров Большого театра); Уже / *как бы* / вот так вот не походишь (наклоняет голову) // только вот так вот (выпрямляется) (НТВ. Сегодня; репортаж из Омска, девушка); У меня подписан контракт / *как бы* / до июня 2004 года ("Личный вклад", артист Николай Цискаридзе); Все службы нашего аэропорта были переведены на режим / *как бы* / чрезвычайной ситуации (Россия. Вести; интервью сотрудника Брянского аэропорта); ...чтобы уже при входе посетитель видел *как бы* главные залы дворца. (Радио России, искусствовед женщина из С.-Петербурга о реконструкции и перестройке Михайловского дворца под музей); Ну / Марк Захаров / он *как бы* / никто не может его догнать и никто перекрыть. (Время, интервью Г. Волчек).

В подобных случаях обычные паузы перед и после *как бы*, усиливающие делимитацию и облегчающие поиск, о котором может свидетельствовать и предварительное сопровождение *как бы* частицей ну: Ну / *как бы* / я туда приходил и говорил о постановке русской классики. (Культура. Новости культуры, худ. руководитель театра им. Маяковского Сергей Арцибашев); у нас бытует мнение, что английское образование / ну *как бы* оно отстает по математике (Эхо Москвы, О. Николаева, директор образовательного центра обучения английскому языку).

Здесь всюду (кроме, может быть, речи актеров Большого театра) прямое значение *как бы* отсутствует. Функционально – если можно так сказать при отсутствии значе-

ния у слова – оно вполне соответствует *типа* Можно заметить, что *типа* в большей мере, чем *как бы*, приблизилось к разряду частиц и никогда не выделяется паузами

Говорящий может стремиться ослабить значение слова и тогда, когда оно уже про изнесено: – От трех до пяти евро – это цена вполне доступная для немецкого человека – Для немецкого читателя – Да, вполне доступная *как бы* цена за книгу (Радио России Открытая студия, корр. Алексей Глуховский с книжной ярмарки во Франкфурте и ве дущая Ек. Высоковская). Само это стремление не придает *как бы* ни лексического, ни грамматического значения. Оно – дань сложившейся речевой манере, ши- роко распространившейся в говорящем обществе Она агрессивна и ведет к появле- нию не с к о л ь к и х *как бы* на коротком речевом отрезке Нарастает общая засорен- ность речи, к а к б ы становится полностью опустошенным

. в Душанбе и других *как бы* районах [] это все *как бы* природные процессы (НТВ Сегодня молодой таджикский корр из Душанбе), *Как бы* те сюжеты, которые были показаны, они имеют важное значение Тем не менее *как бы* люди, которые пришли в эти компании [.] (ТВЦ Наша версия Под грифом секретно, пожилой чело- век) ну вот *как бы* используют те компании / в компании пришли люди / ну это *как бы* новые собственники (он же) в этом *как бы* основное противоречие [] интересы у меня только *как бы* в этой компании (он же), Там, где *как бы* можно заработать день- ги, там, где *как бы* можно найти работу (ОРТ Женские истории, Нат Андрейченко) Главное – *как бы* поддерживать друг друга, и мы шас ждем *как бы* новостей (НТВ Се- гондя, репортаж в трагический день около центра на Дубровке, женщина плачет), его принадлежность *как бы* к определенному сословию, в котором он *как бы* вращается (Россия Зеркало, В Садовничий о дореволюционном положении науки), Сначала мы *как бы* делали скидку и их *как бы* невосприятие проблем *как бы* тревожило (ОРТ До- кументальный детектив, молодой сибиряк)

Особенное пристрастие к подобному *как бы* наблюдается у актеров и вообще лю- дей свободных профессий Видимо, им особенно импонирует вкрадчивая неопределен- ность (ложная по сути), некатегоричность речи Изобилие записей их речи не позволя- ет дать здесь отдельные иллюстрации, поэтому просто перечислим имена тех, кто не обходится без *как бы* и предельно (беспредельно!) насыщает им свои публичные вы- ступления и высказывания Это Андрон Кончаловский, Александр Абдулов, Михаил Швыдкой, покойный Григорий Горин, Юлия Меньшова, балерина Надежда Павлова и ее муж психолог (общая речевая манера у мужа и жены), Галина Беседина, Андрис Лиела Максим Никулин, Андрей Дементьев, Вячеслав Недошивин, Марат Гельман, Мария Арбатова, Маргарита Терехова, Галина Волчек, Вячеслав Полунин, Борис Плотников, Надежда Бабкина, Марк Фрадкин, вдова Сергея Курехина, Никита Ми- халков, Сергей Бодров, Леонид Ярмольник, Лидия Федосеева-Шукшина, актриса из- раильского театра "Гешер", Михаил Танич, Сергей Арцибашев, многие молодые ар- тисты и певцы, художники, модельеры, спортсмены, военные, ученые, политики (Ев- гений Ясин, Алексей Подберезкин, Сергей Иванов, Вячеслав Никонов и др), музейные работники, директор издательства "Русский язык", искусствоведы, музы- канты – список можно продолжать Конечно, особенно отличаются теле- и радиожур- налисты, которые употребляют *как бы* даже в самом неподходящем контексте (на- пример, корреспондент Игорь Становов в репортаже на духовные темы по Радио Рос- сии 1.08.2003 г. в передаче о Серафиме Саровском в дни юбилея)

Авторитетные люди, насыщающие свою публичную речь *как бы*, конечно, способ- ствуют убыстрению процесса его экспансии Но пока еще удалось отметить и проти- воположный случай На встрече выпускников лучшего класса одной из лучших школ Москвы которых учил говорить прекрасный учитель литературы, лишь один (!) раз прозвучало *как бы*. Экспансия пустого *как бы* исподволь и пока только для создания юмористической тональности текста приобретает вектор движения в сторону газеты

Предвыборная *как бы* шутка Подходят Путин с Зюгановым к Явлинскому – Тре- тьим будешь? " (Мир за неделю № 8 4–11 03 2000, из Комсомольской правды) Более

широко в соответствии с семантикой уподобления, сохраняющейся в литературном употреблении, в газете представлено традиционное *как бы*

Сгущение опустошенных слов создается и близким соседством *как бы* в устах одного говорящего и на коротком речевом отрезке с другими словами-паразитами, причем, как и при повторе пустого *как бы*, в речи авторитетных в обществе людей Обильный материал оставим за рамками статьи, ограничимся перечнем возникающих соединений Отмечено *как бы + достаточно на самом деле, так сказать практически, значит, вроде бы, что ли, как бы сказать, ну как бы сказать, такой как бы, короче*, конечное невопросительное просторечное *да?*, в *принципе* Краткая иллюстрация Я вот вспомнил что он *как бы* со мной был *достаточно так сказать* ласков и грубоват (Россия Театр + ТВ, Марк Захаров о Григории Горине), В общем цель любой конференции – это *как бы* продвижение идей, *да?* (руководитель ассоциации ученых женщин России, – Ты, *короче, как бы спишь, да?* (девушка – подруге разг.), Ну, это, с одной стороны, мы вынуждены делать, *да? как бы* (Культура Новости культуры, С Арцибашев), Они в растерянности в *принципе как бы* (НТВ Сегодня, репортаж, молодой национал-большевик)

Пристрастие к паразитарности слова в индивидуальном узусе может воплощаться в разных включениях Например, у Е И Наздратенко часто *так сказать*, но нет *как бы*, у певицы Лолиты часто *на самом деле* и почти нет *как бы*, у Г А Явлинского часто *на самом деле*, у И Клебанова, наоборот, *как бы* (рассказывая в 'Зеркале' о подъеме Курска, он произносил *как бы поднять, как бы отпилить, как бы другая тема, как бы за год я достаточно подробно рассказываю*) Характерно, что в Москве на защите диссертации по русскому языку молодым китайским ученым Сюэ Фуци в его хорошо выстроенной речи часто звучало *как бы* В печать оно попало в беседах митрополита Суражского Антония (Блума) (Изв 13 09 2003), хотя у него просматривается функциональная нагруженность этого слова

В отличие от *достаточно*, новое *как бы*₂ оказалось замеченным обществом В газетах появляются пародии, письма читателей Даже в интервью В В Путина (РТР Вести) прозвучала издевка "Я выразил свою позицию, президент Украины – свою, мы нашли, *как теперь принято говорить как бы консенсус*" В стихах Анненского 'Я уйти хотел' "К его *как бы* лишенным *Как бы* хвостом шакалам" (не очень понятна форма *хвостом*) Ир Петровская в заметке 'Поиски жанра, или *Как бы* ТВ" (Изв 27 07 2002) пишет « молодежь решила назвать новую радиостанцию "*Как бы* радио". И в эфире модное словечко-паразит (*как бы – ОЛ*) тоже становится ключевым "Вы слушаете *как бы* новости Передаем *как бы* музыку С вами был *как бы* ведущий' И показалось мне, что в этом *как бы* – ключ к пониманию самого проекта Деньги" *Как бы* мыльная опера и *как бы* реальное шоу, *как бы* актеры и *как бы* ди-джеи, *как бы* олигарх и *как бы* рекламные агенты *Как бы* новое слово в телевидении *Как бы* телевидение Имитация то есть Подделка Подмена Профанация» Далее в том же духе Здесь в ее собственном употреблении – правомерное *как бы*

Читатель пишет «От школьника до первых лиц государства – все охвачены поветрием вербальной виртуальности С помощью невинного словосочетания 'как бы' все походя подвергается сомнению По телевидению и радио интервьюеры и интервьюируемые с завидным постоянством вещают "наша экономика находится как бы на подъеме", 'этот год как бы стал началом нового века'" (Изв 19 04 2000) Или «От мальчишки у Катки остался пригласительный билет на выступление группы "Бампер", в которой мальчишка был солистом, в клубе с актуальным названием "Как бы" В "Как бы" клубе На тринадцатое число» (Клиент всегда прав № 47 1 12 1999) Владимир Вишневский пишет «Нюансы решают все Стало почти модно иронизировать по поводу неумеренного использования в интеллигентском обиходе "как бы"» (Изв 11.07 1997, обратим внимание на очерченную им сферу употребления в интеллигентском) В передаче 'Эха Москвы' ведущий политической программы остроумно заметил *как бы* – это оценка умеренного оптимиста *как бы* все хорошо Добавим от себя

это самоограничение говорящего в определенности наименований, квалификаций и оценок.

* * *

Подведем итоги. *Как бы* – второй лидер группы ослабления проявления степени качества признака и вообще любого номинативного значения наряду с *достаточно*, рассмотренным в [Лаптева 2003]. Его лидерство, как и у *достаточно*, определяется его широчайшей экспансией в узусе и вытеснением синонимов-конкурентов, расширением пространства сочетаемости, безбрежным расширением исходного значения вплоть до его утраты, преодолением прежней визуальной нормы и утверждением новой нелитературной в качестве общепринятой.

Оба лидера воплощают общественное стремление к паразитарности слова, создающее иллюзию облегчения процесса спонтанного речепроизводства. Любопытно, что это стремление замечено обществом только применительно к *как бы*, которое из-за универсальности своих возможностей расположения в высказывании ярче, чем *достаточно*, проявляет качество паразитарности: арена его действия – все высказывание в целом, тогда как арена действия *достаточно* – качественные прилагательные и наречия. Видимо, поэтому русское языковое сообщество не протестует против пустого *достаточно* и резко выступает против такого же *как бы*. Действительно, избыточная приблизительность значения слова вредит воплощению смысла, однако ее несет в себе и *достаточно*.

Неуверенное утверждение – отнюдь не новость в русском языке, в котором существует много слов для остановки речи в целях оптимизации поиска способа выражения (к приведенным в статье синонимам *как бы* добавим *своего рода*). Интересно то, что эти слова – продукт своего времени, меняются вместе с ним и подвержены действию принципа излюбленности, обеспечивающему появление слова-лидера. В каждом из слов-синонимов лидера есть свои нюансы значения, мешающие универсальности его использования. Когда слово становится лидером, нюансы стираются, значение ослабляется, становится слишком широким и неопределенным, затем ненужным и исчезает вовсе, вслед за чем исчезает и само слово, уступая место новому лидеру. Очень условно можно сказать, что эпоха *предположим, положим, допустим* сменяется эпохой *так сказать, значит*, которая в свою очередь сменяется эпохой *типа*, вслед за чем наступает эпоха *как бы*. Конечно, синонимы сосуществуют, но предпочтительность меняется. Эпохи того или иного лидера некоторое время сосуществуют. Наша статья о *типа* [Лаптева 1983] была написана в "эпоху *типа*", когда *как бы* существовало лишь в сравнительно-уподобляющем значении. "Эпоха *как бы*" наступила совсем недавно и наложилась на "эпоху *типа*", которая еще не окончилась. Эпоха слова-лидера начинается тогда, когда его паразитарным употреблением с нулевым значением охвачены все слои общества: и "низы", и интеллигенция.

И *достаточно*, и *как бы* в качестве лидеров прошли путь расширения исходного значения вплоть до его коллапса – нуля. При этом *достаточно*₁, став *достаточно*₂, сменило исходное значение усиления на противоположное – ослабления ($a \rightarrow \text{не-}a \rightarrow 0$). Такого скачка *как бы*, делать не пришлось, его исходное значение приблизительности плавно перешло в ноль, минуя среднюю фазу ($a \rightarrow 0$). И у того, и у другого лидера яркое различие между наличием и отсутствием лексического (и категориального) значения существует лишь в противопоставленных друг другу маргинальных областях, оппозитивность которых стирается в направлении от этих областей к центру. Именно поэтому за пределами рубрикации оппозитивных групп того и другого слова остаются многочисленные употребления с неясной квалификацией значения. У *как бы* такое устройство проявляется проще и четче, чем у *достаточно*, из-за отсутствия среднего этапа противоположного значения, но группа неясных, неквалифицируемых употреблений у обоих слов-лидеров весьма обширна, что лишний раз свидетельствует о незавершенности процесса семантических изменений слов. Этот процесс у *достаточно*

протекал по типу 1 → 2, у *как бы* – по типу $I_1 \rightarrow I_2$ [Лаптева 2002]. Неквалифицируемые употребления, синкретизм значений препятствуют установлению типологии групп *как бы* на данном этапе его развития. Очень интересно, что для *типа* ее установить удалось из-за отчетливой завершенности более длительного, чем у *как бы*, процесса его семантических преобразований. У *как бы* системность отношений между I_1 и I_2 еще не сформировалась. Это промежуточный этап, на котором эти отношения еще координированы со старой системой, но уже координируются с новой.

Системные отношения языковых явлений изменяются во времени либо медленно, обеспечивая устойчивость системы, либо – на некоторых ее участках – очень быстро. Рассмотренные здесь процессы принадлежат ко второму типу преобразований, они скоропреходящи и быстротечны. Устойчивость системы языка на одних ее участках сочетается с колебаниями способов выражения и сменами лидеров на других. Общая картина развития языка неоднородна.

Всего 50 лет тому назад Академический словарь [Словарь 1956] характеризовал *как бы* не как отдельное слово, а в пределах статьи о слове *как*, определяя значение *как бы* только в качестве ограничительной частицы: "лишь бы, только бы". Примеры приводятся такие: "*Как бы* ветер не разыгрался!"; "Вы говорите, я вас не забуду? *Как бы* вы меня не забыли!" Это – из художественных текстов.

Много воды утекло с тех пор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лаптева 1983 – О.А. Лаптева. Типа или вроде? // ВЯ. 1983. № 1.
Лаптева 1999 – О.А. Лаптева. Речевые возможности текстовой омонимии. М., 1999.
Лаптева 2002 – О.А. Лаптева. Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.
Лаптева 2003 – О.А. Лаптева. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (Статья первая) // ВЯ. 2003. № 6.
Словарь 1956 – Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.; Л., 1956.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Васильев А.Д. *Как бы* – один из вербальных символов эпохи перемен // А.Д. Васильев. Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000; М., 2002.
Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин М.В. Не говори шершавым языком. О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. М., 1999.
Инфантова Г.Г. Современный речевой портрет лексики *как бы* // Проблемы речевой коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 80-летию Ольги Борисовны Сиротининой. Вып. 3. Саратов, 2003.
Ковтунова И.И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX в. М., 1993.
Сиротинина О.Б. Типы речевых культур в профессиональной деятельности человека // Язык и власть. Саратов, 2003.
Трофимова О.В. Сочетание *как бы* в сверткесте "Литературной газеты" // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1998.

© 2004 г. С.В. АНДРЕЕВА

**ТИПОЛОГИЯ КОНСТРУКТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В РУССКОЙ РЕЧИ**

Наши грамматические понятия в течение долгого времени складывались под влиянием письменной речи, и основной коммуникативной и синтаксической единицей считалось предложение-высказывание. На современном этапе развития науки о языке в результате активного изучения продуцируемой устной речи установлено, что переносить закономерности письменной речи на речь устную неправомерно, так как разная психодинамика зрения и слуха, разное производство речи обуславливают кардинальное различие между этими формами речи. Сделан важный вывод о том, что у устной речи, особенно в разговорной ее сфере, “своя грамматика”. По мере продвижения в эмпирических исследованиях мы приближаемся к грамматике речи, то есть к тем законам, по которым строится речь, а в конечном счете – к лингвистике речи, раскрывающей закономерности как построения, так и функционирования речевых единиц.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что до сих пор обсуждается вопрос, существует ли устная форма речи как какой-то единый объект. Согласно одной концепции (Е.А. Земская), противопоставлены разговорная речь и кодифицированный литературный язык, состоящий как из письменных разновидностей, так и из устно-литературной речи “за вычетом” разговорной. По другой теории (О.А. Лаптева), вся устно-литературная речь, включая разговорную, как целостное образование противопоставлена письменным разновидностям литературного языка. В любом случае правомерно говорить о системе устной речи, имеющей свою специфику. Изучение разговорной синтагматики в парадигматическом плане способствует выделению в ней “разговорного остатка” (Г.Г. Инфантова). В связи с этим, как полагает О.А. Лаптева, поиск системности в речи, уточнение вопроса о языковой и речевой системности и их соотношении – это принципиальный для современного теоретического языкознания вопрос. Необходимо четко увидеть а) существование речевой системности в отличие от языковой, б) ее специфику в отличие от языковой, в) ее внутреннюю неоднородность [Лаптева 1999: 5–6].

В результате изучения устной речи выяснено, что наряду с предложениями-высказываниями, несущими предикативно организованную информацию, единицей речи становится и сегмент – часть предложения, обладающая свойством не только фокусировать внимание на определенных участках речевого потока, но и выполнять функцию самостоятельной коммуникативной единицы. Исследователи определили статус речевого сегмента как единицы не категориальной, а функциональной и в известном смысле строевой [Лаптева 1984: 188–189].

Предметом нашего исследования была устно продуцируемая речь (проанализирован материал собственно разговорной речи, телевизионные ток-шоу, спонтанные публичные монологи, радиоречь ведущих и т. д. общим объемом 40 тысяч единиц). В связи с качественным своеобразием элементарных структур речи возникает необходимость их теоретического определения и исследования как единиц синтаксиса устной речи. Мы исходим из понятия **конструктивно-синтаксической единицы** как наименьшей структурной единицы, функционирующей самостоятельно или в составе более сложных единиц и в письменной, и в устной речи. В силу того что система высказываний “строится на пересечении двух координат: вертикальной (от языка – к ре-

чи) и горизонтальной (в плоскости речи)" [Юрченко 2000: 218], конструктивно-синтаксические единицы одной своей стороной обращены к языку, а другой – к речи. Поскольку речевое и языковое существуют в органическом единстве, можно говорить о двуплановости этих единиц: в них происходит соединение (слияние) конструктивно-синтаксических (это элементы синтаксического уровня языка) и коммуниктивно-прагматических (это компоненты коммуниктивно-информативного и/или коммуниктивно-организующего уровней речи) характеристик. Двуплановостью конструктивно-синтаксических единиц обусловлен предпринимаемый нами двусторонний подход к возможности их анализа: конструктивно-синтаксический (парадигматический) и синтагматический (с учетом функционально-коммуникативного потенциала).

На первом уровне классификации единицы устной речи подразделяются на две группы: единицы, имеющие синтаксическую форму предложения, и единицы непредложенческого (синтаксически нечленимого) типа. Сопоставим основные дифференциальные признаки единиц указанных групп в рамках четырех аспектов анализа.

Первый аспект анализа – структурно-семантический. Сначала обратимся к таким формально-грамматическим признакам, как синтаксическая членимость единиц, способность к распространению и формоизменению. Предложение, соотносясь с классом ситуаций, выступает как знак. Общему замыслу соответствует определенная структура, “обеспечивающая адекватность его воплощения” (Б.Ю. Норман). Структура характеризуется как парадигматической системой форм, так и синтагматическими вариантами реализации. “Не случайно предложение в норме многочленно: это естественное отражение многокомпонентности референтной ситуации и сложности (комплексности) замысла. Можно полагать, что и основные черты организации высказывания закономерно отражают отношения между реалиями внешнего мира” [Норман 1994: 118].

Понятие структуры обычно связывают с наличием компонентов и отношений между ними, но понятие определенной структуры, каковой является предложение, обуславливает и определенные отношения между компонентами. Структурированность создается наличием устойчивых позиций, которые находят свое отражение в грамматической модели (схеме) предложения. Соответствие грамматической модели предполагает членимость предложения, которая обнаруживается в валентных свойствах и членов предложения, и предложения в целом. Показателями ее служит не только выделение членов предложения, занимающих ту или иную позицию, но также способность структуры к распространению и формоизменению (наличию парадигмы).

В устной речи разговорного характера частотны переходные между членимыми и нечленимыми устойчивые модели: *Я тебе покричу / посмеюсь / поболтаю!*; *Нет чтобы помолчать / помочь!* и т.п. Как указывают исследователи, частично членимыми (следовательно, лексически проницаемыми, синтаксически распространяемыми) оказываются высказывания, реализующие фразеосинтаксические схемы, так как они отличаются сочетанием устойчивой и свободной части [Меликян 2002: 116].

Единицы непредложенческого типа не соответствуют определенным грамматическим и семантическим моделям, так как не являются знаками обобщенных ситуаций. Вследствие этого отсутствует синтаксическая членимость, способность к распространению и формоизменению: *Как бы не так! Ни за что! Еще чего! Ну и ну!* (см. табл. 1). По этой причине, по мнению авторов “Русской грамматики”, грамматическое описание высказываний – не грамматических предложений – не может быть осуществлено [РГ–1980, II: 419]. При исследовании нечленимых единиц в научной литературе наблюдается терминологическое разнообразие: слова-предложения, релятивы, грамматически не оформленные высказывания, стационарные высказывания, фразоиды, сентенсоиды, коммуникативы, коммуникемы и др., что отражает не только разные подходы ученых, но и диффузный характер таких единиц.

Свойство членимости неотделимо от активного отношения говорящего к речи. В процессе речи он создает высказывание, отбирая языковой материал и комбинируя его в соответствии с речевыми интенциями. Грамматические и семантические структуры исчисляемы, стандартизованы и воспроизводимы, а “набор и последовательность всех словоформ в каждой конкретной позиционной схеме, как правило, уникален” [Попова 1996: 262].

Напротив, свойство нечленимости единицы обуславливает ее стандартизованность и регулярность. В силу того что нечленимые формулы воспроизводятся, а не производятся, фактор спонтанности не оказывает на них деформирующего воздействия. В противоположность активному, творческому отношению говорящего к речи в данном случае можно говорить о значительном автоматизме и конвенциализации, что способствует экономии усилий как при производстве высказывания, так и при его декодировании слушающим.

В рамках первого аспекта анализа в качестве дифференциальных признаков рассмотрим далее возможности реализации категории предикативности и структурно-семантическую специфику речевых единиц по отношению к языковому инварианту.

Как известно, предикативность – специфический признак предложения. Представляется неадекватной квалификация этой категории как чисто грамматической, так как речь идет об актуализации средствами синтаксиса (а в устной речи и не только средствами синтаксиса) пропозитивного содержания. Построение, не отражающее пропозиции, не является грамматической единицей, т.е. предложением. Следовательно, предикативность должна трактоваться не только как грамматическое (структурное), но и как содержательное свойство предложения. По справедливому замечанию исследователей, “предложение обладает предикативностью в том случае, когда оно в системном аспекте соответствует структуре ситуации, выражает полную пропозицию” [Новоженова 2001: 67]; “...чтобы быть предикативным, предложение должно иметь соответствующую форму и соответствующее значение” [Левицкий 1995: 85]. По утверждению В.С. Юрченко, предикативность создается единством содержательных и формально-предикативных компонентов предложения: а) *синтагматического* (соотношения элементов структуры предложения на линейной оси реального времени); б) *семантического* (означаемого минимальной структурной схемой предложения) и в) *модального* (отношения содержания предложения к внеязыковой действительности с точки зрения говорящего). Выделенные компоненты, по мнению ученого, синтезируются категорией предикативности [Юрченко 1983: 54].

Предложенческие структуры предикативны, поскольку в них выражается соотносительность “высказанного содержания к реальной действительности” [Виноградов 1954: 12]. Единицы не предложенческого типа, функционирующие как реактивные реплики, следует квалифицировать как непредикативные на том основании, что они не имеют пропозитивного содержания, не являются членами парадигмы, не обладают пространственно-временной локализацией.

Рассматривая структурно-семантическую специфику исследуемых единиц по отношению к языковому инварианту, нужно ввести понятие модификации. Модификация единиц устной речи – это процесс и результат речевого варьирования языкового инварианта. Речевые единицы предложенческого типа либо соответствуют определенной грамматической модели, либо подвергаются структурной модификации. В результате разнообразных модификаций структуры речевых единиц в устной речи функционируют типизированные разговорно-литературные построения, а также слабоформленные (“грамматически невыдержанные” – О.А. Лаптева, с “синтаксической аритмией” – И.Н. Кручинина), оборванные и т.п.: (на остановке троллейбуса) *Подождем на девятке // = Не поедем в этом переполненном троллейбусе, а подождем троллейбус 9-го маршрута; Кому мне... эти билеты девать куда?; Что теперь быть? = Что теперь делать? + Как быть? и т.п.*

Структурно-семантическая организация

Дифференциальные признаки	Тип по структуре	
	Предложенческая	Непредложенческая
Формальная организация		
• Соответствие инвариантной грамматической модели	+	-
• Синтаксическая членимость	+(+)	-
• Способность к распространению	+	-(+)
• Способность к формоизменению	+	-
Реализация категории предикативности	+(+)	-
Структурно-семантическая специфика единицы по отношению к языковому инварианту		
• Соответствие языковой грамматической и семантической модели	+	-
• Модификации		
> структурные	+	-
> семантические	+	-
• Воспроизведение клишированной формулы	-	+

Примечание. (+) – ослабленный, непоследовательный признак.

Единицы предложенческого типа могут подвергаться в речи и семантическим (функциональным) модификациям. Так, в последнее время нарастает тенденция использования содержательных структурированных единиц в качестве конвенционализированных речевых формул: *Позванивай! Увидимся! Услышимся! Оставайтесь с нами! Спасибо что остались с нами //* и т.д. При этом происходит ослабление (снятие) реального семантического содержания, поэтому можно говорить о семантической (функциональной) модификации единиц предложенческого типа. Мгновенному тиражированию таких фатических формул способствуют современные СМИ, стремящиеся к созданию атмосферы взаимопонимания, к регуляции психологического состояния аудитории, к подчеркиванию неофициальности.

Единицы непредложенческого типа, в большинстве своем речевые узуальные образования, не соотносятся с языковыми грамматическими и семантическими моделями, что можно считать их дифференциальным признаком (см. табл. 1). Как клишированные формулы, они прочно увязаны с типичными ситуациями общения (например: *Да ну!* – в ситуации выражения отрицания и *Да ну!* с другим интонированием – в ситуации выражения удивления).

Второй аспект анализа – логико-семантический. Обратимся к таким дифференциальным признакам, как отражение единицей пропозитивного содержания, соотношение с логическим суждением, диктумно-модусные смыслы. Денотативная и сигнификативная семантика предложения, воплощенная в конкретных формах, составляет его информативное содержание. Содержательная природа предложения связана с отражением им определенной пропозиции. “Пропозиция” [Арутюнова 1976: 21–39] трактуется исследователями как способ концептуализации (моделирования) человеком окружающей действительности в предложении, как результат интерпретации недискретного человеческого опыта, выделения в нем дискретных элементов, подведение их под определенные понятийные катего-

рии [Кобозева 2000: 248]. В более узком смысле пропозиция представляет собой предметно-аргументативную, или реляционную, структуру, изоморфную структуре внеязыковой ситуации и объединяющую денотативное и сигнификативное значение. По мнению исследователей, ситуация (событие) в представлении говорящего существует как минимум в трехмерном пространстве. Процесс предикации представляется как акт “разрушения” (точнее, на наш взгляд, – трансформации, преобразования) многомерной пропозиции, поскольку “посредством этого процесса пропозиция линейризуется, т.е. ее элементы линейно выстраиваются, благодаря чему становится возможным акт коммуникации” [Манаенко 2002: 69–70].

Необходимость анализа соотношения речевой единицы с логическим суждением обусловлена тем, что это позволяет, “с одной стороны, отграничить предложение от других языковых единиц (не предложений), а с другой – отождествить, подвести под единое понятие такие речевые построения, которые соответствуют элементарным коммуникативно-мыслительным актам” [Дегтярев 2002: 270].

Синтаксическая структура предложеноческой единицы определяется расчлененностью мысли, отражающей расчлененность реальной действительности. Инвариантом субъектно-предикатного членения единицы является выраженность в ее семантико-синтаксической структуре субъекта (в прямой или косвенной форме) и предиката: *Она будет играть в театре // Мне грустно //*. Вариативность такого членения наблюдается в единицах, характеризующихся дополнительной формой выражения семантического субъекта (например, посредством флексии сказуемого: *Наниш-у письмо //*), нерасчлененностью субъекта и предиката (*Дождь // Смеркается //*), а также в описанных нами случаях, когда субъект и предикат “растворены” в коммуникативной ситуации (тост: *За здоровье!*) (см. [Андреева 2002]).

Следовательно, в предложенческих структурах субъектно-предикатное членение может выступать не только как постоянный, но и как непостоянный (т.е. ослабленный, непоследовательный) признак. В целом же единство языка и мышления обуславливает взаимосвязь языковых и логических единиц, что и характеризует предложение как содержательную структурированную единицу языка – речи.

В отличие от основных синтаксических единиц языка, представляющих собой аналоги логических категорий (слово – понятие, предложение – суждение), предложеноческой структуры не соотносятся с суждением (*Еще бы! Конечно!*). Это можно считать дифференциальным признаком речевых единиц непреложеноческого типа.

Как известно, анализ логики обыденного мышления привел к убеждению, что в высказывании должны последовательно выделяться две зоны смысла: диктум и модус. Единицы предложеноческого типа описывают диктумную пропозицию, благодаря чему “воссоздают образы целостных событий, являются описанием положения вещей” [Кацнельсон 1972: 153]. Для диктума характерно эксплицитное выражение. Модус, представленный четырьмя типами категорий (метакатегории, актуализационные, квалификативные, социальные)¹, выражается как эксплицитно, так и имплицитно. Он может выступать как вторичный по отношению к диктуму: *А. Пока мы оттуда вернемся... – Б. Да / это поздно уже будет //*. Присутствие диктумных и модусных смыслов в предложеноческих структурах – это дифференциальный признак этих единиц.

Если содержание предложеноческой единицы “сохраняет живой контакт с действительностью” (С.Д. Кацнельсон), то содержание единиц не-предложеноческого типа характеризуется живым контактом с конситуацией. Существуют разные точки зрения относительно наличия диктумного смысла в структурно нечленяемых высказываниях. Вряд ли можно согласиться с положениями исследователей о том, что нечленяемые высказывания выражают “цельную, не расчлененную на отдельные понятия мысль” [Киприянов 1968: 8], обладают “вполне определенным, конкретным содержа-

¹ См. [Шмелева 1995: 13].

Логико-семантическая организация

Дифференциальные признаки	Тип единицы по структуре	
	Предложенческая	Непредложенческая
Отражение пропозитивного содержания	+	–
Соотношение с логическим суждением	+(+)	–
Диктумно-модусные смыслы		
• диктум	+	–
• модус	+	+

нием (предметом речи), ...способны иметь первичное значение, понятное и вне контекста” [Меликян 2002: 37]. Являясь феноменами речевого уровня, большинство одноконтентных нечленимых единиц мотивировано ситуацией общения и контекстом, вне которых они полифункциональны. Для многих из них абстрактное значение конкретизируется, полифункциональность в результате актуализации элементов конкретной ситуации снимается: А. *Подстричься бы надо!* – Б. *Да ну!* – А. *Ну попозже тогда //*. Но при этом, видимо, можно говорить о закономерности: когда у непредложенческой единицы вырабатывается абстрактное значение, она приобретает статус языковой единицы. Последующая фиксация ее в словарях и разговорниках дает основание считать, что речевое функциональное значение превратилось в языковое функциональное значение (*Да* – выражение согласия, *Нет* – выражение несогласия).

В целом же можно говорить о наличии у единиц непредложенческого типа функционального значения обобщенного характера и отсутствии конкретного информативного содержания. Справедливым представляется вывод о том, что приобретение непредложенческими единицами пропозиционального прочтения возможно в том случае, когда диктумный смысл передается анафорически, путем отсылки к препозитивному контексту (см. [Колокольцева 2001: 119]). Таким образом, они отличаются неноминативностью или десемантизованностью компонентов, нерасчлененно передают реакцию говорящего, обладая только модусной составляющей, содержание которой определяется категорией “отношения” (см. табл. 2).

Третий аспект анализа – функционально-коммуникативный. В рамках этого аспекта рассмотрим следующие дифференциальные признаки: степень коммуникативной самодостаточности единицы, коммуникативная членимость и функции в речи.

По степени коммуникативной самодостаточности речевые единицы предложенческого и непредложенческого типа делятся нами на три группы. Автосемантические единицы самостоятельны, так как их коммуникативная самодостаточность обусловлена лексико-грамматически (*На какое число у тебя билеты в театр?*). Синсемантические единицы зависимы от лингвистических и экстралингвистических компонентов речевого акта. Они приобретают коммуникативную устойчивость: 1) в составе более сложной единицы (*Я так рада была / что вы пришли //*); 2) на фоне определенной ситуации при соответствующем интонационном оформлении (*Да ну! Что ты!*). Наряду с автосемантическими и синсемантическими нами выделяются речевые единицы, которые мы условно назовем “син-автосемантические”. К группе син-автосемантических относятся: 1) формально несамостоятельные единицы в связи с наличием показателей “зависимой включенности” в более крупное образование, однако функционирующие как отдельные высказывания (А. *Почему не надела новое?* – Б. *Потому что не отгладила его //*); 2) фатические маркеры в информативном высказывании, ра-

Функционально-коммуникативная направленность

Дифференциальные признаки	Тип единицы по структуре	
	Предложенческая	Непредложенческая
Степень коммуникативной самодостаточности		
• Автосемантическая	+	-
• Синсемантическая	(+)	+
• Син-автосемантическая	(+)	-
Коммуникативная членимость	+(+)	-
Коммуникативные функции		
• Информативная	+	-
• Речеподдерживающие		
> социально-регулятивная	(+)	+
> оценочно-реактивная	(+)	+
> контактоподдерживающая	(+)	+

Примечание. В таблице для указания на представленность в единице темы и ремы используем знак +, на представленность одной ремы – знак (+).

ботающие на привлечение внимания и психологическую синхронизацию (*Представь / еду я в двойке...; Она знаешь / как мне ответила!; Ильюшка понимаешь / не хочет ничего //*). Коммуникативная устойчивость син-автосемантических единиц поддерживается контекстным окружением и суперсегментными средствами.

В аспекте актуального членения каждая предложенческая единица членится на тему и рему (*Ребенок заболел //*), при этом тема может быть лексически не выражена. Нулевая тема означает, что речевая единица имеет констатирующее общефактическое значение: *Наступила осень //*; *Послышались шаги //*. Синтаксическая членимость такого рода единиц противоречит их “логической монолитности”. В устной речи функционируют также речевые единицы с так называемой “неингерентной темой”, т.е. не входящей в состав самого предложения, а содержащейся в контексте или ясной из ситуации речи [Баранов, Кобозева 1983]: *Проветрить надо!* (тема, или исходный пункт сообщения по В. Матезиусу), следует из экстралингвистического условия – душно в помещении); (звонок в справочную АТС) *Гостиница “Олимпия” //* (в связи с конкретной ситуацией запроса информации возможна моноремная единица). Частотность речевых фактов с неингерентной темой согласуется с утверждением о том, что “рема – это компонент коммуникативной структуры, который конституирует речевой акт сообщения. Соответственно... тема несет ответственность за связь предложения с текстом и экстралингвистической реальностью” [Янко 1999: 30].

Наличие моноремных предложенческих единиц не противоречит принципу бинарности актуального членения, так как нулевая тема означает, что весь состав предложенческой единицы рематичен и содержание ремы мыслится отнесенным к действительности [Крылова и др. 1997: 72].

Синтаксическая и коммуникативная нечленимость (целостность) не-предложенческих структур обусловлена их логико-семантической спецификой: отсутствием субъектно-предикатной членимости (*Ни за что! Увы! Вряд ли //* и т.п.) (см. табл. 3).

Рассмотрим коммуникативные функции речевых единиц. Основная функция единиц предложенческого типа заключается в передаче адресату фактуальной ин-

формации. Под фактуальной информацией мы подразумеваем все то, что пополняет интеллектуальный запас знаний человека или содержит сведения бытового характера, необходимые в данный момент. Локутивное значение предложения-высказывания складывается из денотативных и/или сигнификативных значений его компонентов, следовательно, единица в целом обладает конкретным информативным содержанием. В результате семантических (функциональных) трансформаций предложенческие структуры получают возможность выполнять и речеорганизующие функции (социально-регулятивную, оценочно-реактивную, контактоподдерживающую): (в конце разговора по телефону) *Целую тебя / обнимаю!*; (входя в помещение) *Ох как вы тут отремонтировали!*; (из телеречи) *Включите канал НТВ / и мы будем с вами!*

Единицы не предложенческого типа, будучи неинформативными в содержательном плане, выполняют такие речеорганизующие функции: социально-регулятивную (социального регулирования), оценочно-реактивную (“ментально-эмоционального реагирования”), контактоподдерживающую (включая метатекстовую). Социально-регулятивная роль этикетных формул заключается в самом факте их появления в определенных ситуациях (*Здравствуйте! Спасибо! Благодарю!*).

Широкое функционирование оценочно-реактивных реплик, выражающих “речевую интенцию говорящего и ментально-эмоциональное отношение к предмету речи” [Шаронов 1996: 90], обусловлено действием принципов автоматизма речи и экономии речевых усилий, что обеспечивает “оперативное реагирование” на речевую или актуальную экстралингвистическую ситуацию.

Речевые единицы с контактоподдерживающей функцией гармонизируют интерактивное взаимодействие коммуникантов. Часть этих средств выполняет важную прагматическую функцию заботы об адресате, в частности облегчения процесса восприятия адресатом поступающей информации. Другая часть подготавливает собеседника к восприятию последующей фактуальной информации, обеспечивая активность слушателя; осуществляет речевое “поглаживание” собеседника; служит целям психологической синхронизации. Даже чисто фатические высказывания, десемантизированные, референтно не соотнесенные, содержат в себе информационный заряд в виде сведений как об общей тональности общения, взаимоотношениях собеседников, так и о конкретных намерениях слушающего сохранить за говорящим речевую инициативу или “перехватить” ее.

Из сказанного следует, что единицы непредложенческого типа несут в себе так называемую коммуникативную информацию, отражающую взаимодействие между автором речи и ее адресатом и, следовательно, направленную на организацию общения. Как разновидность коммуникативной информации мы рассматриваем и фатическую составляющую речи. Можно говорить о том, что эти единицы являются компонентами “коммуникативно-организующего каркаса” дискурса². Речеорганизующие функции считаем дифференциальным признаком непредложенческих единиц (см. табл. 3).

Таким образом, введенное нами понятие конструктивно-синтаксической единицы позволяет “охватить” как предложенческие, так и непредложенческие структуры. Можно ли объединить их в поле с единым ядром? Положительный ответ на этот вопрос дает В.Ю. Меликян. Исследователь нечленимых структур полагает, что коммуникативная структура представляет собой свернутый репрезентант предложения. Как нерасчлененная мысль базируется на расчлененной, логически из нее вытекает, так и нечленимые предложения основываются в конечном итоге на членимых [Меликян 2002: 20]. Отрицательный ответ следует из позиции Г.Ф. Гавриловой и Е.К. Кожинной, которые считают применение термина “предложение” по отношению к нечленимым структурам, а следовательно, и определение их как особого типа простых предложений (пусть и нечленимых), недостаточно корректным. По их мнению, коммуникативы являются

² Ср. понятие этикетного каркаса дискурса в работе Н.Г. Тырниковой [Тырникова 2003: 60].

самостоятельной единицей синтаксиса, особым типом высказываний, независимым от системы предложений [Гаврилова, Кожина 2002: 57].

Проведенный нами анализ дает возможность предположить наличие двух ядерных единиц синтаксического поля: первая – предложенческого типа, формирующая коммуникативно-информативную зону устной коммуникации, вторая – не предложенческого типа, формирующая коммуникативно-организующую зону. Единицы в форме предложения функционируют в письменной и устной речи, но частотность конкретных реализаций является различной. Непредложенческие единицы присущи прежде всего устной речи и лишь частично отражены в письменной.

Таким образом, на первом уровне классификации таксономия представляет собой дихотомию единиц предложенческого и непредложенческого типа. Поскольку конструктивно-синтаксические единицы устной речи специфичны и разнообразны, необходима их дальнейшая таксономия. В связи с этим остановимся на таком важном для классификации второго уровня признаке, как “особенности реализации категории предикативности”.

В литературе указывается на множественность способов реализации данной категории. Она может быть выражена в единице формально-грамматически (*Целый день льет дождь !/*), конструктивно-синтаксически (*С утра дождь // Ни огонька // Чайку бы!*), интонационно-синтаксически (*Дождь// Дождливо//*). Интонационно-синтаксическим способом выражения предикативности характеризуются речевые единицы на основе типизированных литературно-разговорных построений (*Пока она собирается...; Я тебе посмеюсь!*).

Реализация категории предикативности в единицах устной речи имеет гетерогенный характер. Именно в устной речи на синтаксическом уровне данная категория может не иметь адекватного материального выражения. Об эксплицитной предикативности можно говорить тогда, когда данная категория реализуется либо в самой единице (с помощью сегментных или суперсегментных средств выражения), либо в контекстном окружении. Во втором случае речевая единица получает предикативный признак, “отраженный” от контекстного окружения, т.к. на нее распространяются предикативные характеристики, заданные контекстуально: А. *Кефирчик вытешь?* – Б. *Кефирчик с удовольствием//*. Замечание о возможности контекстуального характера предикативности находим у Г.В. Валимовой: “...Мы встречаемся с двумя типами значений: абсолютное значение (т.е. по отношению к действительности) и относительное (по отношению к компонентам контекста и только в конечном результате – к действительности)” [Валимова 1988: 29].

Имплицитная предикативность свойственна единицам, характеризующимся “предречевой ориентированностью в общении”: (в магазине) *Два пакета молока !/*; (в банке) *Выпуски 3726 !/*. В таких случаях сама ситуация запроса информации является неязыковым средством, позволяющим соотнести содержание высказывания с реальной действительностью.

Предикативность, реализующаяся через грамматические показатели, в речевых единицах может оказаться только формальной. Ср.: *Слушай ! ты не знаешь...;* (из речи радиоведущих) *Ловите нашу волну!; Будьте здоровы! Догоняйте нас на радиоволнах Ваших радиоприемников!;* (из речи телеведущих) *Не переключайтесь!* Предикативно оформленное определенно-личное предложение “Слушай” по своему коммуникативному назначению – инициальная фатическая реплика. У нее нет информативного компонента, она не член модальной парадигмы предложения, ее предикативность формальна. “Призыв” радиоведущего “Ловите нашу волну!” обращен к тем, кто уже “поймал” волну данной радиостанции, следовательно, информативный компонент функционально угнетен. Семантически опустошены и другие приведенные фатические реплики. Нельзя сводить предикативность к парадигме форм, не учитывая наличия / отсутствия информативного содержания, поскольку, с одной стороны, категория предикативности может не иметь эксплицитного выражения в речевых единицах, а с другой стороны, при грамматической выраженности данной категории в семантичес-

ки опустошенных единицах можно говорить только о формальной, но не о реальной предикативности.

Говорящий, выполняющий информативную задачу, использует речь для передачи или обмена информацией при помощи семиотической ценности языковых элементов, из которых она составляется, в то время как говорящий, выполняющий фатическую задачу, использует в качестве коммуникативно-семиотической ценности саму речь [Винокур 1993а: 6]. Таким образом, формальная предикативность свойственна предложеческим единицам, которые характеризуются “особым типом семантической, основывающимся не на отношениях между означающим и означаемым, а на самом факте произнесения знака” [Винокур 1993б: 16].

На втором уровне классификации выделяется пять типов конструктивно-синтаксических единиц (далее КСЕ) на основе следующих дифференциальных признаков: коммуникативная самодостаточность единицы, особенности реализации категории предикативности, диктумная (пропозициональная) и модусная составляющие, синтаксическая и коммуникативная членимость, соответствие грамматической модели, характер передаваемой информации, функциональная направленность.

Первый тип – типичная предикативная единица – это автосемантическая (реже синсемантическая / син-автосемантическая) КСЕ с эксплицитной предикативностью, сочетающая диктумные (пропозициональные) и модусные смыслы, синтаксически и коммуникативно членимая, реализующая инвариантную грамматическую модель (возможна системная или контекстуальная неполнота), несущая фактуальную информацию, выполняющая информативную функцию: (1) *Завтра обещают дождь* //; (2) *Я слышал / (что) завтра обещают дождь* //; (3) *А. Когда встречаемся? – Б. Только когда она придет* //; (4) *А. Я нормально поработала над статьей* // – *Б. А я слабоватенько...* Приведенные примеры иллюстрируют: автосеманτικότητα (1), синсеманτικότητα (2, 4), син-автосеманτικότητα (3) предикативных единиц; реализацию единицами языковых грамматических моделей, сочетание диктумных и модусных смыслов, представление фактуальной информации, выполнение информативной функции – во всех случаях.

Второй тип – структурно модифицированная предикативная единица. Это синсемантическая КСЕ с эксплицитной и/или имплицитной предикативностью, сочетающая диктумные и модусные смыслы, базирующаяся на синтаксически модифицированной грамматической модели (типизированное разговорно-литературное построение, слабооформленное, оборванное), несущая фактуальную информацию, выполняющая информативную функцию: (5) *Вот этот вот термин / он введен мною* //; (6) *А. Пошли / поворотник* // (= Можно переходить дорогу, потому что водитель машины включил поворотник и повернет) – *Б. Ну ты и глазастая!*; (7) (в аптеке) *Панангин* //. Это модифицированные предикативные единицы: конструкция с именительным темы (5); формально неадекватное, включающее вербальные компоненты, семантико-синтаксическая связь между которыми опосредована несколькими незамещенными позициями (6); предельно редуцированное построение, в котором вербализован только предмет востребования, остальная часть конструкции семантизируется ситуационно (7). Все КСЕ предикативны, но характеризуются разными способами оформления предикативного значения: (5) – эксплицитной предикативностью, выраженной формально-грамматически; (6) – сочетанием эксплицитной (формально-грамматической) и имплицитной (ситуативной) предикативности; (7) – только имплицитной (ситуативной) предикативностью, поскольку ситуация запроса информации о лекарственном препарате выступает неязыковым средством выражения предикативности.

Третий тип – семантически (функционально) модифицированная предикативная единица (коммуникатив с формальной предикативностью) – это синсемантическая или син-автосемантическая КСЕ с эксплицитной, но всегда формальной предикативностью, с функционально активизированной

модусной и функционально утнетенной диктумной составляющей, реализующая инвариантную синтаксическую модель, однако несущая только коммуникативную информацию и соответственно выполняющая только речеорганизующие функции: (8) (по телефону) *А. До свидания дорогая! – Б. Целую тебя!*; (9) *Так что вы думаете? Этот альбом у нее сохранился!*; (10) (из речи телеведущего) *Мы обязательно встретимся в следующей передаче!*; (11) (обращаясь к входящему в комнату) *Пришел?*; (12) *Вообрази / иду я вчера по проспекту / вижу...;* (13) *Она мне ничего не отдала / представляешь?* КСЕ (8–11) функционируют как самостоятельные коммуникативные единицы; (12, 13) – в составе информативных высказываний в качестве сегментов, играющих роль фатических маркеров. Коммуникатив с формальной предикативностью реализует языковую грамматическую модель, однако это и не предложение, и не коммуникатив в их обычном понимании. У КСЕ этого типа, несмотря на их эксплицитную предикативность, выраженную формально-грамматически, информативный компонент и диктумная составляющая функционально утнетены: (8, 10) приближаются к статусу клишированных этикетных формул; (9, 12) подготавливают собеседника к восприятию последующей информативной части высказывания, обеспечивая “активного слушателя”; (11) используется для установления контакта; (13) позволяет говорящему апеллировать не только к вниманию собеседника, но и к его чувствам. Следует отметить, что, по сравнению с собственно коммуникативами, функционирующими в качестве контакторечевых стереотипов, коммуникативы с формальной предикативностью являются более свободными, а следовательно, менее устойчивыми по лексическому наполнению.

Четвертый тип – предикативно-релятивная единица (гибридный коммуникатив) – это автосемантическая или синсемантическая КСЕ с эксплицитной или имплицитной предикативностью, с доминирующей модусной и ослабленной диктумной (пропозициональной) составляющей, реализующая инвариантную грамматическую модель (в ее эллиптизированном виде), несущая как фактуальную, так и коммуникативную информацию, поэтому сочетающая информативную и речеорганизующие функции: (14) *А. Как твои? Привет им! – Б. Спасибо //*. В эллиптических вариантах предложений *Как твои?* (в полной форме: *Как твои близкие проживают / чувствуют себя?*) и *Привет им!* (Передавай им привет!) фатическая составляющая доминирует над информативной. Вопросительное высказывание – это фактически не запрос информации о состоянии дел и здоровья, а этикетная формула выражения внимания, участия, о чем свидетельствуют как последующая реплика, так и реакция собеседника. (15) *А. Пока! – Б. До завтра!* Информативное содержание здесь сохраняется (Расстаемся до завтра – до определенного срока). Однако фактически это формула прощания, поэтому можно говорить о том, что фатическая составляющая усилена, а информативная ослаблена. В гибридном коммуникативе наблюдается “синкретизм эллиптического варианта предложения и непредикативного коммуникатива” [Сиротинина 1999: 40].

Пятый тип – релятивная единица (собственно коммуникатив) – это синсемантическая непредикативная синтаксически и коммуникативно нечленимая КСЕ, выражающая модусные смыслы, несущая только коммуникативную информацию, выполняющая речеорганизующие функции: (16) *А. Пока! – Б. Ну давай!* В данных реактивных единицах, лишенных членимости и предикативности, фатический компонент покрывает все высказывание.

Представленная типология КСЕ позволяет сделать следующие выводы. 1. Коммуникативно-информативную зону формируют КСЕ предикативного типа – типичные и структурно модифицированные предикативные единицы. 2. Компонентами коммуникативно-организующей зоны являются КСЕ релятивного типа – собственно коммуникативы. 3. Между указанными зонами возможны наложения, взаимодействия, в результате чего появляются переходные единицы – семантически модифицированные (коммуникативы с формальной предикативностью) и предикативно-релятивные (гибридные коммуникативы). Нежесткий характер языковой системы проявляется в гиб-

Типология конструктивно-синтаксических единиц

Аспекты анализа	Зоны общения и типы КСЕ Дифференциальные признаки	Коммуникативно-информативная зона		Переходная зона		Коммуникативно-организующая зона
		Типичные предикат. единицы	Структурно-модифиц. предикат. единицы	Семантич. (функц.) модифиц. пред. ед.	Предикат.-релятивные единицы (гибр. ком.)	Релятивные единицы (собств. коммуникативы)
Структурно-семантический	Соответствие грамматической модели					
	• инвариантная модель	+	-	+	+	-
	• типизированное литературно-разговорное построение	-	+	-	-	-
	• слабооформленное	-	+	-	-	-
	Несоответствие модели	-	-	-	-	+
	Категория предикативности					
	• эксплицитная	+	+	+	(+)	-
	• имплицитная	-	+	-	+	-
	Структурно-семантическая специфика					
	• Соответствие языковому инварианту	+	-	-	+	-
• Модификации						
> структурные	-	+	-	-	-	
> семантические (функциональные)	-	-	+	(+)	-	
Клиширован. формула	-	-	(+)	-	+	
Характер передаваемой информации						
• фактуальная	+	+	-	(+)	-	
• коммуникативная	+	+	+	+	+	
Логико-семантический	Отражение пропозитивного содержания	+	+	-	(+)	-
	Диктумно-модусные смыслы					
	• диктум	+	+	-	(+)	-
• модус	+	+	+	+	+	
Функционально-коммуникативный	Степень коммуникативной самодостаточности					
	• автосемантичность	+	+	+	(+)	-
	• синсемантичность	(+)	+	+	+	+
	• син-автосемантичность	(+)	-	+	-	-
	Коммуникативные функции					
• информативная	+	+	-	(+)	-	
• речеорганизующие	-	-	+	+	+	

кости ее средств и обуславливает совмещение признаков предложения и признаков коммуникатива в синкретичных единицах³. Выделение ядерных и синкретичных (переходных) КСЕ является ярким свидетельством диффузности и континуальности дву-сущностного единства язык – речь, отражает “текучесть” формы и содержания, динамику их взаимодействия (см. обобщающую табл. 4).

Можно говорить о том, что практически по всем рассмотренным дифференциальным признакам выстраивается шкала: между типичной предикативной единицей и коммуникативом располагаются единицы с различной степенью проявления данного признака.

1. Грамматическая членимость: максимально членимые предложенческие структуры – частично членимые фразеологизированные предложенческие структуры – нечленимые структуры.

2. Диктумно-модусные смыслы: диктумная пропозиция и модусная составляющая в предложенческих структурах – элементы пропозиционального содержания в гибридных коммуникативах – приобретение непредложенческими единицами пропозиционального прочтения – только модусная составляющая в собственно коммуникативах.

3. Категория предикативности: реализация предикативного значения в предложенческих структурах – распространение на речевую единицу предикативных характеристик, заданных контекстуально или ситуативно – формальная предикативность в предложенческих структурах – отсутствие предикативности в непредложенческих структурах.

4. Характер передаваемой информации: фактуальная информация в предложенческих структурах – сочетание фактуальной и коммуникативной информации в гибридных коммуникативах – только коммуникативная информация в предложенческих структурах (коммуникативы с формальной предикативностью) – только коммуникативная информация в непредложенческих структурах (собственно коммуникативы).

5. Соотношение с инвариантной грамматической и семантической моделью: соответствие предложенческих структур инвариантным моделям – структурная или семантическая (функциональная) модификация в предикативных единицах (коммуникативы с формальной предикативностью) – несоответствие непредложенческих структур грамматической и семантической модели (собственно коммуникативы).

Проанализированный материал дает возможность соотнести употребляемость того или иного типа КСЕ с определенными сферами устной и письменной речи, но это выходит за рамки данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева 2001 – *С.В. Андреева*. Аспекты анализа коммуникативных единиц текста // Текст. Структура и семантика. Доклады VIII-й Международной конференции. Т. 2. М., 2001.
- Андреева 2002 – *С.В. Андреева*. Типы коммуникативных знаков в русской речи // Речь. Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2002.
- Арутюнова 1976 – *Н.Д. Арутюнова*. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Баранов, Кобозева 1983 – *А.Н. Баранов, И.М. Кобозева*. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установок) // ИАН СЛЯ. 1983. № 3.
- Валимова 1988 – *Г.В. Валимова*. Система вопросительных предложений // Синкретизм семантики синтаксических единиц. Ростов-на-Дону, 1988.
- Виноградов 1954 – *В.В. Виноградов*. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // ВЯ. 1954. № 1.
- Винокур 1993а – *Т.Г. Винокур*. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

³ О синкретичных единицах подробнее см. [Андреева 2001].

- Винокур 19936 – *Т.Г. Винокур*. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Гаврилова, Кожина 2002 – *Г.Ф. Гаврилова, Е.К. Кожина*. Коммуникативы в системе синтаксиса: коммуникативы и предложения // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного. Ростов-на-Дону, 2002.
- Дегтярев 2002 – *В.И. Дегтярев*. Вопросы общей грамматики. Ростов-на-Дону, 2002.
- Кацнельсон 1972 – *С.Д. Кацнельсон*. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Киприянов 1968 – *В.Ф. Киприянов*. Нечленимые предложения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
- Кобозева 2000 – *И.М. Кобозева*. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Колокольцева 2001 – *Т.Н. Колокольцева*. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2001.
- Крылова и др. 1997 – *О.А. Крылова, Л.Ю. Максимов, Е.Н. Ширяев*. Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация. М., 1997.
- Лаптева 1984 – *О.А. Лаптева*. Синтаксическая дискретность устного монологического текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
- Лаптева 1999 – *О.А. Лаптева*. Речевые возможности текстовой омонимии. М., 1999.
- Манаенко 2002 – *Г.Н. Манаенко*. О предикации // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Вып. 2. Ставрополь, 2002.
- Меликян 2002 – *В.Ю. Меликян*. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: Теория нечленимого предложения. Ростов-на-Дону, 2002.
- Новоженова 2001 – *З. Новоженова*. Русское глагольное предложение: Структура и семантика. Слупск, 2001.
- Норман 1994 – *Б.Ю. Норман*. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
- Попова 1996 – *З.Д. Попова*. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- РГ-1980 – Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.
- Сиротинина 1999 – *О.Б. Сиротинина*. Место предложения в синтаксисе разговорной речи // Предложение и слово. Саратов, 1999.
- Тырникова 2003 – *Н.Г. Тырникова*. Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
- Шаронов 1996 – *В.Н. Шаронов*. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. М., 1996.
- Шмелева 1995 – *Т.В. Шмелева*. Субъективные аспекты русского высказывания: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1995.
- Юрченко 1983 – *В.С. Юрченко*. К вопросу о предикативности // Вопросы структуры предложения. Ульяновск, 1983.
- Юрченко 2000 – *В.С. Юрченко*. Очерки по философии языка и философии языкознания. Саратов, 2000.
- Янко 1999 – *Т.Е. Янко*. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) // ВЯ. 1999. № 4.

© 2004 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

"НАКОПИТЕЛЬ ЭФФЕКТА" И РУССКАЯ АСПЕКТОЛОГИЯ

Как отразить в семантическом представлении глагола его аспектуальные свойства, в частности, предсказать наличие грамматической формы противоположного вида и набор значений этой формы? Проблеме семантического предсказания видовой парности посвящена классическая статья [Маслов 1948]. Сейчас эта проблема может быть поставлена на новой основе: Ю.С. Маслов оперировал лишь самыми общими семантическими характеристиками глагольных классов, мы же теперь располагаем достаточно глубокими сведениями о семантической "анатомии" глагола, которые, можно надеяться, способны объяснить его "физиологию", в том числе – аспектуальное поведение. Речь будет идти, в основном, о предельности.

В этой связи представляется интересным термин "incremental theme", введенный в работе [Dowty 1991: 567] (сходные идеи были высказаны независимо от Д. Даути в работах [Krifka 1989; 1992]). По соображениям, которые будут видны из дальнейшего, я предлагаю перевести "incremental theme" на русский язык как "накопитель эффекта", или просто "накопитель".

Большой класс глаголов описывает ситуацию, в которой есть участник накопитель – такой, что последовательное возрастание / убывание частей накопителя находится в закономерном – г о м о м о р ф н о м – соответствии с частями самой ситуации¹. Поэтому если накопитель мыслится как конечный – см. *яблоко* в (2), в отличие от *малину* в (1), – то ситуация имеет естественный конец, и употребление глагола в этом случае предельное (telic):

- (1) Медведь ест *малину* (уже полчаса);
- (2) а. Маша ест *яблоко*;
- б. Маша съела *яблоко* (за полминуты).

Ср. соответствующие английские примеры:

- (1') The bear ate strawberries for half an hour ("in half an hour" [непредельное употребление];
- (2') Mary ate an apple in half a minute [предельное, как в русском (26)].

В контексте предельного употребления уместно обстоятельство срока завершения, см. (2'), а в контексте непредельного – обстоятельство длительности, см. (1'). Обратим внимание, что в (1') обстоятельство срока исключается в силу неопределенности именной группы (ИГ) *strawberries*. В русском примере (1) контекст ситуации наталкивает на неопределенность, но явно она не выражена, так что английский и русский

¹ Термин "гомоморфизм" имеет целью отразить тот факт, что некий участник затрагивается действием/процессом постепенно, часть за частью, причем если происходит остановка или возврат назад, то достаточно взять часть большего объема, чтобы ситуация предстала все-таки как поступательное движение.

пример не дублируют друг друга. В примерах (1)–(2') накопитель аккумулирует, так сказать, отрицательный эффект. Примером ситуации с положительным накоплением будет строительство дома или окраска забора.

До последнего времени понятие накопителя исследовалось преимущественно на материале английского языка; ср. также [Engelberg 2002] о немецком. Обращение к славянским языкам выявляет существенные новые грани в проблеме (о связи *incremental theme* с предельностью в славянских языках см. [Filip 1999]). В английском предельность проявляется в сочетаемости с адвербиалами времени. Для славянских языков сочетаемость тоже представляет интерес, но на первый план тут выходит наличие двух форм глагола, одна из которых выражает достижение предела и законченность, а другая – ситуацию в развитии. Так, в примере (2) глагол входит в предельную видовую пару (возможно и *есть* и *съесть*); а в диатезе примера (1) такая парность (при трактовке ИГ *малину* как неопределенной) отсутствует. Иными словами, в славянских языках предельность не только проявляется в сочетаемости, но и отражается в морфологии – в силу наличия у слова грамматической формы сов. вида. Это различие представляет интерес с типологической точки зрения: действительно ли предельность (*telicity*) имеет для славянских и германских языков один и тот же смысл? И если да, то какой?

Цель работы – рассмотреть возможности использования понятия накопитель при описании семантики русского глагольного вида. Для этого в картину, обрисованную Даути, надо внести некоторые уточнения и дополнения.

I. Уточнения и дополнения

1. Accomplishment vs. achievement. К предельным Даути относит как *accomplishments*, типа *открыть, покрасить, построить*, так и *achievements*, типа *догнаться, разбиться, упасть*. В русской аспектологии предельными обычно считаются только глаголы типа *открыть*; глаголы *разбиться, появиться, треснуть* моментальные (*punctual*); они обозначают ситуацию без естественных временных частей – какой уж тут гомоморфизм. Правда, граница не всегда ясна; неясно, скажем, является ли предельным глагол *умереть*. Но в большинстве случаев глагол (точнее, данная его лексема) атрибуируется однозначно.

Мы будем называть глагол предельным, если он входит в предельную видовую пару: в пару, где несом. вид обозначает актуальное действие, ведущее (как к цели) к результату, обозначаемому глаголом СВ. Например, глаголы *открыть* и *открывать* предельные, поскольку *открывать* обозначает действие, целью которого является (и результатом которого будет) *открыть*. Есть также предельные процессы, например, *растаять*: они ведут к конечному итогу². Так что ограниченная ситуация (*bounded, quantized*) для нас не то же, что предельная: моментальная ситуация (*зеркало разбилось*) будет ограниченной, но не предельной. В англоязычной литературе *telic* и *bounded* иногда употребляются как синонимы (так что *разбиться – telic*)³, но я буду понимать слово *telic* в значении 'предельный'.

В русском языке оппозиция "моментальная vs. длящаяся ситуация" играет важную роль. Это положение обсуждается В.А. Плунгяном [Плунгян 2000: 215]: "в русском языке видовая оппозиция вообще в значительно большей степени ориентирована на длительность ситуаций (длющиеся vs. мгновенные или краткие), чем на ограниченность ситуаций временными рамками (как это свойственно, например, романским и германским языкам), ср. франц. *il a parlé / [*parlait] longtemps* 'он долго говорил'".

² На самом деле речь обычно идет не о слове в целом, а об отдельном его значении или употреблении – лексеме; так, *есть* в (1) и в (2а) – это разные лексемы.

³ "I want to distinguish punctual verbs like *arrive, break, crack*, from those like semelfactive *jump, knock, tap*, which I wouldn't want to call *telic*" (B. Levin, personal communication).

Подчеркнем, что предельность не зависит от формы вида: предельность – свойство лексемы, а не видовой формы. Так, глаголы *открыть* и *открывать* оба предельные: СВ *открыть* обозначает достижение предела, а парный НСВ *открывать* – направленность на предел (которой нет, например, у *гулять*).

2. Accomplishment vs. activity / process. В работе [Гловинская 1982: 78] фигурирует, в определении одного из типов видовых пар, понятие накопления результата. Так что мы легко согласимся с тем, что семантика глаголов типа *есть*, *строить*, *пахать*, *рубить*, *резать*, *таять* предполагает участника накопителя (я буду говорить о накоплении эффекта, а не результата, поскольку одно и то же накопление предполагается и у агентивного *пахать* и у неагентивного *таять*). Важно то, что в одних употреблениях накопитель ограничен, как в (2), и в этих употреблениях глагол предельный, а в других, как в (1), вообще говоря, нет, и эти употребления непредельные. Что касается Даути, то он под incremental theme понимает ограниченный Накопитель (хотя прямо это нигде не сказано); эта неточность Даути отмечена в [Levin 2000]. Между тем, неограниченное накопление эффекта – это тоже аспектуально значимое понятие (глагол accomplishment обозначает ограниченное накопление; деятельности, activities, и непредельные процессы, processes, – неограниченное). Получаем иерархию противопоставлений:

моментальность (*поскользнуться*, *подумать* <что>: achievement)
 длительность — без накопителя (*махать хвостом*, *мелькать*: activity / process)
 — с накопителем — бесконечным (*есть малину*, *увеличиваться*: atelic process)
 — конечным (*есть яблоко*, *таять*: telic process).

Предметом обсуждения служат два последних класса – глаголы с накопителем, который может быть бесконечным и конечным.

3. Синтаксическая позиция накопителя. Поначалу накопитель был выявлен в позиции объекта. Но в общем случае прямых корреляций накопителя с той или иной синтаксической позицией нет: парадигматический накопитель – объект, как в (2). Но им может быть также: субъект, см. (3а); участник за кадром, как Изображение в (3б) – по мере развития действия создается все более полный образ Маши; инкорпорированный участник в (3в):

- (3) а. *Снег растаял*;
 б. *Я рисую Машу*;
 в. *седло у оседлать*; *тело у вымыться* = ‘вымыть тело’; *одежда у одеться*, *раздеться*; *вещи у собраться*, *уложиться*; *волосы у постричься*.

Имплицитные накопители у нем. и англ. глаголов со значением ‘пообедать’, ‘покупить’, ‘заправиться’, ‘убраться’, ‘причесаться’ описаны в [Engelberg 2002].

Согласно [Dowty 1991], у глаголов движения накопителем является Путь – сущность, которая может быть не представлена как участник ситуации на синтаксическом уровне:

- (4) а. *Джон перешел улицу* [Путь – поперечное сечение улицы];
 б. *Джон проехал на машине от Нью-Йорка до Чикаго* [Путь задан Исходной и Конечной точкой вместе взятыми].

У глаголов контакта с поверхностью (*отстирать*, *выполоть*, *оттереть*, *отскоблить*, *вымести*, *залить*, *наполнить*) два накопителя. Один накопитель – ПОВЕРХНОСТЬ / ВМЕСТИЛИЩЕ, которые заполняются или, наоборот, освобождаются; он конечный. Другой – МАССА, которая меняет место. Многие глаголы контакта спо-

собны менять диатезу (см. об этом [Апресян 1974; Fillmore 1977; Levin, Rapoport Hovav 1991]):

- (5) а. вымести мусор *из избы* – вымести *избу*;
- б. выполоть сорняки *с грядки* – выполоть (прополоть) *грядку*;
- в. залить бензин *в бак* – залить *бак* бензином.

И участник ВМЕСТИЛИЩЕ является накопителем, какую бы позицию он ни занимал. Те же два накопителя есть у *наполнить*, который не меняет диатезы (см. о нем ниже). Накопительная функция участника и тут не зависит от его синтаксической позиции.

Прототипическим накопителем является участник в позиции объекта. В (3а) глагол *растаять* неаккузативный, и его подлежащее – глубинный объект. Но в целом у накопителя нет определенной синтаксической позиции. См. примеры (3б), (3в), (4), (5).

4. Накопитель и семантическая роль. Компонент *theme* входит в состав термина "incremental theme", поскольку Даути ассоциирует накопитель с семантической ролью (Тема – то, что меняет свойство или, по Л. Талми, то, что перемещается, т.е. меняет место.) На самом деле, у участника, выступающего в функции накопителя, нет существенных корреляций с семантической ролью. Накопителем (т.е. тем участником, части которого последовательно принимают участие в ситуации) может быть:

Пациенс [как *яблоко* в контексте *съесть* в (2) и у других глаголов консумпции];

Результат [как *дом* в контексте *построить* и других глаголов создания];

Место [как у *вымести <пол>* и у других глаголов контакта];

Образ [как в контексте *нарисовать Машу* или *спеть песню*: по частям создается изображение Маши / воспроизводится песня];

Тема [= то, что перемещается]; например:

- (6) Черепаха *переползла* финишную прямую за 42 секунды (пример из [Dowty 1991]).

В (6) в каждый следующий момент все большая часть тела черепахи находилась ЗА прямой. NB: здесь не то же, что с переходом улицы. Чтобы отличить (6) от (4а), Даути вынужден был различить *incremental theme*, как в (6), и *holistic theme*, как в (4а). А достаточно было бы убрать из *incremental theme* компонент *theme*.

Итак, в [Dowty 1991] преодолена синтаксическая ограниченность первоначальной модели. Однако Даути настаивает на том, что накопитель – это семантическая роль (ср. также понятие Градуальный пациенс в [Krifka 1992]). Между тем приходится признать, что аспектуальные свойства глагола определяет участник, семантическая роль которого тоже достаточно разнообразна, см. об этом [Filip 1999: 96].

5. Накопитель и более общие понятия. В работе [Hay, Kennedy, Levin 1999] было показано, что у глаголов изменения состояния функцию накопителя выполняет шкала: по мере развития ситуации во времени происходит продвижение по шкале – нарастание / убывание значений некоего параметра участника-объекта. Например, в ситуации примера (7а) происходит нарастание по шкале значений параметра Температура. Большая часть глаголов изменения состояния образована от прилагательных, и у них шкала задается мотивирующим прилагательным; так, в (7б) это Ширина:

- (7) а. Иван *нагревает* воду;
- б. Рабочие *расширяют* тоннель.

Другие примеры глаголов изменения состояния / свойства:

- (8) а. *высохнуть, выздороветь, погаснуть, ослепнуть, ослабеть, поседеть, потемнеть, стемнеть, стихнуть, потускнеть, поглупеть* [некаузативы];
- б. *закрывать, согнуть, охладить, укрепить, укоротить, упростить* [каузативы].

По наблюдению в [Нау, Kennedy, Levin 1999], у каузативных глаголов изменения состояния всегда есть участник-объект. И с точки зрения семантической роли объект у глаголов изменения состояния всегда Тема – то, что меняет свойство. Но при этом *вода* в (7а) также и Пациент: тот, кто нагревает, воздействует на объект; а в (7б) воздействию подвергается не тоннель, а окрестность тоннеля, так что *тоннель* – Тема (он меняет ширину), но не Пациент.

З а м е ч а н и е. Глаголы изменения состояния представляют интерес не только с аспектологической точки зрения. В определении такого глагола, помимо семантики изменения состояния, надо оговорить, что каузативные глаголы этого класса характеризуются необязательной агентивностью (см., правда, несколько иное определение в [Levin, Rappaport Hovav 1995]). Отсюда тот факт, что глаголы изменения состояния – это основной источник декаузативов, ср. необязательную агентивность у *разбить* – *разбитый*, *открыть* – *открыться* (в [Падучева 2001] показано, что именно необязательная агентивность глагола изменения состояния является главным условием декаузативации). Так, прибавление *-ся* к глаголу с обязательной агентивностью *отрезать* дает не декаузатив, а пассивно-потенциальную диатезу:

(9) *X (не) отрезался* = '(не) удалось отрезать X'.

Прибавление *-ся* к глаголу перемещения, который не относится к глаголам изменения состояния, дает рефлексив:

(10) *сплавляться, переворачиваться, передвигаться, поворачиваться; удаляться.*

Шкалу накопления эффекта имеют также глаголы изменения положения в пространстве. пример (11а), и перемещения, (11б):

(11) а. *согнуться, наклониться, лечь;*
б. *погрузиться <в воду>, спуститься, подняться.*

Итак, есть два типа накопления эффекта: один – когда процесс охватывает последовательно нарастающие части какого-то из участников ситуации, и второй – когда происходит продвижение по шкале. Они различены в [Гловинская 1982]:

(12) а. *вбивать гвоздь* [увеличение вбитой части гвоздя];
б. *нагревать воду* [продвижение по шкале возрастания / убывания параметра Температура].

Верно, конечно, что часть яблока – это часть его объема, так что накопление частей можно свести к шкале. Но это обобщение мало что дает. Напротив, частные случаи делают описание наглядным. Если у объекта есть части, то глагол в СВ совместим со словом *весь*: например, *съел яблоко* ≈ *все яблоко*; *покрасил забор* ≈ *покрасил <постепенно> весь забор*; между тем *нагрел воду* ≠ *нагрел <постепенно> всю воду*.

6. **Предельные (telic) vs. ограниченные (bounded) ситуации.** Идея Даути (как ее можно себе представить) состоит в том, что ограниченность ситуации – во времени – возникает ЗА СЧЕТ ограниченности накопителя (в пространстве). Между тем если ситуация ограничена сразу по временному параметру, то нет гомоморфизма – и нет семантики предельности в русском языке. В самом деле, от глаголов типа *погулять <полчаса>*, делимитативов, и типа *проспать <два часа>*, пердуративов, нельзя образовать имперфектив со значением достижения предела (ср. *просыпает, погуливает*). Да и с исходным глаголом эти перфективы не образуют предельной пары.

Что касается сочетаемости, то делимитативы и пердуративы составляют парадоксальное исключение в классе СВ: если обычный глагол в СВ сочетается с обстоятельством срока (*за двадцать минут*) и не сочетается с обстоятельством длительности (*в*

течение двадцати минут), то делимитатив и пердуратив прямо наоборот – сочетается с обстоятельством длительности и не сочетается с обстоятельством срока (см. [Mehtlig 1994]):

- (13) а. Маша прочитала статью за полчаса – *Маша проспала за полчаса [срок];
б. *Маша прочитала статью полчаса – Маша проспала полчаса [длительность].

II. Какие новые возможности открывает понятие накопителя?

В русской аспектологии высказывались идеи весьма близкие к тем, которые заложены в понятие накопителя. Однако накопитель как участник ситуации позволяет многое увидеть в новом свете.

1. Природа предельности. Накопитель и связанные с ним дискуссии позволяют с новой стороны подойти к предельности. В самом деле, *telicity* в английском проверяется на сочетаемости с показателем срока (*in half an hour*), ретроспективным, и показателем длительности (*for half an hour*), который предполагает синхронное слежение за ситуацией в ее "срединной" части. Поскольку в русском языке в контексте показателей такого рода требуется замена СВ на НСВ, можно думать, что соотношение между СВ и НСВ в предельной паре определяется прежде всего позицией наблюдателя: она ретроспективная у СВ (и потому СВ позволяет представить всю ситуацию целиком, "в ее целостности", как говорит традиционная грамматика) и синхронная в исходном (актуальном) значении НСВ. Форма НСВ выделяет часть ситуации, обозначаемой глаголом СВ; это часть, которая имеет место в данный момент или длится на данном интервале.

Уточним. Имперфективация 1) выделяет в семантике предельного глагола сов. вида (который обозначает "действие в его целостности") гомогенную часть – то, что видно на момент (или в интервале) наблюдения, и 2) переносит достижение предела из настоящего в будущее, представляя его как предсказываемый итог наблюдаемого накопления эффекта.

Естественно, что такой результат имперфективации требует определенной семантики от исходного глагола. Так, в семантике *построить* <дом> есть участник накопитель, и это дает возможность построить из толкования СВ толкование для НСВ со значением актуального действия, накапливающего эффект; а в семантике *выиграть* нет накопителя (тут язык как бы отражает тот факт, что, скажем, футбольный матч может быть выигран голом, забытым в последнюю минуту), и пара *выиграть* – *выигрывать* непредельная. В любом случае, предельность заложена в лексике (в аспектуальном классе глагола), а не порождается грамматической формой вида.

З а м е ч а н и е. Семантика видовой граммы отделена от аспектуального типа ситуации, т.е. лексической аспектуальности, в так называемой "двухкомпонентной теории вида" [Smith 1991; Раппалорт 1998; Татевосов 2001]. В [Падучева 1996: 103–121 и сл.] результат имперфективации тоже представлен как зависящий от аспектуального класса исходного глагола СВ.

2. Предельные глаголы без накопителя. В [Гловинская 1982] различаются два типа видовых пар и, тем самым, глаголов действия: один представлен глаголом *забить* <гвоздь>, другой – глаголом *убедить*. Глаголам первого класса предлагается толкование с накоплением эффекта; глаголы второго класса представлены как такие, в которых накопление отсутствует. В [Апресян 1980: 64] приводится следующее обоснование необходимости различать эти два класса: у глаголов типа *убедить* под отрицанием возникает характерная импликация попытки (в таком случае они могут быть названы *к о н а т и в а м и*), которой нет у глаголов типа *забить*:

- (1) а. *не убедил* \supset 'убеждал';
б. *не забил* <гвоздь> – не следует, что пытался.

Однако импликация попытки неустойчива, она может возникать в должном контексте, у самых разных глаголов, в том числе и у *зabить*: значение попытки не возникает из одного лишь отсутствия видимого накопителя; скорее, характерным для глаголов попытки является недостаточность ресурсов или сопротивление контрагента – это вносит в достижение цели элемент удачи:

(2) *не достал* ⊃ 'доставал'; *не нашел* ⊃ 'искал'; *не удалось* ⊃ 'пытался'.

Несколько примеров глаголов без накопителя (по спискам из [Гловинская 1982: 89–91]) *доказать, внушить, всучить, выпытать, заставить, отгадать, решить, принудить, склонить, убедить, уговорить, успокоить, утешить*. Надо думать, лингвистическое большинство отнесет их к предельным. Дело в том, что актуальное значение НСВ может возникать за счет гомогенной деятельности, имеющей прагматически заданный конец. Такая деятельность к о н ц е п т у а л и з у е т с я как (предельное) действие; и ситуация в целом – как имеющая шкалу накопления эффекта:

(3) *починить* – *чинить велосипед* [меняется функциональное состояние велосипеда];
варить – *сварить суп* [идет возрастание по шкале готовности супа];
купить – *покупать квартиру*; *повесить* – *вешать картину* <на гвоздь>;
обсуждать – *обсудить* <диссертацию> [продуман распорядок действий].

Существенно, однако, чтобы глагол был агентивным. Глагол *выступать*, даже обозначая деятельность, остается в каком-то смысле стативным: это н а б л ю д а е м а я деятельность; и неудивительно, что СВ *выступить* обозначает скорее не завершение действия, а окончание деятельности:

(4) *выступать* – *выступить* <с речью>.

Предельность в (4) может быть поставлена под сомнение. В (5) неопределенность выражается даже в "делимитативной" сочетаемости⁴:

(5) *отдыхает* – *отдохнул* <недельку> в Турции; ср. <пять минут> *погладил кошку*.

Предельность тем более сомнительна для глаголов *сохранить, сберечь, уберечь*, поскольку соответствующая деятельность носит пассивный характер: *хранить, беречь* – generic states по Вендлеру. Глагол *защитить* в контексте неагентивного субъекта (*плац защищал – защитил меня от дождя*) тоже едва ли может быть сочтен предельным, поскольку здесь нет ни накопителя, ни целенаправленной деятельности.

Итак, все глаголы с накоплением эффекта предельные, а глаголы без накопления эффекта требуют дополнительного рассмотрения. В то же время, если глагол СВ моментальный, он не может быть предельным; так, несов. вид *нажимать* не обозначает деятельности, которая ведет к цели *нажать*:

(6) *нажал* – *нажимаю кнопку*.

3. Неопределенные глаголы. Среди глаголов без накопления эффекта есть несколько аспектуально релевантных подклассов.

1) Накопитель эффекта – это участник, состояние которого меняется с и н х р о н н о деятельности субъекта. Между тем, есть класс глаголов каузации импульсом (*выстрелить, бросить, толкнуть* – с характерной неконтролируемостью конечной точки каузуированного движения); их следует, видимо, отнести к неопределенным.

⁴ Парадоксальным примером *отдыхать* я обязана В.А. Плунгяну.

2) Близкий, но другой класс составляют глаголы *отравить, убить, взорвать* [Падучева 1992], которые не всегда допускают сочетание с обстоятельствами времени и места: когда и где Дантес убил Пушкина? Деятельность субъекта происходила в одном месте и в одно время, а каузированный ею процесс закончился в другом. (Про Анну Линдг сообщалось, что убийца в универмаге ее "смертельно ранил", а не убил.) В классе 2), как и в 1), накопление эффекта не синхронно деятельности Агенса.

3) Глаголы *зайти, посетить, навестить* обозначают ситуацию, в которой гомогенный участок – состояние (воля Агенса проявляется только в момент его начала и окончания). Отсюда стативность; нет накопления эффекта; ограниченное с двух сторон состояние не поддается имперфективации, см. [Падучева 1998].

4. Предельный процесс и состояние. Есть много глаголов, совмещающих значение процесса и состояния. Но регулярной модели семантической деривации, соединяющей состояния и процессы, нет. Так, две категории, процесс и состояние, у *наполнять* – это два разных парных НСВ к СВ *наполнить* (выше отмечалось, что у этого глагола два накопителя), см. [Падучева, Розина 1993]:

- (7) а. *наполняет* постепенно [процесс];
- б. *наполняет* до краев [состояние].

Акцент в одном случае на перемещении воды, в другом – на состоянии бассейна.

Другой пример – из [Зализняк Анна 2004]. У *собираться* два значения:

- собираться* 1 ≈ 'намереваться', перфектное состояние от глагола СВ *собраться*: принять решение о действии;
- собираться* 2 ≈ 'собирать волю <к действию>', *воля* – инкорпорированный участник, как *вещи*.

Лексема *собираться* 2 обозначает процесс накопления признаков состояния готовности осуществить действие. Процесс может не дойти до конца; отсюда *не написал тезисы – не собрался*. Опять-таки, процессное и стативное значение несомн. вида возникают не одно из другого: оба мотивированы глаголом СВ.

5. Композиционные проблемы в аспектологии. Накопитель привлекает внимание к фактам предельности, зависимой от контекста, – к проблеме взаимодействия семантики глагола с референциальной семантикой актантов.

Однозначно предельными являются глаголы с однозначно индивидуальным объектом:

- (8) *разбудить, разрушить, запереть*.

Ср. *толочь, дробить, сеять* и др. с объектом тематического класса МАССА и неоднозначной предельностью.

Однозначно предельные глаголы есть среди интранзитивных – это, например, движения: *переехать, пробраться, вернуться* (несомн. *возвращаться*); глаголы изменения состояния (*сгореть, свариться*); глаголы изменения положения: *наклониться*.

Возьмем глаголы помещения с инкорпорированным участником. Однозначно предельными являются среди них те, у которых инкорпорированный участник – счетное имя:

- (9а) *занавесить (занавеска), оседлать (седло), подковать (подкова)*.

Если инкорпорированный участник – несчетное имя, возникает делимитатив, т.е. глагол с количественно ограниченным накопителем (см. ниже):

(9б) *помастить, полить, запачкать* ([Levin 2000]; ср. [Kiparsky 1998]).

Поэтому (10а) осмысленно, а (10б) – нет:

- (10) а. – Я полил огород. – *Еще полей*;
б. – Я оседлал коня – *Еще оседлай*.

У *заржавеет, сгнить, протухнуть* предельность сомнительная из-за количественного характера возникающей ржавчины, гнили, тухлости и проч. Эти глаголы сродни делимитативам.

У большого числа глаголов предельность зависит от диатезы – от набора подчиненных и их референциального статуса, в частности, от определенности, см. [Engelberg 2002: 377]. Так, у глагола *взять* в (11а) и (11б) одинаковое количество участников, но разные диатезы – при абсолютивном употреблении объект имеет статус неопределенности:

- (11) а. Маша вяжет *шапочку*;
б. Маша вяжет.

Исходная диатеза глагола должна фиксироваться в словаре – как и все производные, хотя бы они получались по правилам композиции, общим для многих слов одного аспектуального класса. Имеются следующие правила композиции, которые работают на словаре и определяют набор диатез глагола.

1) Действия, производные от деятельности. Правило строит по неопредельному значению предельное, по activity – accomplishment (action):

- (а) пахать *землю*;
(б) пахать – вспахать *поле* [в исходном употреблении объект у *пахать* – несчетное имя: *земля*].

2) Деятельности, производные от действий. Правило строит по неопредельному значению предельное, т.е. по accomplishment – activity:

- (а) ловить *бабочку* [действие];
(б) ловить *рыбу* [деятельность] (пример из [Падучева 1996]).

Ср. пример из [Filip 1999: 90]; в (в) глагол моментальный, а в (г) – процесс:

- (в) *A / the guest arrived*;
(г) *Guests arrived*.

Масштабы неоднозначности этого рода безусловно ранее не осознавались в русской аспектологии.

В русском языке помимо этих вариаций на синтаксическом уровне есть формы СВ и НСВ. У предельного глагола (т.е. у глагола действия и предельного процесса) в исходном значении эти формы выражают только перспективу (ракурс). Т.е. в русском языке перспектива выражается и временным показателем, и видом. А в англ. и нем. языке – только показателем:

- (12) а. *Jamaal las die Zeitung in zwanzig Minuten*;
б. *Jamaal las zwanzig Minuten lang die Zeitung* (пример из [Engelberg 2002]).

Для английской терминологии, опирающейся только на показатель, примеры типа (12) вызывают затруднение.

Надо сказать, что примеры типа (12) были в некотором роде откровением – Вендлер считал, что показатели срока и длительности исключают один другой. На самом деле, принадлежность глагола (на лексическом уровне) к классу accomplishments обеспечивает в о з м о ж н о с т ь употребления в контексте обстоятельства срока, но не исключает обстоятельства длительности. Ср. пример (на базе [Mehlig 1994: 600]):

- (13) а. Библиотекарь *выдал* мне книгу – *выдавал* мне книгу [действие];
б. Библиотекарь *выдавал* книги [деятельность];
(14) Библиотекарь *повыдавал* книги (*мне книгу) и пошел пить чай.

Объяснение для (14) состоит в том, что делимитативы образуются от глаголов деятельности, и *выдавать книги* – деятельность, а *выдавать / выдать книгу* – действие.

Итак, накопитель порождает определенную конфигурацию в семантическом представлении глагола, которая предсказывает возможность предельного употребления. Далее она реализуется или нет, в зависимости от семантики актантов, поскольку накопитель может быть конечным и бесконечным. Предельный глагол в обоих видах относится к одному и тому же вендлеровскому классу (*строить* и *построить* оба accomplishments, они обозначают одну и ту же ситуацию, только в разных временных перспективах). Для моментальных глаголов в СВ и НСВ вендлеровская классификация предлагает различные категории; например, *понять* – achievement, *понимать* – state (хотя эту трактовку нельзя считать единственно возможной, ср. [Раппапорт 1998]).

б. Особую проблему ставит к о л и ч е с т в е н н о ограниченный накопитель. В русском языке в контексте глагола с таким накопителем изменение ракурса и замена СВ на НСВ невозможны:

- (15) а. *выпил* стакан воды;
б. **пьет* стакан воды (пример из [Paducheva 1998]).
(16) а. Завод *вылавил* 10 тыс. тонн стали;
б. Завод *вылавляет* 10 тыс. тонн стали <в год>.

Выходит, что в контексте количественно ограниченного накопителя глагол не входит в предельную пару (эти и множество других примеров обсуждаются в [Падучева 1996: гл. I.12] и [Paducheva 1988]). Количественно ограниченный накопитель представляет интерес с типологической точки зрения – в англ. и франц. языке количественный предел не является препятствием для представления ситуации в синхронной перспективе:

- (17) а. John *drank* a glass of beer;
б. John *is drinking* a glass of beer.

В чем здесь дело? Выводится ли это русское ограничение из семантики?

Еще пример. Предложение (18) рассматривается в [Нау, Kennedy, Levin 1999] как пример допустимого; между тем его русский перевод – если понимать глагол в значении актуального процесса – можно привести только как пример аномалии:

- (18) The lake *is cooling* 4 degrees – *Озеро *остывает* на 4 градуса.

При этом аспектуально значимым фактором является агентивность – (18') приемлемо в неизмеримо большей степени, чем (18):

- (18') Он *нагревает / остужает* воду на 5 градусов.

В [Timberlake 1985] для отличия актуально-длительного значения от дуративного используется признак "неограниченная длительность". Возможно, это ключ к разгадке. Однако проблему количественного предела мы не пытаемся здесь решить. Отметим только, что похожая невзаимозаменяемость СВ и НСВ имеет место в предложениях, где накопителем служит Путь, замкнутый с обоих концов:

(19) Джон проехал (*едет) на машине *от Нью-Йорка до Чикаго* (ср. *из Нью-Йорка в Чикаго*).

7. Еще одна проблема – градативы, т.е. глаголы типа *увеличиться*, которые были идентифицированы как аспектуально значимый класс в [Гловинская 1982]: *нагреть, охладить, поднять(ся), опустить(ся), расширить(ся), сузить(ся), сократить(ся), увеличить(ся), уменьшить(ся), удлинить(ся), укоротить(ся)*; не *укрепить(ся)*.

Градативы многие отождествляют с глаголами изменения состояния (ГИС) типа *потемнеть, укрепить* (и то и другое – degree achievements). На самом деле, правильное решение принято в [Гловинская 1982]. Есть ГИС типа *потемнеть, укрепить*; у них исходное значение предельное, а значение изменения степени признака (*слегка укрепил*) производное. (То же у глаголов направленного движения типа *спуститься, подняться, упасть*: исходное значение предельное.) И есть глаголы типа *увеличиваться*, которые в исходном значении непредельные; они обозначают однопольное изменение значения параметра и могут иметь только количественный предел.

СВ и НСВ градатива не образуют предельной пары – они различаются числом участников: в СВ есть участник Q – Разница (высот, температур), англ. Difference value, – которого нет в НСВ. Больше того, СВ и НСВ градатива не образованы один от другого. В самом деле, СВ не производный от НСВ, поскольку СВ не обязательно предполагает процесс (*цена на хлеб повысилась*); а определение НСВ должно быть применимо к процессу, и потому не может опираться на СВ.

* * *

Итак, понятие накопителя привлекает внимание к наличию двух отдельных компонентов в семантическом представлении предельного каузативного глагола: деятельность субъекта (или воздействие каузатора) и процесс в накопителе. Накопитель – это важный шаг в понимании природы предельности. Однако условие накопления эффекта оказалось слишком сильным: предельными могут быть названы и такие глаголы, которые описывают целенаправленную деятельность, хотя бы и без сопутствующего достижения частичного результата на промежуточных этапах. Типология количественного предела остается при этом задачей на будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1980 – Ю.Д. *Апресян*. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл ↔ Текст". Wien, 1980.
- Гловинская 1982 – М.Я. *Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Зализняк Анна 2004 – Анна А. *Зализняк*. Феномен многозначности и способы его описания. ВЯ. 2004. № 2.
- Маслов 1948 – Ю.С. *Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // ИАН СЛЯ. 1948. № 4.
- Падучева 1992 – Е.В. *Падучева*. Глаголы действия: толкование и сочетаемость. Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Падучева 1996 – Е.В. *Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

- Падучева 1998 – *Е.В. Падучева*. Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Падучева 2001 – *Е.В. Падучева*. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русск. яз. в науч. освещении. 2001. № 1.
- Падучева, Розина 1993 – *Е.В. Падучева, Р.И. Розина*. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // ВЯ. 1993. № 6.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. 'Быстро' в грамматике русского и других языков // Слово в тексте и в словаре // Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2000.
- Ранпапорт 1998 – *Г. Ранпапорт*. Перфективация состояний // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Татевосов 2001 – *С.Г. Татевосов*. Аспектуальные классы глаголов // А.Е. Кибрик (ред.). Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари. М., 2001.
- Dowty 1991 – *D.R. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. V. 67. Pt. 3. 1991.
- Engelberg 2002 – *S. Engelberg*. Intransitive accomplishments and the lexicon: the role of implicit arguments, definiteness and reflexivity in aspectual composition // *Journal of semantics*. V. 19. 2002.
- Fillmore 1977 – *Ch.J. Fillmore*. The case for case reopened // *Syntax and semantics*. V. 8. New York; etc., 1977.
- Filip 1999 – *H. Filip*. Aspect, eventuality, types and nominal reference. New York; London, 1999. Ch. 3. Telicity.
- Hay, Kennedy, Levin 1999 – *J. Hay, Ch. Kennedy, B. Levin*. Scalar structure underlies telicity in "Degree achievements" // *Proc. of SALT – 9*. 1999.
- Krifka 1989 – *M. Krifka*. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // R. Bartsch etc. (eds.) *Semantics and contextual expression*. Dordrecht, 1989.
- Krifka 1992 – *M. Krifka*. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // I. Sag and A. Szabolcsi (eds.). *Lexical Matters*. Stanford, 1992.
- Levin 2000 – *B. Levin*. Aspect, lexical semantic representation, and argument expression, proceedings of the 26th annual meeting of the Berkeley linguistics society. 2000.
- Levin, Rappaport Hovav 1991 – *B. Levin, Hovav M. Rappaport*. Wiping the slate clean: a lexical semantic exploration // *Cognition*. V. 41. 1991.
- Mehlig 1994 – *H.R. Mehlig*. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени // *RÉSI*. V. LXV. Pt. 1 / 3, 1994.
- Paducheva 1988 – *E.V. Paducheva*. On non-compatibility of partitive and imperfective in Russian // *Theoretical linguistics*. V. 24. № 1. 1988.
- Smith 1991 – *C.S. Smith*. The parameter of aspect. Dordrecht, 1991.
- Timberlake 1985 – *A. Timberlake*. The temporal schemata of Russian predicates // *Issues in Russian morphosyntax* / Ed. by M.S. Flier, R.D. Brecht. Columbus (Ohio), 1985.

© 2004 г. В.П. ГРИГОРЬЕВ

ЭВРИСТИКА И 4-МЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА*

Начну с примера – концовки цикла стихов, посвященного Блоку. Еще в 60-е гг. нашу группу словарников из представителей разных школ, отчасти главных, но не ведущих, занимала в этом цикле и заглавная экспрессема *ветер*. Итоги словарных экспериментов мы изложили в книге [Поэт и слово 1973], увы, отклика они не нашли. А те строки Пастернака, которые я сейчас приведу, естественно, сразу же после их появления, вызвали устойчивый интерес в обществе. Важно понять все в том, что именно его вызывает.

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем (П956–59)¹.

Как словарники мы видели, что этот контекст, в отличие от многих других, уместен и в ряде статей на местоимения и даже строевые слова, но до идеи "эвристемы" было еще далеко. В то время казалось: понятие "идейно-эстетического" непоправимо вульгаризовано, а марристский "перебор" скомпрометировал и различие "языка как идеологии и как техники" у В.И. Абаева. Сегодня же "технари-антиидеологи" из числа поэтов, отбросив "как лишние" концепты "идея", "ЛОГОС" и "модель мира", возлюбили дизайн и рисуют себе "картинки с предмыслами" без "слова как такового".

Случилось так, что на протяжении полумесяца в одном и том же месте, с кафедры Ученого совета ИРЯ РАН, излагались точки зрения лингвистов на словесное творчество. Чем-то они близки друг другу, в чем-то разошлись. Этот мой доклад (он состоялся 29.01.04), предлагаемый здесь в виде самостоятельной статьи, не мог не быть соотнесен, в частности, с понятиями концепта в докладе Ю.Н. Караулова 15.01.04, активности и актуальности в докладе Н.А. Фатеевой 22.01.04. Однако задача, которую преследует эта статья, много шире. Речь идет о "мерности" языкового пространства. Вот три предварающих замечания.

1. Слово *эвристика* давно вошло в словарь культуры. Думаю, что оно должно стать и специфическим термином лингвистики, а также филологии в целом. Основание для этого я вижу прежде всего в мощном множестве реальных контекстов поэтического словоупотребления, когда поэзия доступными ей способами и высказываниями стремится познать неизвестное, *новое*, достичь общезначимого *нового знания*. Вместе с тем настораживает: почему наша "когнитивная парадигма" так слабо связана с "языком как творчеством" и теми методами "эвристического моделирования", что присущи не только ученым, но также поэтам? Как ни специфичны в общем случае фрагменты мира, которыми заняты те и другие, Культура все же отбирает и хранит уроки

* Работу финансово поддержал РФФИ (грант 02-04-16015).

¹ В статье используется (с упрощениями) система паспортизации цитируемых контекстов, принятая в кн. [СЯРП 2001: 15].

как "физиков", так и "лириков" в определенном динамически едином и общедоступном для каждого поле знаний. "Принципы отбора/отбраковки" в "точных" и естественных науках и их языке работают в целом более надежно и целеустремленно, чем в гуманитарии. Но поэзия постоянно стремится не слишком отставать от них и, даже прикидываясь "глуповатой", тем вернее добивается высот "обманутого ожидания", а там добирается и до своего рода великих, четких и ясных истин.

Множество контекстов поэтического словоупотребления неоднородно. Вот два высказывания Пушкина: 1) "Глаголом жги сердца людей" и 2) "– Анджело бледнеет и трепещет / И взоры дикие на Изабеллу мечет...". Рольевые различия этих контекстов и множества их аналогов в нашей стиховой культуре – очевидны. Тем не менее мы обычно не задаемся вопросом о том, почему одни контексты становятся общеизвестными и популярными цитатами, другие же, при всем уважении к их структуре, языку и поэтике, их функциям в тексте и контексте всего авторского творчества, остаются за пределами общественного внимания. Впрочем, быт способен смягчать эту жесткую дистинкцию. Так, в семейном узусе и фраза с Анджело может стать средством снять раздражение, не менее действенным, чем ироническая поговорка "Самоварчик закипел".

И поэтому, обращаясь к концептам "идейно-художественного", нужно трезво учитывать взаимодействие *ratio* и *emotio*, возможности индивидуальной микросдвигов в них на базе вполне невинного контекста. Этому мешала бы установка на "чистую" лингвистику, на ее изоляцию от "транслингвистики", всей широты филологического спектра. А эта изоляция ощутимо двустороння. Ее невеселым результатом оказывается и въевшаяся в культуру бравада по поводу того, что, мол, нет вообще возможности доказать, будто Чехов "выше", чем Боборыкин, и т.п. Если так, то тем хуже для филологии.

2. Опасна и "прелесть" прямолинейности у *пространственных* образов и их *измерений*. Убежденно называя Хлебникова со всей его поэзией и эвристикой *нашим Эйнштейном от гуманитарии*, я не имею в виду проводить при этом некой аналогии между "4-ым измерением языка" и представлениями Авангарда физической науки 10-х годов о пространственно-временном континууме. Но было бы ошибкой закрыть глаза на глубинные связи общих идей Эйнштейна или Минковского со сменой парадигмы в Авангарде словесного искусства. Известно, насколько важны были эти имена и категория мировых отношений для того же Хлебникова. Напротив, ни Блок, ни Маяковский не испытывали потребности проникновения к существу открытий в фундаментальной науке.

Упомяну здесь еще два имени. Эвристически богатую парадигму А. Белого отвлекали и от "событий глубины", и от "прямизны вестей" о точном знании не столько новое в метрике и ритмике, "звуковые громады" или контекст его "мелодизма", сколько погружение в эзотерическую эстетику. Многообещающий "опыт и лепет" Мандельштама (свободно использую в этом абзаце его образы) был жестоко оборван на самом пике стремлений "былого акмеиста" разобраться в эвристике Хлебникова. Так за "глубокими зигзагами" культуры и личными судьбами ее мастеров ускользало от них что-то первостепенное, а от нас – нестандартные связи языка и мышления, их идиосинкрий и идиостилей.

3. Известна полисемия слов *парадигма* и *контекст*. Надеюсь, не затруднит *ad hoc* и квазисинонимия слов *контекст* и *высказывание*. Я представляю не законченную по всем важнейшим деталям концепцию, а только первый очерк некоторой идеи. Она возникла в ходе работы над "Словарем языка русской поэзии XX века" [СЯРП 2001–2003] (так сказать, "Поэтическим Далем") и его близнецом-рефлексом – "Словарем эвристик" (по замыслу, – "Поэтическим Ожеговым" [Григорьев 1994]). У самой же идеи – глубокие и разнообразные корни. Меня они лишь укрепляют в мысли об особой перспективности намечаемой концепции.

Изберу такой план дальнейшего изложения.

А. Существо идеи отражает нижеследующая схема. Хотя она говорит сама за себя, все же сначала я кратко прокомментирую ее главные смыслы. Далее –

Б. Попутно затрону ряд корней – истоки и пути зарождения основной идеи Возро- жу ее именно к Будетлянину, повторю и подчеркну, *нашему Эйнштейну от гумани- тарии* – поэту, ученому и мыслителю в одном лице. При этом, конечно, более подроб- ного анализа заслуживали бы, в частности, (1) оппозиция "статика/динамика" (как в велимироведении, так и в филологическом целом) и (2) ее связи со старой идеей "эсте- тического эксперимента" над языком и относительно новой – идеей "концептосфер". Но такой анализ, особенно в отношении (2), невозможен в рамках настоящей статьи. Наконец. –

В Приведу – в сокращении – статистические прикидки по результатам отбора не- скольких сотен сильных ' контекстов в "Словарь эвриستم". Подробнее такие данные представлены в другом месте [Григорьев 2004г].

А

Обратимся к схеме

<u>Три -тики и три -[эмы]</u>	}	<u>Четвертые</u>
семантика синтактика прагматика	}	эвристика
~ема ~ема прагмема	}	эвристема

Эвристика – это не еще одна *-тика*, просто соположенная к трем нашим привыч- ным лингвосемiotическим ипостасям языкового пространства – семантике, синтакти- ке и прагматике. По-своему она пронизывает каждую из них и охватывает все их вместе взятые, при всей зыбкости границ между ними. Мало того. Если принять "поэтический язык за потенциально максимальное представление языка вообще (подход в [Coseriu 1971]), то в определенном аспекте эвристика потребует рассматривать себя и как доми- нанту в этом пространстве (подробнее см. [Григорьев 2003 а, б, в; 2004 а, б, в, г, д]).

Вообще говоря, именно к такой позиции ведет динамика отношений языка и мыш- ления в когнитивной деятельности человека, а также проблематика тонких связей поэтического языка" со "стилями научного мышления" и *качествами* художествен- ной экспрессии в великой литературе Нового времени.

Альтернатива известна: ориентация только и только на "готовое знание", уже за- крепленное в языке, иными словами, на ту же статику языка в ущерб его динамике. Но это и означает по-прежнему игнорировать: 1) "принцип единой левизны" (т.е. но- визны) у Хлебникова; 2) реконструкцию "принципа единой полноты" у Пушкина (ср. его различие "двух родов бессмыслицы"); 3) куда более поздние высказывания вы- дающихся филологов, скажем, Тынянова или Лихачева, о "чопорном" отрыве искусс- ва от науки и о "гносеологии в эстетике" [Григорьев 2000]; 4) критику той статике, на которую обречен фактор ' Контекст" в известной модели Якобсона, обусловивший не- ktorую недостаточность, неполноту его модели (ср попытки расширить ее уже в 60-е годы [Григорьев 1966]).

У понятия эвристеми своя история, отчасти независимая от эвристики в предлагае- мой мной экспликация. История – весьма драматическая. Однако поучительный рас- сказ о ней требует особого места и времени. Тот "Словарь эвриستم", над которым сейчас идет работа, первоначально носил название "Словаря избранных экспрессем". Понятие ' экспрессемы ' уже при своем рождении в 60-е годы учитывало и "иерархию" контекстов словоупотребления, и "идейное содержание", и "эстетический смысл", и "период превращения открытия в штамп" [Григорьев 1965: 26, 28, 31, 38, 43, 59 и др.].

Экспрессему я определял как "упорядоченное множество" контекстов. Но понадо- бились годы, чтобы, 1) опробовав разные меры упорядочения контекстных парадигм, найти оптимум в стреле времени, т.е. в хронологии; 2) осознать важность бифуркации

экспрессы и на практике представить ее как пару "-эм" – *креатему* и *эвристе*, 3) предложить систему критериев отбора в "Словарь эвристе" (уже из "нашего Дала", с его нередко неохватными парадигмами) общественно значимых контекстов, особо учитывая их идейно-эстетические качества. Замечу: *креатему* как дублет экспрессы Л.А. Новиков устно предлагал еще в 1978 г. Но тогда простое переименование мало что давало бы.

Таким образом, *креатема* – это новое имя старой экспрессы. *Эвристе*, напротив, – новое понятие: оно охватывает в слове не всю его контекстную парадигму, как *креатема*, но лишь те контексты, которые признаются "сильными". Иначе говоря, *эвристе* – это "сильная" часть *креатемы*; последняя же включает в себя на равных правах и "сильные", и "слабые" контексты без заведомой предопределенности их статусной судьбы.

Системой критериев для разбиения *креатемы* на контексты двух классов предусмотрен приоритет общественной идейно-художественной значимости "сильного" контекста. Именно в этом его *specificum*, особое достоинство, ценность. Но нельзя не учитывать и известность контекста, т. е. цитируемость; (прото)афористичность; с особой осмотрительностью – возможности частичной, например, интонационной, трансформируемости; роль слова в создании особо яркого образа, в составе заглавия, посвящения, свежей и глубокой паронимии или рифмы; реплики поэтов о поэтах; и прочее. Поле "идейно-эстетического" буквально пронизано "этическим", поэтому во всех случаях оценок "силы" непременно присутствуют этические моменты. Система критериев открыта для уточнений: недавно мы расширили ее за счет такого КАЧЕСТВА контекстов, как фактор остроумия (подробнее см. [Григорьев 2003 б]).

"Сильные" контексты настолько разнообразны, что уловить их безупречным в логическом смысле определением на первых порах трудно, приходится апеллировать к иерархии намеченных критериев отбора и ориентироваться на уже наработанный массив прецедентов. Будучи на каждом шагу готовым к встрече с очередной "уникреатемой" и "униконтекстом", в то же время ощущаешь, сколь важны для общей унификации подходов и открытая система критериев отбора, и расширение круга уже принятых решений – опыт их взаимодействия.

Вот два примера "сильных" контекстов (у нечастых слов):

- 1) АВТОРИТЕТНО выпивший рабочий А. говорил другим, Что губит каждый день людей вино. Ирон. АБ907 (П,295).
- 2) АЙДА Ну, тащися, Сивка / Шара земного. / А. понемногу! Аллюз. Хл922 (173)

А вот примеры "слабых":

- 1) АВТОМОБИЛЬ Вдали пылило стадо. Вдруг я вижу: А. несется, как стрела Куз927 (290).
- 2) БАЗАРНЫЙ И хладнокровен средь базарных фурий Монументальный повар с броненосца. ОМ920 (127).
- 3) БЕЖАТЬ И видно бежала: чуть-чуть запылен Ее голубой башмачок. Цв910 (I, 109.2); Дикий чашник Гремел ковшом, и через край Бежала пена. П918 (I, 185); Немилых шашками секут, И вдруг – все в сторону бегут. Хл920 (275).

Оценочные просчеты в ту и другую сторону неизбежны не только на первых порах Добиться идеальной эмпатии в отношении вроде бы "сильного", но явно аномального контекста, обремененного явным акцентологическим нарушением, например, *времена*, как у Хлебникова, или допускающих разные интерпретации иных контекстов у позднего Мандельштама – задача пока в какой-то мере безнадежная и на чисто логическом уровне нерешаемая. С основной массой контекстов дело обстоит несколько иначе. Каждый из нас обладает специфическим запасом *эвристе*. Он привычен, а

векторы его динамики достаточно устойчивы. Если общие части эвристик у составителей достаточно объемны, а несовпадающие окружения "своевольных контекстных оболочек" не приходят в непримиримое "идейно-эстетическое" противостояние друг с другом, то единодушие в оценке *i*-того контекста достигается относительно легко в поле прямых прецедентов или поправочных аналогий и экспертиз.

Малая известность несколько не препятствует признанию контекста "сильным". Мы убеждены, что "Словарь эвристик" предложит обществу многие сотни контекстов, ускользавших от его внимания, но вполне достойных известности в культуре. Это уже заметно при проекции такого словаря на словари цитат: ведь их материал определяют в основном эмпирия и рейтинги (см. о словаре К.В. Душенко [Григорьев 2003б]).

Здесь их слабость, но и преимущества видимой объективности и достаточно простой логики. Последняя очевидна в случаях, подобных строчкам из "Пророка" и "Анджело" (их я цитировал в начале). Логика отбора контекстов для "Словаря эвристик" – сложнее. Признать контекст *или* "сильным", *или* "слабым" – это необходимое заключительное требование к составителям, но на пути к нему контексты проходят многократные испытания "логикой сомнений" – логикой *и – и*, далекой от алгоритмичной. Она несколько уменьшает опасность произвольных решений составителя, либерал он *или/и* ригорист в поисках "скатного жемчуга" контекстов. Возможно, такие осмотрительные "шаги итерации" сблизят нас и с новой "фрактальной логикой". (Хотя я вовсе не уверен, уместен ли здесь столь ученый термин.)

Б

Б1. Теперь – ряд соображений по поводу истоков главной мысли статьи. В последние месяцы 2003 г. внешне разрозненные занятия и очень давние идеи автора, неожиданно объединив свои ряды, устремления, самостоянья и голоса, стали, как мне и сейчас кажется, достаточной критической массой "наработок" для прорыва к некоторому новому представлению о самой сущности языка. Если здесь случай настоящего инсайта, то небезынтересны и питавшие его источники. Вот их сжатый до подобия конспекта перечень.

На первом месте (даже в просто автобиографическом плане) стоят Хлебников и углубление в исследования его творчества.

На втором – уникальное сочетание самых непосредственных и главных учителей. Имена А.А. Реформатского, В.В. Виноградова и Е.А. Бокарёва можно не комментировать. Они учили находить особенно широко и остро мыслящих ученых, новые неожиданные идеи и т.д.

А далее импульсы шли уже естественным путем от словообразования и фонологии, поэтики и лексикографии. Пересечения этих и других дисциплин с Хлебниковым и привели к рождению *экспрессемы*, а интерлингвистика усиливала интерес к эстетике *звездного языка*, к Бодуэну в его борьбе с младограмматиками, наследию Юшманова и т.д. Из этого разнообразия аттракторов назову еще лишь некоторые в приблизительно хронологическом порядке: структурализм, культура языка и языковая политика, МЛШ, Тынянов, та же этапная модель языковых функций Якобсона, лингвистические поэтика и эстетика, семиотика, обращения к архивам и проблемам текстологии, синергетика, Авангард, интеридиостилистика, идеостиль, зангезийство...

Отдельную и особо значительную строку в свете проблемы "Принципы XX века" займут здесь имена Чехова, Нильса Бора, Сергея Мейена, ряд других и тема "Диалог и интеллигентность". Отмечу также свежие и перспективные инициативы журнала "Общественные науки и современность", обратившегося не только к острой критике нашей застойной "языковой политики", но и к общему дефициту научного общения [Григорьев 2003г; 2004в; Олейник 2004].

Б2. Еще несколько слов – об оппозиции "динамика/статика". Она особенно занимала Хлебникова именно в связи с проблемой *нового знания*: общего противостояния настоящего и будущего; критиков как "городовых от искусства", "послов стены", – и

поэтов, "послов хода, послов времени", бездумно сажаемых в "поэтическую кутузку"; государства с его "грубыми пальцами" – и по-своему "равновеликого" ему будетлянина с его "величием духа" как "рычагом в руке поэта" (эти размышления увлекали Главдздрасмысла и в начале 1920 г. в Харькове, и весной 1922 г. в Москве [РГАЛИ]).

По-видимому, типология "концептосфер", о которой говорил Ю.Н. Караулов, недостаточно учитывает именно динамику *нового знания* в поэзии, да и во всей культуре, т.е. ту хлебниковскую *движаву*, о которой мне уже приходилось писать [Григорьев 1999]. Но наши позиции могут существенно сдвинуться, во-первых, сам опыт коллегияльных словарных изданий и бездефицитного (бы) научного общения, а во-вторых, и такое понятие, как "эстетический эксперимент".

БЗ. Еще и сегодня понятия "эксперимент" и "словесное искусство" далеки в эстетике от отношений гармонии. Странно вспоминать, с каким недоумением отказывали в смысле, например, экспериментам Хлебникова. Расширив же узкие рамки "эстетического эксперимента" до художественного эксперимента вообще, мы должны будем признать условно экспериментальными тексты и контексты любого крупного (да и "рядового") художника слова. В том смысле, что они претендуют на общественную роль, на то, чтобы найти место в "потенциальной культурной парадигме" или хотя бы в уже действующей. Поэтому, и особенно в связи с идеей эвристики, сегодня важно было бы вернуться на новом этапе к трем памятным работам 70-х – 80-х годов, в которых по-разному были затронуты соответствующие проблемы, но которые "в связке" как будто не обсуждались [Левин и др. 1974; Степанов 1985; Иванов 1988].

Между тем из этой статьи Вяч.Вс. Иванова об "эстетическом эксперименте А. Белого", видимо, следует, что эксперименты в узком смысле поэт адресует, или должен адресовать, прежде всего самому себе и другу-единомышленнику: он производит их главным образом над планом выражения, хотя, по-своему, и в общеэстетических целях. Ср. полноплановые "эксперименты с содержанием" в серии неологизмов Хлебникова, непосредственно связанные с его "осадами", – и редукцию Логоса при *полтораплановых* "экспериментах с формой" в зауми Кручёных или "графизмах" Каменского и в наши дни.

Простые и даже примитивные примеры иногда могут больше сказать о сути дела, чем отвлеченные построения. Палиндромы известны как форма, особо трудная для выражения серьезных идей. Семен Кирсанов виртуозно справлялся с этой формой, но едва ли нас увлечет смысл таких его перевертней, как

Ментол глотнем? (е ≡ ё)

или

Ала

водила вниз инвалидов

искать такси.

Ср. экспериментальный, автоиронически глубокомысленный палиндром – нечто вроде обращения к партийному лидеру после выборов ("сильный" контекст с метафорой и игрой значений, сложившихся в "мудрую сентенцию"):

Сам дашол и доводи лошадь масс.

(с ≡ сс; ь ≡ Ø; [дашол] ≡ дошел)

В

В целях экономии приведу теперь лишь часть данных нашей статистики. Ею охвачены "сильные" контексты и состоящие из них эвристемы по двум отрезкам т. 1 "Поэтического Даля": А – А-ю-рей и Б – бедняжка. Подготовлены для публикации и не-

сколько более полные данные, но они еще нуждаются в дополнительной выверке. См. также статью [Григорьев 2004в]. Те цифры, что публиковались прежде, в 2003 г., менее надежны.

Указанные отрезки содержали всего $2981 + 2247 = 5228$ контекстов в $802 + 404 = 1206$ креатемах.

В "Словаре эвристам" оказалось $354 + 545 = 899$ контекстов в $364 (182 + 182)$ эвристемах (мы предпочли сравнимость по числу эвристам "на выходе").

Контексты "на входе" (авторы располагаются в алфавите фамилий, а не шифров! Для A в скобках указано, сколько, в том числе, контекстов с пометой *ib.*; для B^1 этих цифр пока нет; вопрос объединения контекстов при этой помете обсуждается):

A – Анн 83 (5), Ахм 191 (2), АБ 255 (24), Ес 108 (8), Куз 310 (35),

ОМ 242 (11), М 539 (22), П 410 (12), Хл 176 (27), Цв 667 (97).

B^1 – Анн 89, Ахм 122, АБ 241, Ес 130, Куз 143,

ОМ 160, М 239, П 303, Хл 275, Цв 545.

Контексты/эвристемах "на выходе" (как сказано, отрезок B^1 был соотнесен с A не по входным контекстам или креатемам, а по выходу эвристам, но не контекстов! Изменения в картинах "лидерства" от выбора иных способов соотнесения данных в альтернативных статистиках едва ли могут стать принципиальными. Но кто знает?):

$$354/182 + 545/182 = 899/364.$$

Их распределение (в скобках указаны цифры "приватизированных" эвристам; это – данные о доле "приватизированных" эвристам в кругу всех "своих" эвристам, т.е. тех, в которые вошли контексты и этого поэта, или только его; авторы указаны в порядке убывания числа "сильных" контекстов):

A – ОМ 58/37 (23), Цв 57/41 (18), Хл 50/41 (29), М 38/36 (22), П 36/32 (12), Ахм 34/26 (9), АБ 32/26 (8), Куз 24/18 (4), Анн 13/12 (3), Ес 12/12 (4).

B^1 – Хл 124/64 (31), Цв 103/53 (13), М 69/45 (12), ОМ 52/36 (10), АБ 46/32 (5), П 44/36 (16), Ахм 34/24 (7), Ес 25/21 (4), Куз 24/18 (6), Анн 24/17 (2).

"Вход" > "выход" (контексты/статьи; знаменатели: креатемы > эвристемах):

A – Хл 176/97 > 50/41, ОМ 242/156 > 58/37, Ахм 191/94 > 34/26, Анн 83/54 > 13/12, АБ 255/89 > 32/26, Ес 108/61 > 12/12, Куз 310/148 > 24/18, П 410/219 > 36/32, Цв 667/228 > 57/41, М – 539/214 > 38/36.

B^1 – Хл 275/91 > 124/64, Цв 545/156 > 103/53, М 239/106 > 69/45, ОМ 160/82 > 52/36, АБ 241/64 > 46/32, П 303/138 > 44/36, Ахм 122/50 > 34/24, Ес 130/57 > 25/21, Анн 89/47 > 24/17, Куз 143/63 > 24/18.

Нисколько не переоценивая достаточность этих и других цифр для того, чтобы уже можно было начать их полнозначный комментарий, обращу все же внимание на два обстоятельства:

1) Хлебников был в своего рода "гамбитной ситуации": среди слов на букву A – сгущения "западных", а известно, что в их использовании он накладывал на себя сильные ограничения.

2) Как-то нейтрализуя возможную собственную "переоценку" значимости и "силы" контекстов Хлебникова, я сознательно ставил его даже в нарочитые "условия дискриминации".

Тем не менее обнаружилось его доминирование почти по всем существенным показателям отбора в эвристемах. При переходе от A к статьям на B показатели Хлебникова скакнули вверх: по контекстам с 0.28 до 0.45, по эвристемам с 0.42 до 0.7.

Ср. показатели Блока:

контексты: A – 0.12 ("средние"), B^1 – 0.19 ("ниже средних");

эвристемах: A – 0.29, B^1 – 0.5 (немного "выше средних").

Сопоставим теперь суммарные показатели Хл и АБ. Они любопытны.

Суммарные авторские доли сохранения (А + Б¹):

- 1) контексты: ХЛ 0.38, ОМ 0.27, Ахм 0.22, Анн 0.21, АБ 0.16,
Ес 0.15, М 0.15, Цв 0.13, П 0.11, Куз 0.11.
- 2) креатемы: Хл 0.56, АБ 0.38, Ахм 0.34, ОМ 0.3, Анн 0.29,
Ес 0.28, М 0.25, Цв 0.24, П 0.19, Куз 0.17.

Ср. общесуммарные (по буквам), т.е. усредненные для всех 10 "наших" поэтов, коэффициенты "стойкости" при отборе:

А – контекстный 0.12, креатем в эвристеми 0.23.

Б¹ – контекстный 0.24, креатем в эвристеми 0.45.

(Не могу пока полно и уверенно объяснить причины этого внезапного и резкого скачка вверх средних цифр при переходе от А к Б.)

Средние коэффициенты "стойкости" всего материала:

контекстный 0.17, креатемно > эвристемный 0.3.

Повторяю, интерпретировать эти цифры рановато. Просто отмечу, что по контекстам Хл обгоняет АБ почти в 2,5 раза. По эвристемам они впереди всех остальных, хотя отрыв Хл от АБ и здесь значителен: в нем почти умещаются цифры эвристеми П! И остается вопрос: далеко ли мы продвинулись по пути понимания сдвига в культуре слова – от парадигмы АБ к парадигме Хл?

"Цитаты дня" нетрудно найти у многих поэтов. Но вот только два контекста Хл – подумайте, как снайперски они попадают сквозь десятилетия в самое яблочко двух трагических ситуаций. С торговым центром 11 сентября и с экипажем "Курска":

И замки мирового торга,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.

и

Морской водой наполнив рот,
Лежат на дне отцы сирот.

* * *

В заключение – некоторое подобие выводов:

1) Было бы поучительно по сопоставимой методике провести "эвристемный анализ" таких источников, как поэзия Пушкина, "Пословицы русского народа" Вл. Даля, стихи А. Белого и его неология (сравнил последнюю с неологией и Хлебникова, и, например, Игоря-дефис-Северянина).

2) Только упомяну вопрос об особом рода идеографии креатем и эвристеми. Он мог бы перерасти в головоломную проблему "идеографической силы" стоящих за ними денотатов. Не образ ли это уже "5-мерного пространства" для языка?! Здесь же возникнет и фоносемантическая проблема алфавита, "идеиной значимости" начальных букв-звуков слова. Но и независимо от этой полунаучной фантастики есть задача превратить "Словарь эвристеми", конечно, со временем, в такой "Словарь культуры", который сопоставлял бы контексты художественного и научного дискурсов, так чтобы опыт Хл резонировал с опытом Чехова и Бора, Тейяра, Сахарова, идеями синергетики и самой широкой эвристики. И т.д. Прогноз сбьит того, чтобы подумать: это было бы все то же 4-е или уже какое-то 6-е "измерение языка"? Заглавие этой статьи – недогматично.

(Не здесь обсуждать и тот "Мирскбнца", при котором "стрела времени", меняя направление, обернется затем у Вехи и "пан-", и "а-хронией", а Сократ, Христос, Шанкара Леонардо или Лейбниц станут для него парадоксальными "последователями (от будущего к прошлому)" как он однажды – почти без комментариев – назвал Пифагора [Григорьев 2000 154, сн. 9] Но ведь и оппозиция "мера/вера" тоже как-то претендует на языковую мерность".)

3) В "Словаре культуры" мы уже предусмотрели помету *Xm* для несогласия с такими идеями, как "Рожденный ползать – летать не может!". Надеюсь, что все *Xm* и *Xm?*, возможные в связи с этой статьей, будут напрямую высказаны.

4) Ряд важнейших для общей эвристики аббревиатур *ОПОЯз*, *МЛК*, *МФШ*, *МЛШ* и др (имею в виду и Хлебникова-*Главадзрасмысла*) был дополнен семиотической *ТЗС*, моделями *СМЫСЛ* ↔ *ТЕКСТ* и *ТЕМА* ↔ *ТЕКСТ*, другими идеями. Вместе с тем непоколебим тезис о слове как основной единице языка. Исследовалось и отношение "Слово – Контекст", но нуждается в экспликации сам концепт контекста. Ее уже начинал нащупывать Е. Л. Гизбург – следовало бы продолжить эту работу и построить что-то вроде модели из четырех компонентов "СЛОВО ↔ КОНТЕКСТ ↔ СМЫСЛ ↔ ЗНАЧИМОСТЬ". (Предложу для нее и аббревиатуру. *СКСЗ*.) Здесь *контекст* и *высказывание* надо будет уже четко различать, поскольку встанут и вопросы такого рода: корректно ли выделение контекстов, скажем, из целостного текста анекдота?

5) Если обсуждение не подорвет предлагаемых идей в самых основах, то "воображаемую филологию" Хлебникова отныне надо будет ценить и как подступы к его Филологии с очень большой буквы – широчайшему охвату концептов культуры. Но я настаиваю и на более сильном тезисе уже *экспрессема* была неким звонком о неполном благополучии в основаниях действующих лингвистической и филологической парадигм. Пришла пора обсуждать их – во всех сплетениях и деталях. Это должно стать самым активным из всех актуальных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьев 1965 – В. П. Григорьев. Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. М., 1965.
- Григорьев 1966 – В. П. Григорьев. О задачах лингвистической поэтики // ИАН СЛЯ 1966 № 6
- Григорьев 1994 – В. П. Григорьев. Самовитое слово и его словарное представление // ИАН СЛЯ 1994 № 4.
- Григорьев 1999 – В. П. Григорьев. В. Хлебников. *Веха, двигава и путь* // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999
- Григорьев 2000 – В. П. Григорьев. Будетлянин М., 2000
- Григорьев 2003а – В. П. Григорьев. Мандельштам и Хлебников, II (1932–1936) // Русский язык в научном освещении. 2003 № 1 (5)
- Григорьев 2003б – В. П. Григорьев. Слова в контекстах русской поэзии XX века (о "Словаре избранных экспрессем") // ИАН СЛЯ 2003 № 3
- Григорьев 2003в – В. П. Григорьев. Велимир Хлебников у входа в контекстную элиту русской поэзии XX века // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века. VIII Международный Хлебниковские чтения. Науч. доклады и сообщ. Ч. I Астрахань, 2003
- Григорьев 2003г – В. П. Григорьев. Культура языка и языковая политика // Общественные науки и современность 2003 № 1
- Григорьев 2004а – В. П. Григорьев. О Хлебникове-художнике (К проблемам лингвистической эстетики) // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004
- Григорьев 2004б – В. П. Григорьев. Крестословица "Хлебников" и несколько не отмеченных в ней сюжетов и смыслов (2004; в печати)
- Григорьев 2004в – В. П. Григорьев. Диалогическая (не)интеллигентность // Общественные науки и современность 2004 № 1
- Григорьев 2004г – В. П. Григорьев. Блок и Хлебников в четырехмерном пространстве языка (заметки к проблеме) // Русский язык. Исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2004

- Григорьев 2004д – В П Григорьев О четырехмерном пространстве языка (Блок и Хлебников. эвристика в парадигмальных экспрессемах) // ИАН СЛЯ 2004. № 4
- Иванов 1988 – Вяч Вс Иванов О воздействии “эстетического эксперимента” Андрея Белого (В Хлебников, В Маяковский, М Цветаева, Б Пастернак) // Андрей Белый Проблемы творчества Статьи, воспоминания, публикации М, 1988
- Левин и др 1974 – Ю И Левин Д М Сегал, Р Д Тименчик, В Н Топоров Т В Цивьян Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian literature. 1974 № 7/8
- Олейник 2004 – А Н Олейник Дефицит общения в науке: институциональное объяснение // Общественные науки и современность 2004 № 1
- Поэт и слово 1973 – Поэт и слово. Опыт словаря М, 1973
- РГАЛИ – РГАЛИ, ф. 527 (В Хлебников), оп 1, ед. хр 9, ед хр 117
- Степанов 1985 – Ю С Степанов В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) М, 1985
- СЯРП 2001–2003 – Словарь языка русской поэзии XX века Т I А–В М, 2001, Т. II Г–Ж. М 2003.
- Coseriu 1971 – E Coseriu Thesen zum Thema “Sprache und Dichtung” // Beitrage zur Textlinguistik/Hrsg von W -D Stempel Munchen, 1971

© 2004 г. Р.З. МУРЯСОВ, А.С. САМИГУЛЛИНА, А.Л. ФЕДОРОВА

ОПЫТ АНАЛИЗА ОЦЕНОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В последнее время наметились тенденции переосмысления сущностных моментов разностатусных оценочных высказываний в контексте когнитивно-прагматического толкования оценки в целом. Характерной чертой данного направления изучения языковой оценки является совмещение теоретических положений, описывающих оценку как "установление ценностного отношения (выраженного в языке) между субъектом и предметом [Ивин 1970: 25] и операций над структурными единицами языкового сознания, которые участвуют в формировании объективных и субъективных оценочных смыслов. Исходя из этого, когнитивно-коммуникативный анализ языковой оценки предполагает достаточно широкомасштабное исследование аксиологических вкраплений в структуре акта номинации, проводимое как в теоретическом, так и в прикладном ключе. Это обусловлено повышенным интересом современной науки к созданию автоматизированных систем управления и манипуляции над человеческим сознанием, которые позволяют вскрыть латентные механизмы кодирования и декодирования информации. При этом представляется, что попытка разработки схематизированного методического основания для когнитивно-коммуникативного анализа языковой оценки может способствовать эффективному и целостному изучению познавательной деятельности человека как представителя определенного национально-культурного сообщества. Объектом нашего исследования послужили высказывания, выражающие упрек (далее: ВВУ) в русском, немецком и английском языках, в структуре которых вычленяется оценочная компонента как валидное основание для их объективного анализа. При этом оценка понимается как синтез восприятия и интерпретации ценностного, морально-этического и объективно-субъективного планов с позиций 'говорящий – интерпретатор-наблюдатель – слушающий'. Введенный нами термин "биооценочный" для описания ВВУ отражает *двунаправленную деятельность* интерпретатора относительно акта номинации в сложившейся коммуникативной ситуации, в результате которой формируется определенная оценочная характеристика в виде одного модального признака или пучка признаков

Исследование оценочных категорий традиционно открывается вычленением структурных компонентов оценки. Общеизвестным фактом является наличие в структуре оценки разноуровневых составляющих, таких, как субъект, предмет, характер, основание [Ивин 1970: 21], модальная рамка, аксиологический предикат [Вольф 1985]. В монографии В. И. Карасика дается более дробное понимание структуры оценки, в которую помимо вышеперечисленных компонентов входят оценочная шкала, оценочный стереотип, оценочные модусы, оценочная мотивировка [Карасик 2002: 231]. Уязвимость данного подхода в том, что сигнификативная нечеткость и имплицативная насыщенность оценочных знаков ведет к необходимости выделения нескольких взаимообусловленных оснований для оценки, подчеркивающих общекультурные, частнокультурные и индивидуальные слои оценочного наполнения высказывания. Кроме того, обязательным условием аксиологической коммуникативной ситуации является наличие, помимо субъекта (адресата) и предмета (объекта) оценки, еще одного ее участника реципиента, выступающего одновременно как получатель и "толкователь" или трактовщик сообщения. Данная схема усложняется, когда речь заходит о биооценочных высказываниях, для которых существенно присутствие интерпретатора-на-

блюдателя со своими целями, ценностями и внутренними мирами, который не является непосредственным участником ситуации. Считаем также важным указать на необходимость дифференциации интерпретатора, обладающего единой с адресатом и реципиентом когнитивной базой [Красных 2001; 2002], и интерпретатора, принадлежащего к другому национально-лингво-культурному сообществу, т.е. речь идет об интерпретаторе по линии 'свой – чужой' (см. схемы № 2а, № 2б).

В нашем случае биоценочные высказывания представляют оценку в трансформированном варианте в виде различных модальных проявлений, которые являются следствием двухэтапного анализа исходного акта номинации, осуществляемого в направлении, во-первых, "адресат – реципиент", во-вторых, "сообщение – интерпретатор". Интересно, что в настоящий момент лингвистика не располагает данными относительно четкого или хотя бы приблизительного разграничения оценки и модальности. В традиционном языкознании отдается предпочтение модальности как понятию более широкому, чем понятие "оценка". Оценка входит в "двухполюсную" зону [Плунгя 2000: 309] модальности как один из ее конститuentов. Об оценке заходит речь лишь в том случае, когда устанавливается отношение говорящего к ситуации или к предмету речи. Применительно к нашему материалу оценкой покрывается большая значимая поверхность, чем модальностью, поскольку модальные оттенки формируются на оценочной базе в процессе интерпретационной деятельности в широком смысле. Таким образом, модальность определяет характер оценки, наполняет ее либо субъективными, либо объективными смыслами. Вместе с тем, сама модальность "оценивается" по двум шкалам 'хорошо – безразлично – плохо', 'объективное – субъективное'. Так, если солнечный диск – это оценка, то его лучи – суть разнообразные модальные проявления, которые характеризуются еще большей динамичностью и подвижностью и функционируют "здесь и сейчас", т.е. в контексте определенной коммуникативной ситуации.

Итак, модальные признаки можно соотнести с периферийной зоной оценочного значения, в то время как цементирующее ядро в структуре оценки видится как объемная трехъярусная конфигурация, представляющая собой наложение следующих шкал 'ценность – нулевая ценность – антиценность', 'хорошо – безразлично – плохо', 'объективное – субъективное' (см. схему № 1).

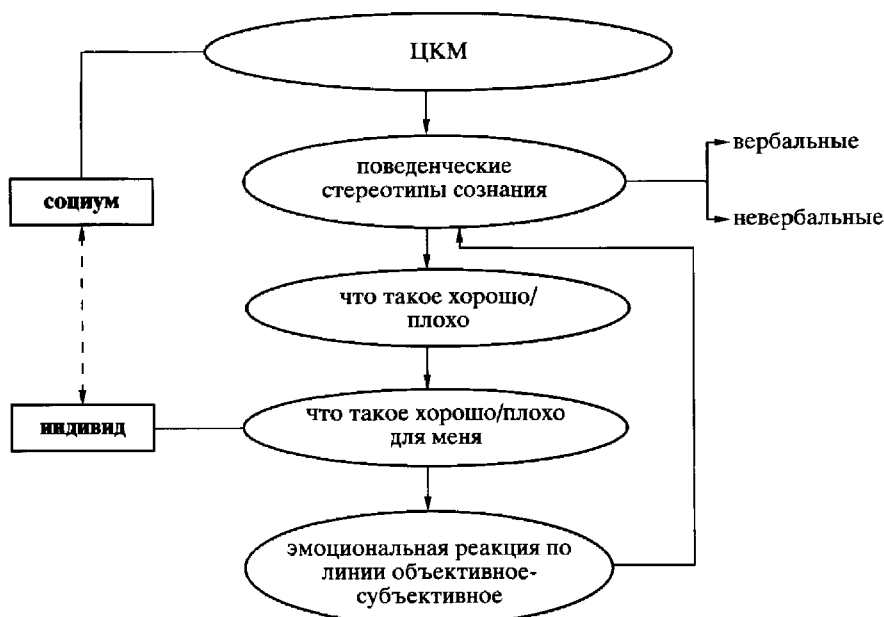

Схема № 1

При анализе практического материала по шкале 'ценность – нулевая ценность – антиценность' представляется важным дать определение ключевому понятию "ценность", поскольку "в аксиологических концепциях и в логике оценок считается первичным концепт ценности, добра..." [Аругюнова 1988: 9]. В самом общем смысле "под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т.д." [Ивин 1970: 25]. Другими словами ценность воспринимается как нечто позитивное и в то же время нормативное или эталонное. Под нормативностью в контексте данного исследования понимается "такое положение вещей, которое должно представляться (или представляется) большинству говорящих как наиболее вероятное в данной конкретной ситуации" [Апресян 1974: 74]. Более широкое определение ценности находим в "Философском словаре", где ценности дефинируются как "специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительные или отрицательные значения для человека и общества (благо, добро и зло, прекрасное и безобразное, заключенные в явлениях общественной жизни и природы)" [ФС 1987: 534]. По отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям. Наряду с предметными ценностями в качестве ценностей выступают также некоторые явления общественного сознания, выражающие интересы субъекта в идеальной форме (понятия добра и зла, идеалы, моральные нормативы и принципы). Данные формы сознания не просто описывают какие-то действительные или воображаемые явления реальности, а выносят им оценку, одобряют или осуждают их, требуют их осуществления или устранения, т.е. являются нормативными по своему характеру. Так, ценность ориентирована на эталон, оценка – результат сравнения с эталоном. Ценности формируют ценностную картину мира (далее: ЦКМ), которая обусловлена особенностями культуры и связана с реконструкцией определенной ценностной подсистемы знаний человека и включает в себя как коллективные, так и индивидуальные ценности. Выявление ценностной компоненты оптимизируется в ходе когнитивного анализа, который снабжает человека корпусом эталонных представлений о материальных и идеальных ценностях.

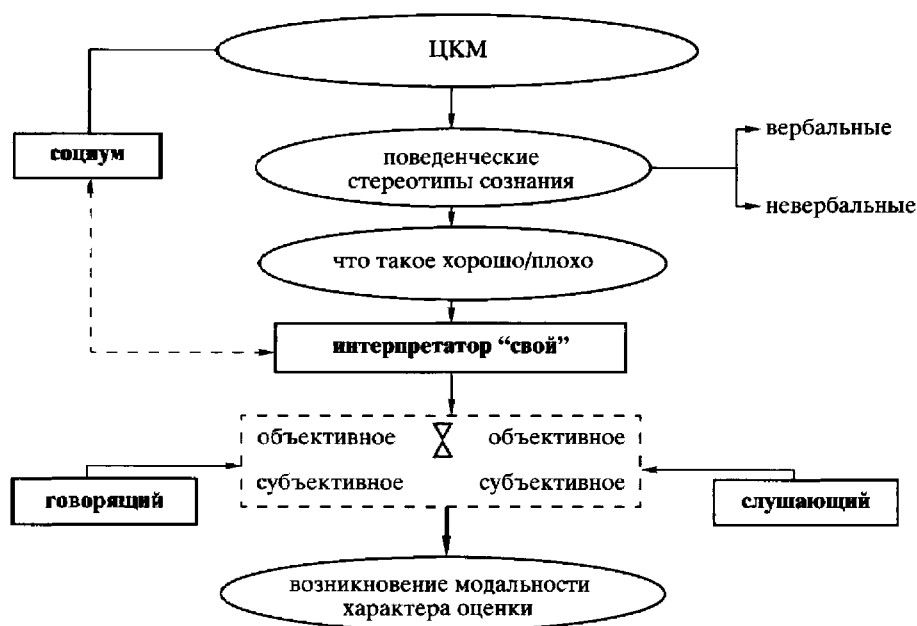

Схема № 2а

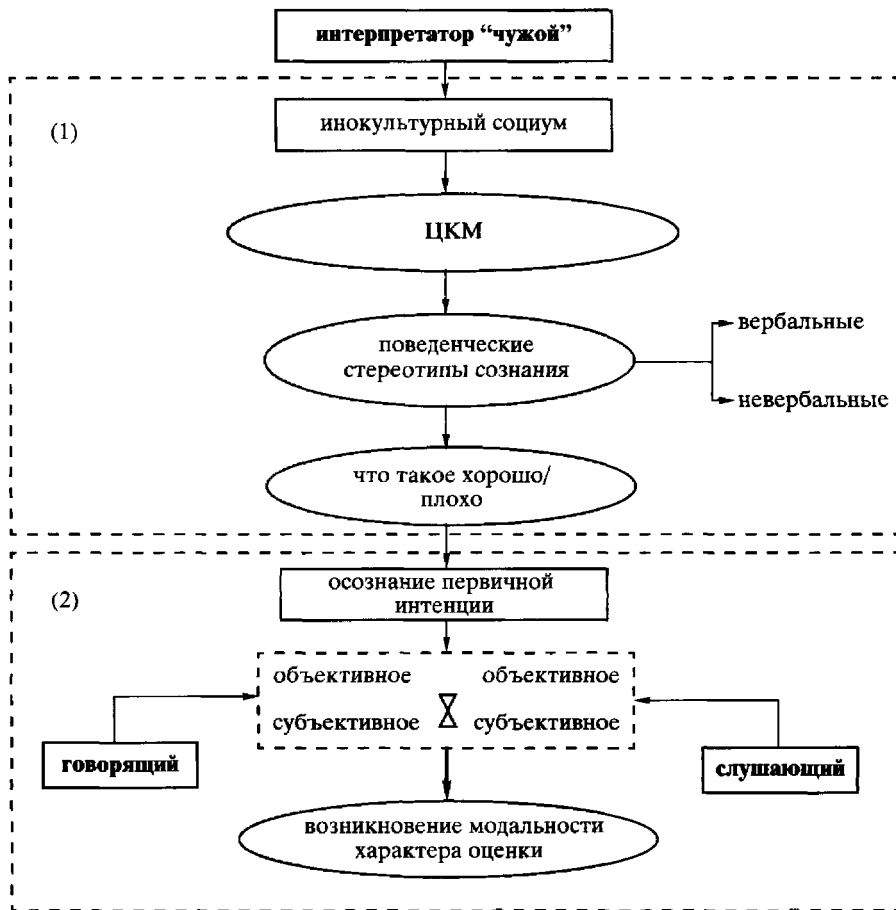

Схема № 26*

Контекстное совмещение приведенных в схемах шкал вызывает в сознании говорящего и слушающего различные поведенческо-коммуникативные стереотипы. Актуализация того или иного центра в зоне совмещения ведет к разработке соответствующей интерпретативной стратегии анализа высказывания. Тем самым, с одной стороны, объясняется "размытость" или неопределенность характера оценки, что восходит еще к философским концепциям оценочной деятельности [Арутюнова 1999], и, с другой стороны, подчеркивается динамика и насыщенность оценочных смыслов в каждой отдельно взятой точке "оценочного напряжения". Данная специфика оценочного сообщения будет проиллюстрирована нами на материале высказываний, носящих характер упрека. При этом упрек понимается как косвенное осуждение, обладающее позитивно-конструктивной наполненностью в силу действия максимы вежливости [НТРТРА 2001: 35] и сокращающее расстояние между коммуникантами по линии "свой –

* Примечание: ∑ означает вариативный характер восприятия слушающим коммуникативного настроения говорящего. При этом интерпретатор-наблюдатель устанавливает двуполусность аксиологической ситуации и закрепляет за ней статус 'субъективное–объективное' при условии достижения коммуникативной цели (далее: КЦ) или 'субъективное–субъективное' в случае провала коммуникации.

чужой" в соответствии с морально-этическими правилами того или иного социума. Вслед за Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым, мы исходим из того, что, по сути, ВВУ настраивают коммуникантов на общеположительную эмоциональную волну и при правильном прочтении оцениваются со знаком плюс по шкале 'хорошо – безразлично – плохо' [Булыгина, Шмелев 1997: 419]. При этом анализ ВВУ осуществляется в трех направлениях, а именно с позиций говорящего, слушающего и интерпретатора-наблюдателя:

говорящий

тон / настрой (эмоциональная оценка) ⇒ **хорошо + субъективно**
стимул (когнитивная оценка) ⇒ **ценность со знаком минус + плохо + объективно** (конвенции в обще- и частнокультурном смысле)
⇒ интенция – упрек.

слушающий

1 этап: распознавание настроения говорящего ⇒ **объективно**
вывод: интенция – упрек
2 этап: выявление степени категоричности
вывод 1: высокая степень категоричности ⇒ большая близость коммуникантов; низкая степень категоричности ⇒ меньшая близость коммуникантов.
вывод 2: неправильная оценка степени категоричности при определенных условиях влечет провал коммуникации.
3 этап: анализ правомерности упрека.
вывод 1: Да, говорящий прав, я поступил **плохо** ⇒ **ценность со знаком плюс.**
вывод 2: Нет, говорящий неправ, я поступил **хорошо** ⇒ **ценность со знаком минус.**
4 этап: соответствующая стратегия коммуникативного поведения.

интерпретатор-наблюдатель

1 этап: анализ высказывания говорящего ⇒ **объективно.**
вывод 1: **субъективное отношение** говорящего к слушающему – **хорошо.**
вывод 2: **субъективное отношение** говорящего к ситуации – **плохо.**
2 этап: распознавание интенции говорящего ⇒ **объективно.**
вывод 1: **ценность со знаком плюс.**
вывод 2: **интенция – упрек.**
этап 3 ... n: соответствующая стратегия, вытекающая из целевой установки.

Итак, каждый из участников коммуникативной ситуации исходит из *субъективного* восприятия биоэночного высказывания, руководствуясь при этом *объективным* знанием, закрепленным в коллективной когнитивной базе. При этом, выражаясь словами А.И. Новикова, "когнитивную задачу решает адресат", в то время как интерпретатор-наблюдатель – "преимущественно коммуникативную" [Новиков 2000: 170]. Упрек – это своего рода "намеки" на позитивный исход негативной ситуации. Оценка со стороны говорящего выносится поведению партнера по коммуникации и сложившейся ситуации упрека, в то время как слушающий оценивает отношение говорящего к коммуникативной ситуации, позицию говорящего по отношению к себе и "выносит вердикт" собственному поведению. Интерпретатор-наблюдатель оценивает высказывание говорящего, отношение говорящий-слушающий, коммуникативную ситуацию с позиции говорящего, слушающего и социума и делает вывод о характере аксиологической ситуации (см. схему № 3). Исходя из многообразия ракурсов восприятия коммуникативной ситуации, шкалы 'ценность – нулевая ценность – антиценность', 'хорошо – безразлично – плохо', 'субъективное – объективное', взаимопересекаясь, сообщают оценочным

смыслам разные векторы движения, которые могут быть одновременно направлены и на говорящего с его личностными установками, целями и мотивами, и на коллективный стереотип восприятия сложившейся коммуникативной ситуации, и на слушающего как непосредственного участника данной ситуации и как носителя коллективной когнитивной базы.

Проведенный нами анализ идеализированного конструкта ВВУ носит преимущественно референциально-прагматический характер, что на данном этапе развития лингвистической науки не может считаться вполне достаточным для полного исследования языковых реалий. Поэтому считаем необходимым увязать представленную модель с когнитивными способами представления знаний, поскольку структура акта номинации, как известно, предполагает как минимум три компонента [Кубрякова 1997: 45]: 1) когнитивная составляющая (результат умственного акта, позиция в ментальном поле говорящего, слушающего и интерпретатора-наблюдателя); 2) коммуникативная составляющая (желание что-то объяснить своему собеседнику, связать свои интенции со знанием адресата, его характеристиками и эмоциями); 3) эмоциональная составляющая (динамика эмоционального напряжения). Так, идеализированная объемная модель ВВУ в когнитивном преломлении представляет собой следующую конфигурацию:

Когнитивная составляющая

Шкала 'ценность – нулевая ценность – антиценность' соотносится с ЦКМ, которая в самом общем смысле представляет собой результат кристаллизации многогранного опыта человека. При этом ценность в нашем понимании ориентирована на поведенческий стереотип со знаком плюс, в то время как антиценность – на стереотип со знаком минус. Сложность выделения ценностной компоненты из когнитивной составляющей языкового знака есть результат стереотипизированного восприятия исследователем языковых фактов в их соотнесенности со знаниями, полученными в процессе практического освоения действительности представителями одного социума. Отсюда проистекает необходимость в рассмотрении объекта исследования как "изнутри", так и "со стороны", т.е. введение интерпретатора-наблюдателя по линии 'свой – чужой' (см. схемы № 2а, № 2б). Еще В. Гумбольдт совершенно справедливо отмечал: "Но как можно в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные отличия которых, с одной стороны, собственно и сформировали этот характер, а с другой стороны, единственно и позволяют полностью его понять?" [Гумбольдт 2000: 67].

Шкала 'хорошо – безразлично – плохо' производна от шкалы 'ценность – нулевая ценность – антиценность' как рациональный итог анализа "удельного веса" ценностной компоненты. В каждой отдельно взятой культуре существуют свои механизмы закрепления за коммуникативными ситуациями ярлыков 'хорошо', 'безразлично', 'плохо'.

Коммуникативная составляющая

Примечательно, что данная компонента долгое время находится под пристальным вниманием известнейших теоретиков лингвистической науки, разработавших методологические основы и понятийный аппарат теории речевых актов и теории референции как в рамках одной культуры, так и в кросс-культурном преломлении (см., например, работы [ССР 1997; Osgood 1990; ST 1980; Searle 1976]). При этом, думается, что собственно модальное оформление высказывания, т.е. экстралингвистическая "надстройка" оценочного "базиса", фигурально выражаясь, так и остается "непойманной жар-птицей".

Шкала 'хорошо – безразлично – плохо' находит средства своей фиксации в языке в виде оценочных маркеров, которые актуализируются при определенных условиях и аксиологически надстраивают пропозициональное содержание высказывания.

Шкала 'объективное – субъективное' подчеркивает отношение участника коммуникации к ситуации общения. Введение человеческого фактора способствует более адекватному представлению процесса и результата познания действительности во всем ее многообразии и идiosинкретичности.

Эмоциональная составляющая

Шкала 'объективное – субъективное' непосредственно относится к степени эмоционального/неэмоционального воздействия на участников коммуникации. Эмоциональный компонент конкретизирует коммуникативную составляющую и либо акцентирует позицию субъекта, либо сводит ее к аксиологическому нулю.

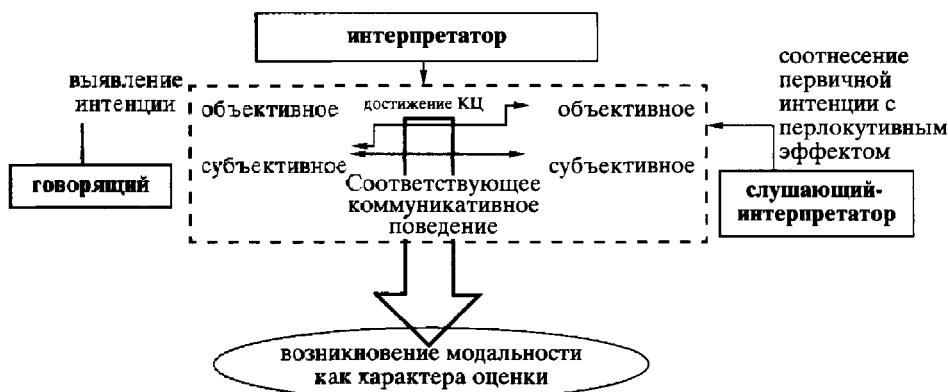

Схема № 3

Эмпирический анализ языковых структур, выражающих упрек, наводит на мысль о необходимости расширительного толкования термина 'высказывание', которое не вписывается в рамки одного или нескольких предложений, а мыслится в контексте коммуникативной ситуации, т.е. оно не ограничено по части языковой выраженности и находит свое логическое завершение в достижении КЦ. Приводимые ниже примеры иллюстрируют данное положение.

Принимая во внимание степень эксплицитности/имплицитности упрека, которая усматривается на разных уровнях языка, начнем с наиболее субъективных или антропоцентричных рефлексов упрека, схваченных знаком дискурса. При этом видимая субъективность нивелируется за счет рассмотрения коммуникативной ситуации упрека на фоне целостного анализа нарратива. Тем самым стратегия интерпретации интенции упрека облегчается обстоятельным представлением ситуации общения. В данной связи показательным примером можно считать текст С. Моэма 'The Luncheon', в котором реализация рассматриваемой интенции когнитивно маркирована.

I saw her at the play and during the interval I went over and sat down beside her. It was long since we had met but she recognized me at once and addressed me in a friendly voice.

'Do you remember the first time I saw you? You asked me to luncheon.' 'Did I remember?' (1)

It was twenty years ago and I was living in Paris. I had a small apartment in the Latin Quarter and I was earning only just enough to keep body and soul together. She had read a book of mine and had written to me about it. In the given letter she asked me whether I would give her a little luncheon. I was too young to say 'no' to a woman.

I was frightened when the menu was brought, for the prices were much higher than I had expected. But she reassured me. 'I never eat more than one thing. A little fish, perhaps. I wonder if they have any salmon.'

I asked the waiter if there was any Yes a beautiful salmon had just come in The waiter asked her if she would have something while it was being cooked

"No", she answered Unless you had a little caviar

My heart sank a little I knew I could not afford caviar, but I could not tell her that For myself I ordered the cheapest dish on the menu and that was a mutton chop Then came the question of drink

I never drink anything for luncheon she said

Neither do I", I answered quickly

Except white wine , she went on as if I had not spoken

What would you like?" I asked her politely

"My doctor won't let me drink anything but champagne"

I ordered half a bottle and said that my doctor had absolutely forbidden me to drink champagne "What are you going to drink, then?"

"Water"

When my mutton chop arrived she began to scold me that I have got a habit of eating a heavy luncheon The waiter came again with the menu

"No, no' she said to him I never eat anything for luncheon Just a bite! – unless they have some of those giant asparagus "

At last she finished

"Coffee?" I said

"Yes just an ice-cream and coffee", she answered

You know, there is one thing I believe in she said as she ate the ice cream 'One should at ways get up from a meal feeling one could eat a little more"

Are you still hungry? (2) I asked with horror

While we were waiting for the coffee, the headwaiter came up to us with a large basket full of peaches

'I've just had a snack and I shall enjoy a peach

When I walked out of the restaurant I had the whole month before me and not a penny in my pocket

"Follow my example she said as we shook hands, "and never eat more than one thing for luncheon"

"I'll do better than that", I answered "I'll eat nothing for dinner to-night (3)

"Humorist!"

I am not a bad man but I have had my revenge at last

To-day she weighs three hundred pounds

Придерживаясь кольцевой стратегии интерпретации концепта 'упрек (терминология В В Красных, ср с концептом текст"), смысловая реализация данной интенции начинается лишь тогда, когда заканчивается описание коммуникативной макроситуации, т е наблюдается инвертированное построение движения векторов развертывания оценочных смыслов При этом кульминационным моментом можно считать ключевую фразу (1) в самом начале повествования Осуществление глобальной интенциональной стратегии автора происходит за счет наличия в структуре макроситуации субкатегорий или микроситуаций, выражающих упрек локального характера (2) (3) Подобная реализация стратегии упрека типична для английского языка, склонного к завуалированному выражению оценочных смыслов, в осторожном преуменьшении значимости ценностной составляющей в языковых структурах в силу действия максимы вежливости Таким образом, структурная организация приведенного текста концептуально пересекается со структурой акта номинации и предполагает как минимум три компонента когнитивная составляющая (осознание интенции упрека), коммуникативная составляющая (стратегия реализации интенции упрека) и эмоциональная составляющая (воздействие или перлокутивный эффект) В данном случае в силу высокой степени имплицитности интенциональных смыслов эмоциональное напряжение при-

обретает концептуально латентное обрамление и является ингерентной частью когнитивной составляющей.

Конечно, было бы неверным утверждать, что текстовая реализация концепта "упрек" не имеет места в русском и немецком языках. Тому есть показательное подтверждение, например, рассказ М.А. Шолохова "Семейный человек", где упрек реализуется по той же схеме и дублируется как в начале, так и в конце произведения, а именно во фразе *Гребостно мне с вами, батя, за одним столом исть*. Классическим примером немецкой литературы служит рассказ Фр. Кафки "Превращение", где интенциональная реализация упрека доведена до крайнего выражения и даже до абсурда и формирует композиционную канву произведения. Итак, биоценочность как таковая свойственна языковым механизмам человеческого сознания и в разной степени эмоционально нагружена

Проанализируем биоценочность на примере более компактных языковых структур или высказываний в традиционном понимании, когнитивная составляющая которых "дефектна", т.е. уходит на второй план, в то время как коммуникативная составляющая определяет характер восприятия данной интенции. Этим, возможно, и объясняется преимущественное рассмотрение ВВУ в русле теории речевых актов.

1) *Ich renne den ganzen Tag hin und her . Du konntest doch wohl einmal aufstehen und dir die Illustrierten holen .* (Loriot)

2) *Und so was halts du seit 19 Jahren vor mir versteckt Das nenne ich Freundschaft!* (Zuckmayer)

3) *Sie sollten jetzt kommen. Sie denken nur an sich.* (Grass)

4) *Haben Sie ein Herz, Frau Kramer?* (Borchert)

5) *Ich kann mich nicht erinnern, daß ich Ihnen erlaubt hatte, hierherzukommen.* (Zuckmayer)

6) *Was redest du nur immer furn Blech. Willste Tante die Freude verderben?* (Grass)

Данные примеры наглядно иллюстрируют наличие в языке специальных грамматических, лексических и собственно семантических маркеров, когнитивных и других помет, указывающих на наличие скрытых оценочных смыслов, ситуативная интерпретация которых обеспечивает возникновение того или иного модального признака. Так, к грамматическим показателям упрека можно отнести сослагательное наклонение (см. примеры 1, 3, 5), модальные глаголы (см. примеры 1, 3, 6), квазивопросы, псевдо-ассерции (см. пример 6 5), лексические маркеры представлены в данных ВВУ частицами, создающими "мир дополнительной скрытой семантики" [Николаева 2000: 92] и динамику эмоционального напряжения (см. примеры 1, 3, 6: *doch, nur*), фреквентативными вкраплениями, которые характеризуют эмоциональное состояние говорящего с точки зрения интенсивности (см. пример 1, 6: *ganz, immer*); когнитивные маркеры, которые актуализируют в сознании говорящего, слушающего и интерпретатора-наблюдателя тот или иной ситуативно значимый концептуальный признак (см. пример 4: концепт "душа" олицетворяет морально-этический стереотип добродетели) и конструкции-клише, отражающие шаблонное восприятие адресатом интенциональных флюид ВВУ (см. пример 2). Характерно, что лексические маркеры не затрагивают сферу знаменательных частей речи и тем самым указывают на косвенное присутствие оценочной компоненты, трансформируемой в ситуативно обусловленные оттенки модальности. Невозможно представить полный перечень языковых помет в силу объема их сигнификативного потенциала, который в каждой конкретной коммуникативной ситуации высвечивает одну из своих концептуально значимых граней.

1) *Иди, Васька! . Пожалей ты меня! . – Ты-то меня жалела? А?* (Шолохов)

2) *Хоть бы людей-то посоветился!. Каки-таки разговоры на прогоне?. Перед бабами стратомно!..* (Шолохов)

- 3) Ты, видно, сердитая, а сердчаешь без толку! Разве от молнии крестом спасаются? Эх ты, а еще в коллективе живешь!.. (Шолохов)
- 4) Аннушка, пожалей! Я ли тебя не кохал? Я ли с тобой не нянчился, будто с малым дитем? Помнишь, бывало, мать родную словом черным обижал, когда зачинала она тебя ругать Аль забыта наша любовь? А я шел из-за границев, одну думку имел тебя увидеть. А ты ... Эх!.. (Шолохов)
- 5) Ты меня и за человека не считаешь? (Шолохов)
- 6) Ты сам меня уговаривал, жалеть сулил! Где же твои посулы? (Шолохов)

В отличие от высказываний, взятых из англо- и немецкоязычных источников, где в первом случае превалирует маркирование когнитивной составляющей номинативного акта, а во втором наиболее четко раскрывается коммуникативный аспект ВВУ, в ВВУ на материале русского языка наблюдается смещение акцентов в сторону эмоциональной компоненты. По справедливому замечанию Т.М. Николаевой, выделяются две противоположные по духу тенденции: "1) стремление быть близким Другому и 2) стремление к некоторому самоуничижению, возвышению Другого..." [Николаева 2001: 226]. Этот так называемый внутренний "порыв" коммуникантов к сокращению межличностного пространства и критическое отношение к собственному поведению чаще всего находят свое воплощение не в сфере рациональных, а в сфере эмоциональных или чувственных импульсов. Данный постулат подтверждается "щедрым" использованием русским языком эмоционально-окрашенных частей речи, а именно междометий и частиц речи, которые, по сути, лишены полноценной смысло-семантической функции и эмоционально заряжают прагматическое наполнение ВВУ. К тому же, в вышеприведенных примерах ярко высвечивается национально-культурный колорит, который прагматически оформляет эмоциональную компоненту. Подобная же тенденция к повышенной эмоциональности у носителей русского языка, по словам С.Г. Тер-Минасовой, "в отличие от знаменитой английской недооценки, недосказанности (understatement), проявляется, как это ни удивительно, и в пунктуации, в первую очередь в употреблении восклицательного знака" [Тер-Минасова 2000: 155] См. примеры 1–4. С одной стороны, структура ВВУ в русском языке отличается более сложной организацией в силу перехода от рационального к эмоциональному представлению действительности. С другой стороны, эмоциональная окраска облегчает выявление первичной интенции, поскольку частично переводит данные высказывания из разряда косвенных в разряд прямых оценочных десигнаций и в большинстве случаев трансформирует интенцию упрека в прямое выражение порицания (см. примеры 3–6). Интересно отметить, что ценностная составляющая ВВУ в русском языке переносит интерпретатора-наблюдателя в морально-этическое измерение (собственно ценностный аспект), где четко прослеживается апелляция к коллективной когнитивной базе носителей русского языка и подчеркивается важность нравственных стереотипов сознания в рамках данной культуры, т.е. сила воздействия биоценочных высказываний русского языка определяется прототипическим присутствием собственно ценностной компоненты в виде этических и эстетических оценок на всех этапах интерпретации подобных явлений. Таким образом, когнитивная, коммуникативная и эмоциональная составляющие акта номинации должны непременно рассматриваться на фоне ЦКМ. Так, русскому языку в целом приписывается эмоциональность эксплицитно-выраженного свойства, которая отличается от характерного для немецкого и английского языков лишь "намек" на эмоциональность с точки зрения интерпретатора по линии "чужой", в то время как интерпретатор по линии "свой" воспринимает подобные высказывания как полноценно эмоциональные, т.е. речь идет лишь об эмоциональности другого свойства, апеллирующей не к собственно морально-этическим максимам, а больше к ценностям не коллективного, а индивидуального происхождения.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что ригористичность анализа биоценочных высказываний в целом заключается в скрытой динамике их когнитивно-коммуникативно-эмоционального наполнения, обуславливающей разнообраз-

ные, порой трудно уловимые переходы от прямой оценки к косвенной и наоборот и нюансирующей интенциональные оттенки высказываний и их модальных смыслов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян* Лексическая семантика (синонимические средства языка) М, 1974
- Арутюнова 1988 – Н.Д. *Арутюнова* Типы языковых значений Оценка Событие Факт М, 1988
- Арутюнова 1999 – Н.Д. *Арутюнова* Язык и мир человека М 1999
- Булыгина Шмелев 1997 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) М 1997
- Вольф 1985 – Е.М. *Вольф* Функциональная семантика оценки М 1985
- Гумбольдт 2000 – В. фон *Гумбольдт* Избранные труды по языкознанию Пер с нем / Общ ред Г.В. Рамшвили, Послесл. А.В. Гульги и В.А. Звегинцева М, 2000
- Ивин 1970 – А.А. *Ивин* Основания логики оценок М 1970
- Карасик 2002 – В.И. *Карасик* Язык социального статуса М 2002
- Красных 2001 – В.В. *Красных* Основы психолингвистики и теории коммуникации М, 2001
- Красных 2002 – В.В. *Красных* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология Курс лекций М 2002
- Кубрякова 1997 – Е.С. *Кубрякова* Части речи с когнитивной точки зрения М, 1997
- Николаева 2000 – Т.М. *Николаева* От звука к тексту М 2000
- Николаева 2001 – Т.М. *Николаева* Металингвистический иконизм и социолингвистическая дистрибуция этикетных речевых стереотипов // Язык и культура Факты и ценности К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв ред Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко М, 2001
- Новиков 2000 – А.И. *Новиков* Извлечение знаний из текста как результат его осмысления // Языковое сознание Содержание и функционирование Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации М, 2000
- НТРИРА 2001 – Направления и тенденции развития теории речевых актов Хрестоматия / Сост., ред и вступ статья Л.А. Азнабаевой Уфа, 2001
- Плунгян 2000 – В.А. *Плунгян* Общая морфология Введение в проблематику Учебное пособие. М, 2000
- Тер Минасова 2000 – С.Г. *Тер Минасова* Язык и межкультурная коммуникация М, 2000
- ФС 1987 – Философский словарь / Под ред И.Т. Фролова М, 1987
- ССР 1997 – Cross-cultural pragmatics Requests and apologies / Ed by Sh Blum-Kulka J House G. Kasper. Norwood (New Jersey), 1997
- Osgood 1990 – Ch E. *Osgood* Probing subjective culture // Language, meaning, and culture // The selected papers of C E Osgood / Ed by C E Osgood, O C S Tzeng New York, London, 1990
- ST 1980 – Speech act theory and pragmatics / Ed by J R Searle, F Kiefer, M Bierwisch Dordrecht, 1980
- Searle 1976 – J. *Searle* Speech acts An essay in the philosophy of language Cambridge (Mass), 1976

© 2004 г. А.Е. МАНЬКОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ*

Исторически объяснять индоевропейский язык мы будем в состоянии только тогда когда будет доказано его родство с другими языковыми семьями, когда таким образом окажется возможным установить системы соответствий и при их помощи составить себе представление о доиндоевропейском периоде" [Мейе 1938 81]

Происхождение индоевропейской категории рода – один из главных и наиболее трудных вопросов, стоящих перед сравнительно-историческим языкознанием. Несмотря на многочисленные исследования, диахроническая структура той трехчленной системы родовых противопоставлений, которая представлена (или была представлена) во всех индоевропейских языках, кроме анатолийских, тохарских и армянского, остается неясной. Трудность заключается прежде всего в том, что в большей части случаев не виден принцип отнесения существительных к тому или иному роду уже в самый ранний период засвидетельствованной истории всех индоевропейских языков род является не только полностью сложившейся, но и десемантизированной категорией. Соответствия между засвидетельствованными формами говорят лишь о праиндоевропейском характере категории рода, но мало проясняют ее диахроническую структуру. Реконструкция формирования категории рода связана с рассмотрением этимологии формантов, которые становятся элементами индоевропейской системы классификационных противопоставлений. Для диахронического изучения рода необходимо также рассмотреть эволюцию плана содержания классифицирующих категорий и установить факторы, определяющие направление этой эволюции. В связи с этим в данной статье рассматриваются следующие основные проблемы:

1) Диахрония плана содержания а) каковы объективные предпосылки именно классификации, б) какие качества определяют восприятие одних предметов как одушевленных, других – как неодушевленных (более или менее очевидные случаи типа лат *rōtus*, -i ж р 'фруктовое дерево' ~ *rōtum*, -ī с р 'древесный плод' немногочисленны), в) в чем заключается телеологическая направленность классификации?

2) Диахрония плана выражения а) как складывается формальное противопоставление имен, отражающее вышеуказанное различие в восприятии, б) как происходит разделение одушевленного класса на мужской и женский род, в) имеет ли это разделение какую-либо семантическую мотивацию?

Поскольку формирование категории рода относится к доисторическому периоду оно должно изучаться путем анализа реконструированных форм. Речь идет о перенесении метода внутренней реконструкции с засвидетельствованных языков на язык незасвидетельствованный, в данном случае праиндоевропейский. Реконструкция развития праязыка и установление в нем относительной хронологии возможно прежде всего потому, что в засвидетельствованных языках отражены явления разных периодов

* Выражаю глубокую благодарность В.А. Дыбо и Вяч. Вс. Иванову, взявшим на себя труд прочитать рукопись статьи и высказать ряд важных замечаний.

истории праязыка, в том числе самых ранних. Однако проблема в том, что глубинная праязыковая реконструкция, как бы логично она ни была построена, всегда остается лишь одной из возможных интерпретаций и требует проверки фактами. Ими в данном случае могут быть только данные внешнего сравнения¹. Приводимые нами данные внешнего сравнения основаны на ностратической реконструкции в ее наиболее обобщенном и убедительном виде, а именно, на работах В. М. Иллич-Свитыча

* * *

Несмотря на непредсказуемость и десемантизованность выбора показателей именительного падежа ед. ч., само различие в маркировании этой позиции не может возникнуть немотивированно. Оно может быть связано с каким-то существовавшим ранее различием в восприятии денотатов. Существенно, что показатель прямого объекта и одушевленных и неодушевленных имен совпадает с показателем неодушевленного субъекта *-m. Это совпадение показывает, что признак одушевленности реализуется только тогда, когда предмет является субъектом. В случае, если он занимает положение объекта, его одушевленность иррелевантна. Очевидно, однако, что два случая употребления аффикса *-m весьма различны. Дифференциация субъекта и объекта обусловлена различием положений предметов относительно друг друга (такую дифференциацию именных форм можно назвать относительной). Дифференциация субъектов обусловлена наличием/отсутствием у денотата некоторого признака или качества (т. е. является классификационной дифференциацией).

¹ Не следует считать, что обращение к внешнему, неиндоевропейскому, материалу в целях объяснения индоевропейских фактов является объяснением неизвестного через еще более неизвестное. Скептическое отношение к опытам внешнего сравнения связано, по-видимому, с недооценкой возможностей метода “ступенчатой (или поэтапной) реконструкции”. Эта недооценка является следствием представления о реконструированных праязыковых формах как об условной абстракции, при которой неизбежно отвлечение от языковой реальности и пренебрежение фактами, чем глубже реконструкция, тем выше степень “абстракции” и тем значительнее потеря информации. Однако при последовательном применении сравнительно-исторического метода никакой потери информации нет, лингвистическая реконструкция, основанная на сравнительно-историческом методе, – это единственный способ установления диахронической структуры элементов языка [Дыбо 1994: 43-44]. В этом смысле “реконструкция более содержательна и информативна, чем отдельный языковой факт” [Дыбо 2003: 75, 77]. Хронологическое углубление реконструкции при строгом соблюдении сравнительно-исторического метода само по себе не ведет к потере информации. Если какое-либо явление (например, категория рода) не может быть объяснено на синхронном уровне, в том числе праязыковом, следует углублять реконструкцию и давать диахроническую интерпретацию реконструированным праязыковым фактам, основываясь на внешнем сравнении. Единственное препятствие, возникающее перед лингвистической реконструкцией, – это невозможность обнаружить какие-либо допускающие соотношения элементы: в этом случае нет материала для сравнения и реконструкции. Существование соотносимых элементов в лексике, словообразовании и словоизменении шести языковых семей Евразии, в том числе индоевропейской, было убедительно интерпретировано как свидетельство генетического тождества этих элементов и, следовательно, родства данных языковых семей [Иллич-Свитыч 1971–1984]. В результате появилась та возможность “составить себе представление о доиндоевропейском периоде”, которую предвидел А. Мейе. Необходимо отметить, что если в начале XX в. еще можно было ограничивать задачу исторического языкознания изучением “последовательного развития от общеиндоевропейского к каждому данному языку” [Мейе 1938: 78], то уже в 30-е годы осознается необходимость изучения предистории самого праиндоевропейского языка [Бенвенист 1955: 25], который следует рассматривать “не как собрание неизменных символических знаков, а как язык в его становлении, раскрывающий в своих формах такое же разнообразие происхождения и хронологии, как и у любого исторически засвидетельствованного языка”, как язык “хотя и восстановленный, но допускающий, тем не менее генетический анализ” [Там же: 26]. Таким образом, возникновение в 60-е гг. ностратики, одной из задач которой является диахронический анализ праязыков, было подготовлено всем предшествующим развитием сравнительно-исторического языкознания.

Очевидно, что восприятие предметов как “одушевленных” (“активных”) и “неодушевленных” (“инактивных”) образуется не произвольно, не а priori. Оно складывается в ходе эмпирического познания, как следствие опыта наблюдения за предметом. Реализация признаков активности ~ инактивности зависит от положения предмета при совершающемся действии. Активность проявляется в случае, когда предмет оказывает какое-либо воздействие на другой предмет, т.е. когда он выступает субъектом активного действия. Следовательно, восприятие предметов как активных обусловлено их способностью оказывать какое-либо воздействие на другой предмет. Активность реализуется тогда, когда предмет занимает позицию субъекта воздействия (т.е. активного действия). Восприятие предметов как инактивных обусловлено их неспособностью оказывать какое-либо воздействие на другой предмет и, следовательно, неспособностью занимать позицию субъекта активного действия. Из этого следует, что в зависимости от способности занимать положение субъекта активного действия, все множество предметов делится на два класса. Первый класс составляют предметы, могущие одинаково часто быть и субъектами, и объектами активного действия. Вторым классом составляют предметы, не могущие быть субъектами активного действия. Выделение этих двух классов предметов связано с наличием двух типов действий: 1) действия, представляющие собой то или иное воздействие на предмет (активные действия) и 2) действия, не являющиеся воздействием на предмет (инактивные действия). Активное действие не только распространяется на предмет, но и является воздействием на него. Инактивное действие также может распространяться на предмет, но оно не является при этом воздействием. (Ср., например, *человек кладет камень, камень убивает человека, молния зажигает дерево* – активные действия, *человек сохраняет мужество, древесина сохраняет твердость* – инактивные действия с объектом; *человек лежит, древесина лежит* – инактивные действия без объекта.) Итак, различие активных и инактивных действий проявляется в наличии прямого объекта у первых и его отсутствии у вторых. Активное действие, являясь по своей природе воздействием, естественно подразумевает предмет, испытывающий это действие. Инактивное действие чаще всего не является направленным на предмет, в случае наличия этой направленности, предмет не испытывает какого-либо воздействия. При глаголе, обозначающем активное действие, имена предметов 1-го класса могут одинаково часто быть и субъектами, и объектами; имена предметов 2-го класса могут занимать только позицию объекта. В принципе, любой предмет 1-го класса, в силу своей способности быть производителем активного действия, может быть воспринят как одушевленный, а действие, совершаемое им, – как разумное и целенаправленное. Вероятно, именно такое восприятие предметов характеризовало ту эпоху, когда возникла классификационная дифференциация существительных.

Без установления причины восприятия одних предметов одушевленными, других неодушевленными, анализ лингвистических категорий, с которыми диахронически связана категория рода, неизбежно был бы поверхностным. Установление этой причины, в свою очередь, связано с реконструкцией некоторых аспектов протокультуры. Ни в коей мере не разделяя взгляд на доступный реконструкции праязык как на источник информации о “первобытном мышлении”, мы, тем не менее, не исключаем возможности использования данных лингвистической реконструкции для восстановления определенных аспектов мировосприятия. В данном случае лингвистический материал должен дополняться материалом мифологии, поскольку мифология являлась тем способом мыслительного освоения действительности, который был свойствен праиндоевропейской эпохе. В основе мифологии лежит приписывание природе общинно-родовых отношений и, таким образом, одушевление природы. Эта особенность мировосприятия, которую А.Ф. Лосев определяет как космологический соматизм [Лосев 1988: 191], основана на отсутствии сознательного установления в материальности ее объективной абстрактной структуры [Лосев 1989: 8]. Следовательно, и во всяком отдельно взятом предмете не выявлялась его специфическая структура, предметы воспринимались недискретно, в них внутреннее не отделялось от внешнего (степень этой недис-

кретности уменьшалась с развитием общинно-родового строя). Представление о предметах и отношении к ним определялись не аналитическим распознаванием их объективных свойств, а биопсихологическими реакциями [Лосев 1996: 59]. Из этого следует делать вывод о том, что любое изменение или действие, внешне соотнесенное с материальностью предмета, воспринималось одновременно как прямое выражение его смысловой сущности. Таким образом, предметам приписываются свойства и качества, объективно им не принадлежащие. Например, причины таких действий, как падение со скалы камня или удар молнии, помещаются в сами эти предметы. Любое активное действие, производимое предметом, кажется целенаправленным, а сам предмет представляется разумным и одушевленным и этими качествами подобным человеку. Одушевление в данном случае представляет собой не метафору, а является отношением к вещи как к одушевленной, живой в буквальном смысле. Это основано на восприятии и объяснении внешних явлений, связанных с предметами, как непосредственного выражения их собственной смысловой сущности. Такое отношение к действительности является основной особенностью мифологического мировосприятия, сохраняющейся во все периоды общинно-родового строя, включая и тот, к которому хронологически относится индоевропейский праязык.

Итак, решение первой проблемы, поставленной в данной статье, кратко формулируется следующим образом:

а) объективной предпосылкой именной классификации является наличие двух классов предметов: 1-й класс – предметы, могущие быть и субъектом, и объектом активного действия, 2-й класс – предметы, не могущие быть субъектом активного действия,

б) восприятие предмета как одушевленного определяется его способностью быть субъектом активного действия; восприятие предмета как неодушевленного определяется его неспособностью быть субъектом активного действия;

в) приписывание признаков одушевленности ~ неодушевленности является средством объяснения причины действий и изменений, связанных с предметами: так, активные действия воспринимаются и объясняются как следствие одушевленности предмета.

Рассмотрим теперь, как осуществлялась классификационная дифференциация именных форм.

Поскольку предмет 1-го класса в зависимости от своего положения воспринимается по-разному – либо с осуществленным, либо с неосуществленным признаком одушевленности – это различие в восприятии требует дифференциации соответствующих именных форм. Имя 1-го класса должно иметь две различные формы – субъектную (отражающую положение предмета, в котором проявляется одушевленность) и объектную (отражающую положение предмета, в котором он испытывает действие, т.е. когда его собственная одушевленность иррелевантна). Иначе обстоит дело с именами 2-го класса. Поскольку неодушевленные предметы не могут занимать положение субъекта активного действия, всегда являясь при этом действия объектами, у имен 2-го класса имеется только одна форма. Ввиду невозможности для имен 2-го класса оппозиции “субъект ~ объект” при активном глаголе, эти имена не имеют соответствующего маркирования. Иначе говоря, форма имен 2-го класса не маркируется специально как объектная. Что касается инактивного действия, то его носителем может быть и одушевленный, и неодушевленный предмет; поэтому способность занимать положение субъекта инактивного действия не является выражением одушевленности или неодушевленности; следовательно, позиция субъекта инактивного действия специально не маркируется (ср. [Филлмор 1999: 206–207]).

На первый взгляд, изложенные соображения ведут к некоторому противоречию. Сказано, что в позиции прямого объекта признак одушевленности снимается; соответственно, имя 1-го класса формально приравнивается здесь к именам 2-го класса. А поскольку у имен 2-го класса нет форманта прямого объекта, его, следовательно, не могут иметь и имена 1-го класса. Что касается позиции субъекта, то при активном действии он всегда является одушевленным и не требует поэтому специального маркирования; при

инактивном действии признаки одушевленности ~ неодушевленности иррелевантны. Следовательно, и в этой позиции у имен нет соответствующего форманта.

С другой стороны, говорится, что имена 1-го класса должны иметь две различные формы – субъектную и объектную. Но если ни одна из позиций, занимаемых именем, не нуждается в маркировании, как появляются эти формы? Ответ на этот вопрос будет предложен далее, после анализа некоторых ностратических словообразовательных и словоизменительных аффиксов. Прежде чем приступить к этому анализу, еще раз отметим, что хотя те позиции, которые может занимать имя 1-го класса, сами по себе не нуждаются в специальном маркировании, предмет, обозначенный этим именем, в зависимости от своего положения воспринимается по-разному. В положении субъекта активного действия он всегда (имманентно) активен, в положении прямого объекта – всегда инактивен. Именно это различие, проявляющееся в названных позициях, и требует морфологического выражения. Тем самым, позиция субъекта активного действия маркируется как позиция, в которой проявляется одушевленность; точно так же, позиция прямого объекта маркируется как позиция, в которой признак одушевленности снимается.

Обращаясь к материалу индоевропейских языков, мы видим два типа имен: имеющие разные аффиксы в позициях субъекта и прямого объекта (*-s resp. *-m) и имеющие один и тот же аффикс в этих позициях (*-∅, *-m). Поскольку неодушевленность оправданно реконструируется как семантическая доминанта имен на *-∅ и *-m, есть все основания предполагать, что эти имена были обозначениями предметов, не могущих быть субъектами активного действия (имена 2-го класса); в то же время, имена на *-s являлись обозначениями предметов, могущих занимать эту позицию (имена 1-го класса). Имена 1-го класса закономерно приобретают в позиции прямого объекта аффикс имен 2-го класса *-m. Исходя из совпадения формы прямого объекта у имен 1-го класса с формой имен 2-го класса, можно заключить, что если у первых *-m представляет собой словоизменительный аффикс, у вторых он генетически не является таковым. Как говорилось выше, у объектной формы имен 2-го класса нет особого маркирования; в качестве субъекта инактивного глагола эти имена также не маркируются, поскольку эта позиция не является позицией проявления признаков одушевленности ~ неодушевленности. Следовательно, имена 2-го класса характеризуются нулевой флексией и в субъекте, и в прямом объекте. Закономерным поэтому будет предположение, что и.е. *-m является по происхождению словообразовательным аффиксом неодушевленных имен. Его использование в качестве показателя прямого объекта у одушевленных имен является выражением снятия признака одушевленности в данной позиции. Здесь встает вопрос об этимологии и.е. *-m, который не может быть решен на основании одного индоевропейского материала.

Согласно В.М. Иллич-Свитычу, и.е. *-m восходит к праностратическому показателю маркированного прямого объекта *-mA [Иллич-Свитыч 1971–1984, т. II: 48–51 (№ 285)], который, однако, характеризовал не все имена: его имели по преимуществу обозначения одушевленных предметов. Имена неодушевленных предметов в позиции прямого объекта характеризовались нулевым аффиксом (в частности, судя по данным дравидийских языков; ср. также индоевропейские гетероклитические существительные и и-основы ср. р.). Поскольку позиция прямого объекта характеризуется снятием признака одушевленности, имена 1-го класса должны оформляться в этой позиции так же, как имена 2-го класса. Однако мы сталкиваемся с несовпадением их аффиксов: *-mA – у одушевленных и *-∅ у неодушевленных имен. Мы подошли к тому противоречию, о котором говорилось выше. Оно может быть разрешено путем установления этимологии праностр. *-mA.

Наличие *-mA в позиции снятия признака одушевленности у имен 1-го класса свидетельствует о какой-то связи этого форманта с неодушевленными именами. Мы предполагаем, что первичное назначение праностр. *-mA – словообразовательное. Генетически это именной суффикс, развившийся из праностр. *mA, форманта в относительных конструкциях с именной функцией; см. об этом [Иллич-Свитыч 1971–1984, т. II:

45–48 (№ 284)]. Существенно, что из реконструированных именных словообразовательных аффиксов именно **-mA*, судя по рефлексам, отличался наибольшей универсальностью и широтой значения; следует предполагать, что **-mA* был наиболее частотным суффиксом неодушевленных имен. Вследствие необходимости формальной дифференциации позиций релевантности ~ иррелевантности признака одушевленности, имена 1-го класса приобретают в позиции прямого объекта (т.е. в позиции иррелевантности признака одушевленности) аффикс **-mA > *-m*, характеризующий производные имена 2-го класса. Распространение **-mA* на одушевленные имена обусловлено приравниванием одушевленных имен к неодушевленным в позиции прямого объекта. Таким образом, аффикс **-mA* начинает использоваться в словоизменительной функции показателя прямого объекта (в позиции субъекта в праностратическом сохраняется нулевой аффикс). Возникают два парадигматических класса имен: к 1-му относятся имена, употребляющиеся и в субъекте, и в прямом объекте и имеющие разные аффиксы в этих положениях; ко 2-му относятся имена, не употребляющиеся в субъекте активного глагола, а в прямом объекте имеющие нулевой аффикс. Существенно, что форманты, посредством которых осуществляется относительная дифференциация имен 1-го класса, являются одновременно показателями релевантности ~ иррелевантности признака одушевленности: относительная дифференциация совмещается с классификационной.

Очевидно, что существенным моментом в приведенном построении является гипотеза о первоначально суффиксальном характере **-m* в неодушевленном классе. Следует учитывать, что В.М. Иллч-Свитыч не усматривал связи между и.-е. **-m* как показателем неодушевленного класса и суффиксом **-mA*. Тем не менее, в пользу предположения о первоначально суффиксальном характере **-m* в неодушевленном классе свидетельствуют данные, приведенные в [Хелимский 2000]. Е.А. Хелимский предполагает, что **-m* в среднем роде генетически является суффиксом *nomina abstracta*, который возводится к клитике **mA*. В его статье приводится материал самодийских языков, сохраняющих данную клитику в ее древнейшей функции [Хелимский 2000: 471]. Приводится также пример этимологического тождества собирательных форм с **mA* в славянском и селькупском [Там же: 472].

Необходимо отметить одну деталь, затрудняющую интерпретацию индоевропейских существительных ср. р. с **-m* и форм с **-mA* (подобных селькупским) как полностью тождественных на синхронном уровне. Дело в том, что и.-е. **-m* является словоизменительным аффиксом, в отличие от форм, аналогичных селькупской, где **-mA* выступает как словообразовательный элемент. Мы, однако, предполагаем, что функционирование **-m* в качестве окончания является поздней индоевропейской инновацией, вызванной появлением окончания **-s* у одушевленных имен в им. п., в результате чего **-m* было осмыслено как окончание им. п. ед. ч. неодушевленного класса (т.е. произошло переразложение основы, при котором **-m*, являвшееся суффиксом, стало окончанием: **med-j-o-m-∅* (с нулевым окончанием) > **med-j-o-m* (с окончанием **-m*) > рус. -водье в мелководье); подробнее об этом процессе см. ниже.

Таким образом, для праностратического реконструируется следующая глубинная структура:

Схема 1

	V_{act}	V_{inact}
S	$N_1 - *-∅$	$N_1 - *-∅, N_2 - *-∅$
O+	$N_1 - *-mA, N_2 - *-∅$	-

В схеме показаны аффиксы, которые имена имеют в позициях субъекта и прямого объекта при глаголе (позиция прямого объекта при неактивном глаголе невозможна). S символизирует позицию субъекта, O+ – маркированного прямого объекта, V_{act} – ак-

тивный глагол, V_{inact} – инактивный глагол, N_1 – имя 1-го класса (одушевленное), N_2 – имя 2-го класса (неодушевленное).

Как видно, глубинную структуру подобного типа следует описывать посредством схемы 103 у Филлмора [Филлмор 1999: 206].

Рассмотрим теперь, как глубинная структура праностратического языка преобразовывалась в праиндоевропейском.

Исходное праиндоевропейское новшество – это маркирование имен 1-го класса в позиции субъекта активного глагола аффиксом $*-s$ (о возможной связи этого аффикса с основой указательного местоимения м. и ж. р. $*s$ - см., например [Уленбек 1950: 101]). Маркирование обусловлено тем, что в позиции субъекта активного действия проявляется одушевленность денотата, – это противопоставляет данную позицию как прямому объекту, где одушевленность (т.е. способность активно действовать) утрачивается, так и субъекту инактивного действия, где признаки одушевленности ~ неодушевленности иррелевантны. Для раннего праиндоевропейского восстанавливается следующая глубинная структура (ср. схему 106 у Филлмора [Филлмор 1999: 207]):

Схема 2

	V_{act}	V_{inact}
S	$N_1 - *-s$	$N_1 - *-Ø, N_2 - *-Ø$
O	$N_1 - *-m, N_2 - *-Ø$	–

Преобразование праностратической структуры относительной дифференциации имен повлекло значительную перестройку именной парадигматики. Преобразованиям подверглась парадигма тех имен, которые могли занимать позицию субъекта активного глагола и характеризовались здесь окончанием $*-s$. Эта позиция характеризовалась в праностратическом нулевым показателем, следовательно, и.-е. $*-s$ присоединялось к чистой основе. Присоединение этого окончания было четким указанием границы основы (о тематических гласных см. ниже). Вследствие этого основа названных имен не могла при словоизменении распространяться элементами, отсутствующими в основе падежа субъекта активного глагола. Окончания косвенных падежей должны были присоединяться к той же основе, к какой присоединялось окончание прямого падежа. Действие этого морфотактического правила привело к исчезновению элементов предшествующей словоизменительной системы. Прежде всего, исчез праностратический показатель косвенной формы $*-n$ [Иллич-Свитыч 1971–1984, т. II: 78–81 (№ 314)]; см. ниже о гетероклитическом склонении. В праиндоевропейском показателем родительного падежа (падежа, непосредственно отражающего древнюю косвенную форму) становится $*-s$. Это окончание этимологически отождествляется с окончанием падежа субъекта активного глагола [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 277]: будучи показателем одушевленного субъекта, окончание $*-s$ должно было характеризовать и определяющие слова в атрибутивных синтагмах; в тех синтагмах, которые выражали принадлежность, форма определяющего слова становится формой притяжательного родительного падежа.

Изменения произошли и во множественном числе. Аффикс $*-s$, маркируя позицию проявления признака одушевленности, присоединялся к именам и в единственном, и во множественном числе, т.е. выражал только граммему субъекта активного глагола и не указывал на число. Для отличия единственного числа от множественного использовался элемент $*-e-$, выступавший тем самым показателем множественности: и.-е. $*ped-s$ ‘нога’ ~ $*ped-e-s$ ‘ноги’. Мы предполагаем, что возникновение $*-e-$ как показателя мн. ч. одушевленных имен было обусловлено наличием имен с аффиксом $*-o-$, восходящим к праностратическому словообразовательному аффиксу отглагольных имен $*-za$ [Иллич-Свитыч 1971–1984, т. I: 258 (№ 122)]. Аффикс $*-o-$ и в праиндоевро-

пейском использовался для образования имен от глаголов (ср др.-греч. *λόγος* 'слово' к *λέγω* 'говорю'). Именно под влиянием имен с суффиксальным *-o- (< праностр. *-la), элемент *-o- распространяется на бессуффиксные ("корневые") имена, становясь показателем единственного числа. "Тематизация" имен не была завершена в праиндоевропейском: противопоставление нулевого показателя в ед. ч. и показателя -e- во мн. ч. отражено в существительных корневого склонения, имеющих окончание *-s в им. п. ед. ч. и *-es в им. п. мн. ч.

Наличие показателя *-s во мн. ч. указывает на особое значение этой формы: она выражает множество, в котором денотаты сохраняют признак одушевленности, т.е. множество отдельных единиц. В праиндоевропейском имелся еще один показатель множественности, *N₂, отраженный как *-ā/ā в им. п. мн. ч. имен ср. р. [Мейе 1938: 305-330]. То, что форма им. п. мн. ч. ср. р. согласуется с глаголом в ед. ч. (например, в древнегреческом) свидетельствует о первоначальном – собирательном – значении этой формы. В данном случае указывается не на множество отдельных предметов, а на целое, образуемое множеством. Формант *-N₂ был парадигматическим элементом, выражавшим собирательность, и использовался наряду с формантом раздельной множественности *e-s. Существенно, что возможность присоединения *-N₂ не зависела от типа имени: его могли иметь имена как 1-го, так и 2-го класса. На наличие *-N₂ у имен 1-го класса указывают случаи двойкости мн. ч. ср. лат. *loci* 'места, местность' и *loci* 'отдельные места' к *locus* 'место'. Поскольку при нераздельной множественности признак одушевленности иррелевантен, имя с формантом *-N₂ не допускало присоединения окончания *-s и не могло сочетаться с активным глаголом. Под влиянием формы раздельной множественности формант *-N₂ осложняется элементом *-e: *-N₂ → *-e-N₂. Этот процесс, сходный с тематизацией, не был завершён в праиндоевропейском, вследствие чего в одних языках закрепился вариант *-N₂ (> *-ā), в других *-e-N₂ (> *-ā): ср. др.-греч. ζυγοί, лат. *juga*, отражающие *-N₂ и ст.-слав. и҃га, др.-англ. *geosi*, отражающие *-e-N₂.

И в праностратическом, и в раннем праиндоевропейском морфологическое выражение одушевленности и неодушевленности является позиционно обусловленным, т.е. связано с противопоставлением позиций, занимаемых именем в предложении: форманты, посредством которых осуществляется относительная дифференциация (т.е. форманты падежей) являются одновременно показателями одушевленности ~ неодушевленности. В более позднем праиндоевропейском выражение одушевленности перестает быть связано только с субъектом активного глагола. Формант одушевленности *-s переносится и на ту позицию, где этот признак ранее был иррелевантным, а именно, на позицию субъекта инактивного глагола. Установление различного маркирования имен в одном и том же положении (положении субъекта инактивного глагола) выражает независимость признака одушевленности от позиции. Это явление свидетельствует о том, что одушевленность начинает восприниматься как имманентный признак предмета. В неодушевленных именах, образованных посредством суффикса *-m (праностр. *-ma), это *-m перестает быть суффиксом и превращается в окончание. Это обусловлено появлением окончания *-s у одушевленных имен в позиции субъекта инактивного глагола. И -e *-s и *-m становятся показателями классов *-s: выражает граммы субъекта (и активного, и инактивного глагола) и одушевленности; *-m выражает граммы субъекта инактивного глагола, прямого объекта и неодушевленности. Глубинная структура этого периода изображена в схеме

Схема 3

	V _{act}	V _{inact}
S	N ₁ - *s	N ₁ - *-s, N ₂ - *-∅, *-m
O	N ₁ - *m, N ₂ - *-∅, *-m	-

Аффикс **-m* в субъекте инактивного глагола характеризовал не все неодушевленные имена Нулевой показатель в этой позиции сохраняется у неодушевленных имен с *i-* и *и-* основами, а также у тех неодушевленных имен, которые в прапраностратическом и в раннем праиндоевропейском были непроезными именами 2-го класса – точнее, не были образованы с помощью **-m(A)* Последние, наряду с нулевым показателем в им и вин падежах, сохраняют рефлекс прапраностратического форманта косвенного падежа **-n* [Иллич-Свитыч 1971–1984, т II 78–81 (№ 314)], который утрачивает свое значение, отходит к основе и не вычленяется как словоизменительный аффикс, показателем родительного падежа становится **-s* Наличие *-n-* в основе косвенных падежей образует гетероклизию Список гетероклитических существительных см., например, в [Бенвенист 1955 27–46], им же была показана вторичность элементов **-r* и **-i* в словах этого типа [Там же 47–55, 215–218]

Что касается имен одушевленного класса, то они утратили **-n* в косвенных падежах еще в период предшествующей глубинной структуры Чем обусловлено сохранение **-n-*, пусть и в измененном качестве, у гетероклитических существительных? Здесь действует та морфотактическая закономерность, о которой говорилось выше все падежные показатели должны были присоединяться к той основе, к какой присоединялись показатели прямого падежа в ед ч Те неодушевленные имена, которые не были образованы с помощью **-m(A)*, имели нулевой показатель в прямом падеже ед ч и, следовательно, допускали сохранение *-n-* в косвенных падежах (появление *-i* в им п ряда слов гетероклитического склонения вызвано, по-видимому, контаминацией с *i-*основными именами неодушевленного класса) В синхронии оказывается, что прямая и косвенная форма этих имен образуется от разных основ Итак, благодаря внешнему сравнению гетероклитическое склонение предстает в реальной диахронической перспективе за собранием форм, “заимствованных из самых разных систем, объединенных позднее и зачастую без должной связи” [Бенвенист 1955 218], видится один четко определенный морфологический тип К гетероклитическому склонению относятся те неодушевленные имена, которые в прапраностратическом были именами 2-го класса, образованными без суффикса **-m(A)*

Приходят изменения и в системе форм мн ч Неодушевленные существительные имели только одну форму мн ч – собирательную на **-(e-)H₂* Формы раздельного мн ч у этих существительных не было Вследствие отсутствия оппозиции раздельного ~ нераздельного мн ч, **-(e-)H₂* у неодушевленных имен утрачивает свое особое, собирательное, значение и становится показателем мн ч, нейтральным в отношении раздельности ~ собирательности Это способствует исчезновению грамматической категории раздельности ~ собирательности

Имелось определенное количество существительных, употреблявшихся в форме только нераздельной множественности (*collectiva tantum*), например, **H₁kw-e-H₂* (лат *aqua*, гот *ahwa*, рус *Ока*) Сюда же относились имена с отвлеченным значением, развившимся на основе значения нераздельной множественности (лат *fuga* ‘бег’, гот *giba* ‘дар’) После того, как аффикс **-(e-)H₂* перестал быть показателем собирательности, статус этих существительных изменился С одной стороны, их форма перестала указывать на собирательность, с другой стороны, специфика денотатов препятствовала восприятию их формы как формы множественного числа Вследствие этого, данная группа существительных образовала отдельный парадигматический класс, особенностью которого стало окончание **-(e-)H₂ > *-ā/ā* в им п ед ч² Удобнее всего пояснить

² Первоначально такие существительные имели форму собирательного мн ч при отвлеченном значении (*collectiva tantum > abstracta*) Впоследствии с утратой формантом **-ā/-a* специально собирательного значения, их форма стала формой ед ч В германских языках имеются случаи, когда отвлеченное существительное используется в форме только мн ч имея рефлекс форманта **-ā* Ср новоисл *hrifc* р (мн) ‘восторг’ *ahrifc* р (мн) ‘влияние (образовано к *hrifa* 1 ‘выхватывать, действовать на кого-л производить впечатление, увлекать’) Это свидетельствует, что отвлеченные имена на **-a* наряду с переходом в ж р ед ч могли сохраняться и образовываться в форме мн ч ср р (первоначально форма нераздельной множественности)

это на примере и.-е. $*H_1kw(e)-H_2$ Первоначально это была форма *collectiva tantum* со значением 'нераздельная совокупность вод', "составляющая", например, реку. Новая функция аффикса $*(e)-H_2$ как показателя мн ч стала противоречить сущности денотата здесь важно не множество элементов само по себе, а целое, создаваемое множеством. В итоге данная форма стала единственным числом с окончанием $*-a$, где собирательность уже не выражена морфологически, а лишь в большей или меньшей степени коннотируется лексическим значением³

После утраты аффиксом $*(e)-H_2$ собирательного значения у одушевленных имен оказалось два показателя мн ч. – $*-e-s$ и $*(e)-H_2$. Очевидно, что второе окончание было здесь малопригодно имя с $*-H_2$ могло сочетаться только с неактивным глаголом в ед ч, что не соответствовало функции одушевленных имен В большинстве случаев во мн ч закреплялась $*-e-s$ Но иногда мн ч на $*-H_2$ сохранялось – это было обусловлено значительным различием значений прежних форм собирательности и раздельности (ср. значения 'местность' и 'отдельные места') Аффикс $*(e)-H_2$, присоединяясь к основам одушевленных имен, приобрел совершенно новое значение, став показателем женского рода Разделение имен одушевленного класса на два парадигматических типа (т е на два рода) знаменует возникновение новой именной категории – категории рода (*genus*) В плане содержания грамматическая категория рода связана на данном этапе с приписыванием денотатам мужского или женского пола Таким образом, данная категория является морфологической реализацией понятия пола (*sexus*) Это понятие является естественным развитием понятия об одушевленности До разделения одушевленного класса на две парадигмы формант $*-s$ характеризовал обозначения денотатов и мужского, и женского пола, т е пол денотата грамматически не выражался (ср др.-греч. *λατρ, παρθενος, ποις*) При возникновении категории рода $*-s$ становится показателем м р, что отражается в существовании пар типа *ὀδελφος ~ αδελφή*. Имена ж р объединяются по своей форме с существительными *collectiva tantum* на $-ā/ā$

Такое существительное одушевленного класса, как и-е $*bherH_1g'o-s$ 'береза' могло иметь две формы множественности $*bherH_1g'-e-s$ и $*bherH_1g'-e-H_2$ Впоследствии $*bherH_1g'-e-s$ закрепилось как мн ч. ($\rightarrow *bherH_1g'o-es > *bherH_1g'-ōs$), а $*bherH_1g'-e-H_2$ стало формой ед ч ж р. к $*bherH_1g'os$ В исторических языках обобщен либо м р, либо ж р. ср. др.-инд. *bhūrjáh* м р. (< и.-е. $*bhrH_1g'os$), лит. *bėržas* м р (< и-е $*bherH_1g'os$) и др.-исланд. *bjork* ж. р., рус. *береза* ж. р (< $*bherH_1g'ā$)

Возникновение двух разновидностей одушевленного класса было последним важным событием эпохи семантически мотивированной классификационной дифференциации. Далее происходит десемантизация именных классов, обусловленная глубокими изменениями в мировосприятии человека Эти изменения были следствием разрушения дорефлективной мифологии, в основе которой лежало восприятие объективно неодушевленных предметов как способных действовать самостоятельно и целенаправленно. Действия, соотнесенные с материальностью вещи, постепенно перестали восприниматься как непосредственно обусловленные сущностью самих этих вещей Представление об одушевленности и неодушевленности делалось излишним, поскольку активные действия уже не мыслились выражением одушевленности предмета. Соответственно, стирались принципы отнесения существительных к тому или иному

³ Ср значения лат. *aqua* – вода, воды, море, озеро, река, дождь, воды, источники, слезы' и гот. *ahwa* – 'вода, воды' в контексте 'когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его' (Лк 6:48) В следующем стихе в совершенно аналогичном контексте используется слово *floodus* "дом, когда наперла на него вода, тотчас обрушился" (Лк 6:49) Таким образом греч. *τοποτις* переводится и как *ahwa*, и как *floodus*, однако *ahwa* использовалось, вероятно, только тогда, когда речь шла о речных водах, а не о реке как географическом объекте В скандинавских языках это слово полностью утрачивает собирательное значение и используется только как обозначение реки исл. *a, -r* ж. р. 'река', швед. *å, -n, -ar* 'река' (средней величины)

классу Принадлежность к парадигматическим классам перестала быть семантически мотивированной. Это значит, что форманты *-s, *-ǎ/ā и *-m, *-Ø перестали выражать грамме́мы одушевленности и неодушевленности и стали чисто парадигматическими элементами – показателями падежей. В позиции субъекта активного глагола оказались возможны имена на -m, точно так же, -m в позиции прямого объекта уже не указывал на утрату признака одушевленности. Именные классы, утратив семантическую мотивированность, продолжают, однако, противопоставляться формально, что и создает деление на исторические роды. Вследствие десемантизации именных классов форманты *-(o)s и *-ǎ/ā перестали быть показателями пола у обозначений (объективно) неодушевленных денотатов. В этом случае род перестал соотноситься с полом. В последующие эпохи соотносительность неодушевленных предметов с мужским или женским полом может быть обусловлена различными поверьями, особыми для каждой культуры, а также поэтическим олицетворением. Более или менее регулярная соотносительность рода с полом ограничивается только обозначениями одушевленных денотатов.

Итак, решение второй проблемы, поставленной в данной статье, кратко формулируется следующим образом

а) отправной точкой развития именной классифицирующей категории, представленной в индоевропейских языках, является возникновение двух парадигматических классов существительных в праностратическом существительных, употребляющихся и в субъекте, и в прямом объекте, и имеющих разные показатели в этих позициях, существительных, не употребляющихся в субъекте активного глагола, а в прямом объекте имеющих нулевой показатель,

б) разделение одушевленного класса на две парадигмы в праиндоевропейском вызвано исчезновением грамматической категории раздельного ~ собирательного мн ч и использованием показателя, выражавшего собирательность, в качестве форманта женского пола, показатель, выражавший одушевленность (недифференцированную в отношении пола), становится показателем мужского пола,

в) замена двучленной системы именных классов на трехчленную обусловлена приписыванием тем денотатам, которые мыслятся одушевленными, мужского или женского пола, таким образом, новая система явилась грамматической реализацией понятия пола.

Некоторые дополнительные особенности формирования классификационной дифференциации существительных могут быть прослежены в связи с историей *i*-основ. В истории существительных с суффиксом *-*i*- мы выделяем следующие этапы (см также [Гамкрелидзе, Иванов 1984 284–285])

I Вследствие превращения формы нераздельной множественности в форму ж. р., в праиндоевропейском возникают имена с *-*i* (< *-*i*-*H*₂) в им п ед ч. Форма активного субъекта (с *-*i*-s) становится формой субъекта м р

II Существительные м р на *-*i*-s, обозначающие лиц мужского пола и те предметы, которые мыслятся носителями мужского начала, тематизируются под влиянием более многочисленных имен на *-o-s. Точно так же, существительные ж р на *i* переходят в *ā*-склонение. Возникают склонения на *joliyo* и на *jālijā*. Значение 'относящийся, принадлежащий кому-л /чему-л', свойственное основам на *-*i*- [Гамкрелидзе, Иванов 1984. 284], может быть прослежено у существительных на *-*jo*- и *-*jā*-, являющихся, как мы предполагаем, следствием преобразования древних *i*-основ ср ст-слав *доуша* (**dūxjā*) к *доухъ*, др-исл *Ægir* м р, *ia*-основа, имя морского божества (< прагерм **ēgw-ij-az* [Noreen 1923 § 317 3a] из *i*-основы **ēgw-ī*-) и др-исл *eu* ж р, *jō*-основа, 'остров' (< прасканд **aij-u* < прагерм **agw-ij-ō* из *i*-основы **agw-ī*-) к прагерм **ahwō* 'вода'⁴, др-исл *fyrvar* м р, *a*-основа (мн), др-англ *fīras* м р, *a*-основа (мн) 'му-

⁴ Исчезновение **g* в *eu* и его сохранение в *Ægir* объясняется тем, что второе слово было образовано после прекращения действия той закономерности, по которой прагерм **g* исчезало перед **w*

жн', 'die zur Welt, zum Leben gehöngen' [Kluge 1926 § 7] (прагерм. *fergw-ij-ōz из *fergw-ī'-) к гот. *fairhwus* м р., и-основа 'мир'. Переход *ī*-основ ж р. в *ā*-склонение, начавшийся в праиндоевропейском, не был завершен Старыми *ī*-основами, сохраняющими исконную форму им п. т. е. **ī*, а не **j-ā/-ij-ā*) являются, например, др.-инд *dēvī* 'богиня', гот. *fiwi* 'служанка'

III В связи с появлением особой формы ж. р., старые обозначения лиц и существ женского пола должны были сменить показатель недифференцированной одушевленности **ī-s* (ставший формантом м. р.) на **-ī*; в противном случае возникало противоречие между родом и полом. Сохранилось, однако, несколько существительных ж. р. с **ī-s* в им. п. ед. ч.: это тип др.-инд *vr̥kīh* 'волчица'. Можно предположить, что сохранению им. п. ж. р. на **ī-s* способствовал полный переход *ī*-основ м. р. в *o*-склонение, что исключало омонимию с **ī-s* как показателем м. р. в связи с тематизацией **ī*- в м. р. (**ī-s* > *(i)j-o-s) элемент **ī-s* сохранился как показатель только ж. р. Итак, возникновение двух разновидностей *ī*-основ (т. е. *vr̥kīh* и *dēvī*) обусловлено разделением праиндоевропейского одушевленного класса на мужской и женский роды. Древние одушевленные имена на **ī-s*, обозначавшие лиц и животных женского пола, оказались под одновременным влиянием двух морфологических типов – *ī*-основ ж. р. с **ī* в им. п. ед. ч. с одной стороны, и *ā*-основ, с другой. Вследствие этого существительные ж. р. с **ī-s* либо меняли этот формант на **ī* (посредством чего устранялось противоречие между полом и родом), либо приобретали формант **ā*. Очевидно, что масштаб этих двух явлений совершенно различен. Поскольку в целом *ī*-основы сильно уступали в количестве *ā*- и *o*-основам, переход *ī*-основ в *ā*- и *o*-склонение был более массовым, чем взаимодействие двух типов *ī*-основ. Сохранившиеся существительные с **ī-s* согласовывались с прилагательными и местоимениями женского рода, что было обусловлено их значением.

Судьба *ī*-основ в историческую эпоху определяется как унаследованными праиндоевропейскими закономерностями, так и нововведениями, присущими тому или иному языку. Рассмотрим, как *ī*-основы изменялись в германских языках⁵. Насколько известно, единственное слово, имеющее полное внешнее соответствие – это др.-исл. *ylgr* = вед. *vr̥kīh* [Семеренья 1980: 204]. В готском языке имеются только существительные типа *dēvī*, тип *vr̥kīh* не засвидетельствован (в исландском, наоборот, не засвидетельствован тип *dēvī*; он заменен *jō*-склонением). Исландским существительным *mœr*, *fiŕ*, *heiðr* и т.п. (тип *vr̥kīh*) соответствуют в готском *mawi*, *fiwi*, *haiŕi* (тип *dēvī*). Отсюда следует, что прагерм. **ī-s* в им. п. ед. ч. (засвидетельствованное в исландском) было вытеснено в готском окончанием **ī*. Гот. *mawi* и другие слова этой группы имеют в им. п. ед. ч. именно **ī* (сократившееся в исходе слова), а не **ī-s* или **ijō*, т. к. такая форма, как **magwīs*, дала бы в готском **maweis* (как *nēmeis* 2 л. ед. ч. опатива претерита к *niman*), а **magwījō* – **mauja* (как *dōnja* 1 л. ед. ч. индикатива презенса к *dōmjan*).

Итак, *ī*-основы типа *vr̥kīh* лучше всего представлены в древнеисландском, где сохранены отражения основных особенностей этого склонения **ī-s* в им. п. ед. ч. (которое дает др.-исл. *-r* с *ī*-умлаутом, вызванным синкопированным *i*) и окситонное ударение (о месте ударения свидетельствует др.-исл. *ylgr* < прагерм. **wulgwī's* 'волчица' при *ulfr* 'волк' < **wulf*/_h*az*). Ср. такие существительные с *ī*-основами, как *mœr* 'девушка' (< **mœR* < **māz* < **mauz* < **mawiz* < **māgwiz* < прагерм. **magwī's*), род. ед. *meujar* (**maujōz* < прагерм. **magwījōz*), и *fiŕ* 'служанка' (< **fiR* < **fiuz* < **fi'wiz* < прагерм. *fiwī's*), род. ед. *fiŕjar* (< **fiujōz*)⁶.

⁵ Следует учитывать, что собственно *ī*-основами в исторических германских языках могут считаться лишь те (преимущественно долгосложные) основы, которые имеют в им. п. ед. ч. аффиксы восходящие к и-е **ī-s* (др.-исл. *ylgr*) или **-i* (гот. *mawi*). В грамматиках они именуются *iō*-основами.

⁶ Варианты *meu* и *fiu* возникают под влиянием основ косвенных падежей *meu-*, *fiu*. Таким образом, *fiu* так же соотносится с *fiŕ*, как *meu* с *mœr*.

Существенно, что древнее окончание им. п. ед. ч. **-i//-is* сохранилось только у долгосложных основ (единственное исключение – гот. *fiwi*, др.-исл. *fir*). Краткосложные основы имеют окончания *ō*-основ (например, гот. *brakja, sibja*, др.-исл. *Frigg* (прагерм. **frij-j-ō*), *Sif* (**seb-j-ō*)).

Таким образом, индоевропейские особенности *i*-основ хорошо отражены в германских языках. С одной стороны, видно колебание между **-is* и **-i*, причем исконным является, естественно, **-is*. С другой стороны, *i*-основы вообще исчезают как морфологический тип, переходя в *ō*-склонение. Следует предположить, что в *ō*-склонение переходили прежде всего существительные с **-i* (т. е. ж. р. типа *dēvi*). То, что это преимущественно краткосложные основы, обусловлено, по-видимому, случайным преобладанием в этом типе в прагерманском именно краткосложников. Точно так же, среди существительных на **-is* в прагерманском преобладали, по-видимому, долгосложные основы.

* * *

Рассмотрев диахроническую структуру именной классификации, дадим относительную хронологию тех реконструированных явлений, последовательность которых составляет предысторию трехчленной категории рода исторических индоевропейских языков:

ПРАНОСТРАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

1) Возникновение именных форм с относительной частицей **mA*, которая присоединялась и энклитически, и проклитически

2) В тех праностратических диалектах, где частица **mA* была энклитикой (алтайский, уральский, дравидийский, индоевропейский), происходит ее распространение на имена 1-го класса (т. е. имена, употреблявшиеся в субъекте активного глагола) в позиции прямого объекта; в этой позиции **mA* используется как словоизменительный аффикс

ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕРИОД

3) Маркирование имен 1-го класса в позиции субъекта активного глагола аффиксом **-s* (< указательное местоимение). В атрибутивных синтагмах, где определяемым является имя 1-го класса, **-s* присоединяется к основе определяющего слова; исчезновение **-n* как показателя род. п. у имен 1-го класса. У имен 2-го класса (т. е. тех, которые не могли быть субъектами активного глагола) **-n* отходит к основе, а окончанием род. п. становится **-s*.

Превращение словообразовательного аффикса **-o-* (< праностр. **-ʔa*) в показатель единственного числа; в качестве показателя множественности используется **-e-*. Распространение **-e-* на формы нераздельной множественности.

4) Распространение **-s* на имена 1-го класса в позиции субъекта инактивного глагола: **-s* и **-m* становятся показателями классов. Возникает двучленная классифицирующая категория, выражающая приписываемую денотатам одушевленность ~ неодушевленность. В атрибутивных синтагмах, где определяемым является неодушевленное имя на **-m*, показатель класса **-m* присоединяется к основе определяющего слова. Исчезновение **-n* как показателя род. п. у неодушевленных имен на **-m*.

Распространение **-o-* (показатель ед. ч.) на имена 2-го класса. Отсутствие категории раздельной множественности у инактивных имен влечет превращение **-ā/-a* в окончании мн. ч., нейтральное в отношении раздельности ~ собирательности. Вследствие превращения **-ā/-a* в окончание мн. ч., форма существительных, использовавшихся только в форме нераздельной множественности, начинает противоречить их значению и осмысливается как особая форма ед. ч. на **-ā/-a*.

Превращение формы нераздельной множественности одушевленных имен в форму ж р.; *-s становится показателем м р. двучленная именная классификация заменяется трехчленной.

5) Десемантизация именных классов. Поскольку различное маркирование имен в одних и тех же позициях (прежде всего, в субъекте) становится десемантизированным, оно не может быть устойчивым. В историческую эпоху происходят колебания в роде, выравнивание и разрушение парадигм, что может способствовать исчезновению самой грамматической категории рода

В заключение предложим следующие определения:

Именной класс в индоевропейских языках – это такая группа существительных, принадлежность которых к единому словоизменительному типу обусловлена их значением. Основанием для выделения именных классов является наличие семантической мотивации в принадлежности существительных к тому или иному типу склонения.

Категория рода в реконструированном праиндоевропейском – это морфологическое выражение приписываемого денотатам пола. С диахронической точки зрения роды исторических индоевропейских языков являются десемантизированными именными классами

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист 1955 – Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
- Гамкрелидзе Иванов 1984 – Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Дыбо 1994 – В. А. Дыбо. Язык – Этнос – Археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Язык. Культура. Этнос. М., 1994.
- Дыбо 2003 – В. А. Дыбо. Язык – Этнос – Археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Тез. докл. международной научной конференции. М., 2003.
- Иллич-Свитыч 1971–1984 – В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Т. I М., 1971, Т. II М. 1976, Т. III М., 1984
- Лосев 1988 – А. Ф. Лосев. Философия античности в целом и в частности // А. Ф. Лосев. Дерзание духа. М., 1988.
- Лосев 1989 – А. Ф. Лосев. История античной философии в конспективном изложении. М., 1989.
- Лосев 1996 – А. Ф. Лосев. Мифология греков и римлян. М., 1996.
- Мейе 1938 – А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Семереньи 1980 – О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Уленбек 1950 – Х. К. Уленбек. Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
- Филлмор 1999 – Ч. Филлмор. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. М., 1999
- Хелимский 2000 – Е. А. Хелимский. Ностратические компоненты показателя собирательности: славянско-самодийская аналогия // Е. А. Хелимский. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Kluge 1926 – F. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 3. Aufl. Halle, 1926
- Noreen 1923 – A. Noreen. Altislandische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urnordischen. 4. Aufl. Halle, 1923.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2004 г. В.М. АЛПАТОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А.И. СМИРНИЦКОГО
(К 50-летию со дня смерти)

Жизненная и научная судьба Александра Ивановича Смирницкого (1903–1954) была не очень счастливой. Он умер после тяжелой болезни в 51 год, при жизни опубликовал немного. В списке трудов [Смирницкая 2000: 132–135] прижизненных публикаций лишь около тридцати пяти, причем более половины из них приходится на последние годы жизни (1950–1954). Из них лишь две большие книги (не считая переводов): хрестоматия по истории английского языка и подготовленный под руководством Смирницкого русско-английский словарь. Только накануне смерти вышла первая в его жизни научная монография "Объективность существования языка" объемом всего в 33 страницы.

Конечно, надо учитывать объективную ситуацию в нашей стране в те годы. По сравнению со многими другими лингвистами Смирницкий находился не в самом худшем положении: он не арестовывался, не терял работу, его сочинения специально не запрещались. Но с публикациями работ по истории языка и германистике в 20-е и 30-е годы было очень сложно. «Те, кто не примкнул к стану последователей Н.Я. Марра, перешли на писание "в стол" и на устное слово. Научные доклады и лекции ценились как основная форма самовыражения и долго помнились» [Смирницкая 2000: 34]. Смирницкий, безусловно, был блестящим лектором, а его ученики отмечают импровизационный характер его лекций [Смирницкая 2000: 127]. Однако он все же не был ученым чисто устного склада, как, например, Ф. де Соссюр, чей знаменитый "Курс" основан на импровизациях у доски, записанных студентами (писать в это время Соссюр почти не мог). Это показывает деятельность Смирницкого в последние годы жизни, когда после известных выступлений Сталина по языкознанию эта наука вдруг стала приоритетной, и появилась возможность публиковаться. За короткое время ученый написал ряд важных работ, но тяжелая болезнь и смерть прервали его деятельность.

Помимо чисто внешних препятствий были и сложности, относящиеся к самой науке. По усвоенным со студенческих лет принципам Смирницкий, несомненно, принадлежал к Московской школе; характерна его неоднократная критика идей Л.В. Щербы при отсутствии прямой полемики с московскими языковедами (редкое исключение – так называемый спор о буженине с Г.О. Винокуром). Среди его учителей были такие хранители традиций Ф.Ф. Фортунатова, как В.К. Поржезинский и М.Н. Петерсон. Со студенческих или аспирантских лет он был хорошо знаком с принадлежавшими к тому же поколению и прошедшими ту же школу П.С. Кузнецовым, А.А. Реформатским, Р.И. Аванесовым и другими ведущими представителями Московской фонологической школы. Например, Кузнецов в своих недавно впервые опубликованных воспоминаниях

упоминает о том, как на квартире Смирницкого они пытались организовать лингвистический кружок и вели беседы на различные темы" [Воспоминания 2003: 191–192].

Однако полного взаимопонимания у них не получилось. А.А. Реформатский, знавший Смирницкого еще с гимназических лет, в своей итоговой работе делает акцент на научных расхождении между ним и своей школой. В одном месте он пишет о "частичном взаимопонимании" со Смирницким [Реформатский 1970: 27], а в другом, полемизируя с Ленинградской школой, указывает «Для нас, "москвичей", гораздо интереснее те разногласия, которые были у нас с С.И. Бернштейном и А.И. Смирницким, о чем будет сказано ниже» [Реформатский 1970: 12]. Последнее обещание, однако, остается невыполненным: если разногласия с Бернштейном ниже обсуждаются, то полемика со Смирницким дается лишь по единственному вопросу: резко критикуется его "пресловутый" термин "звуковая оболочка" [Реформатский 1970: 56]. Действительно, подход Александра Ивановича к фонологии имел особенности, о чем будет сказано ниже.

Но различия были и в другом. Почти все крупные московские лингвисты поколения Смирницкого, имевшие, как и он, интерес к вопросам теории, были по своей специализации русистами и фонологами. Смирницкий же еще со студенческих лет выбрал германистику, специальность, остававшуюся вне круга интересов тогдашней московской лингвистики. В Москве до Смирницкого лингвистов-германистов по существу не было. Не было таких устойчивых традиций, которые уже были в русистике и славистике. Но и в целом в поколении Смирницкого германистов, обладавших интересом к теории языка, было очень немного. При этом одни из них (М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсон) выступили в данной области с позиций "нового учения о языке"; сотрудничество с ними не могло сложиться; другие заявили о себе в лингвистике лишь в 50-е гг. (М.И. Стеблин-Каменский). Столь интересный теоретик, как И.Е. Аничков, после тюрьмы и ссылки очень мало печатался, его главные труды опубликованы лишь совсем недавно [Аничков 1997]. К тому же никто из них не работал тогда в Москве. Независимость А.И. Смирницкого как германиста и теоретика языка обрекала его в известной степени на научное одиночество.

В те годы главным полигоном разработки лингвистических методов была фонология. Лишь В.Н. Сидоров в начале 30-х гг. и П.С. Кузнецов – уже в 50-е гг. – обращались к теории грамматики. Наиболее общие вопросы (язык и речь, структура языкового знака и пр.) в целом мало интересовали Московскую школу, представители которой если и затрагивали их, то скорее по необходимости (скажем, Реформатский в начальной части своего учебника). Этим Московская школа отличалась от школы Бодуэна де Куртене (Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов). А Смирницкий, не избегая проблем фонологии, все-таки постоянно шел дальше. И, безусловно, наибольший резонанс его идеи (помимо германистики) вызывали именно в области общей теории языка и теории грамматики.

Если среди коллег позиция Смирницкого оставалась обособленной, то она нашла признание в младшем поколении лингвистов. Благодаря преданным ученикам (нельзя здесь не упомянуть В.В. Пассека) наследие Смирницкого было сохранено в очень значительной части. Его посмертные публикации по объему далеко превосходят прижизненные. В 1955–1965 гг. пять лекционных курсов ученого по английскому языку были изданы в виде монографий [Смирницкий 1955а, 1956; 1957; 1958; 1965]. При этом в книгах содержится и его общетеоретическая концепция, отчасти известная из его публикаций последних лет жизни. В какой-то степени ситуация с публикацией работ Смирницкого повторила историю издания "Курса" Ф. де Соссюра, также составленного после смерти автора на основе его лекций.

В целом прижизненные и посмертные издания ученого дают возможность представить его разработанную теоретическую концепцию как единую систему, охватывающую как общую теорию языка, так и ряд центральных проблем синхронической и диахронической лингвистики. Смирницкий, безусловно, принадлежал к ученым теоретического склада. Как было отмечено С.Б. Бернштейном на чтениях, посвященных его памяти (1 июня 1954 г.), ' по самой природе своего дарования А.И. Смирницкий не мог

ограничиться изучением какого-либо частного вопроса. В каждой области его, прежде всего, интересовали основные методологические проблемы"; цитируется по [Медникова 1968: 26].

Отметим и большой интерес ученого к вопросам лингвистической терминологии. Он не мог принять подход Н.Я. Марра и его последователей, которые работали "без сколько-нибудь систематического анализа языкового материала и без какой-либо методики доказательства", что препятствовало "развитию действительно научного изложения лингвистических проблем и выработке необходимой терминологии". "Поэтому теперь особенно важно, в частности, отнестись с должным вниманием и к лингвистическому словоупотреблению, пришедшему в запущенное состояние за годы господства марровцев с их аракчеевским режимом" [Смирницкий 1954б: 10]. В работах последних лет Смирницкий много внимания уделял разработке и упорядочению лингвистических терминов, эта его деятельность оказала заметное влияние на отечественное языкознание.

Такое внимание – черта лингвистики именно XX века. Как и другие советские ученые его времени, Смирницкий никогда не относил себя к лингвистическому структурализму. Однако, безусловно, его деятельность находилась в русле общего развития мировой лингвистики после появления "Курса" Ф.де Соссюра. Это проявилось и в "удивительной, поистине математической строгости и четкости его лингвистического мышления" [Медникова 1968: 10], выделявшей его среди современников в советской науке. Это проявилось и в том, что, начиная как компаративист и историк языка, он именно в этой своей работе нашел импульс для углубленного изучения современных языков. А ведь еще в 1929 г., по свидетельству П.С. Кузнецова, «и в университете, и в аспирантуре "русским языком" считались история и диалектология его», а как строить курс "Современный русский язык", никто не представлял [Воспоминания 2003: 199]. "Неотрывность синхронии от диахронии" (при необходимости их строгого различения) была для Смирницкого исследовательским принципом, наиболее полно реализованным в последних его работах.

Он писал по этому поводу: «Язык определенной эпохи – это язык существующий и развивающийся во времени, т. е. заключающий в себя момент диахронии; сделать "поперечный разрез языка", не имеющий протяженности во времени, в принципе невозможно.... Поэтому также и синхроническое изучение единиц языка (в частности, лексических единиц) должно неизбежно проводиться во времени. При этом одни явления должны выделяться как развивающиеся, продуктивные, другие – как отмирающие или окаменевающие, третьи – как относительно стабильные, но все же все они должны быть так или иначе отнесены к развитию языка во времени, т.е. к его диахроническому аспекту» [Смирницкий 1956: 9]. То есть, во-первых, синхронию и диахронию надо различать, и правомерно как синхроническое, так и диахроническое исследование. Во-вторых, синхронию нельзя отрывать от диахронии, поскольку последняя присутствует в любом синхронном состоянии. Такая точка зрения восходила (если отвлечься от использования введенных Соссюром терминов) не столько к Соссюру, сколько к И.А. Бодуэну де Куртене, и была свойственна многим отечественным ученым поколения Смирницкого, например, Г.О. Винокуру [Винокур 1941]. Близкий взгляд был и у Р. Якобсона и других пражцев. Для этих ученых существовала синхрония как состояние языка, но не ахрония.

Если проблема синхронии и диахронии решалась у Смирницкого в соответствии с уже существовавшей в отечественной науке традицией, то другая знаменитая проблема, поставленная Соссюром, – проблема языка и речи – решалась в его работах совершенно оригинально. Специально вопросу языка и речи посвящена уже упоминавшаяся книга "Объективность существования языка". При ее малом объеме это тот случай, когда действительно "книжка небольшая томов премногих тележей". В СССР в 20–50-е годы мало кто писал работы, где бы специально рассматривался данный вопрос; одно из немногих исключений – известная статья Л.В. Щербы [Щерба 1931].

В те годы, после провозглашения в сталинских статьях курса на традиции русской дореволюционной лингвистики, многие языковеды ратовали за полный возврат к науке XIX века. Так считал, в частности, главный консультант Сталина по вопросам языкознания А. С. Чикобава. Смирницкий стремился опровергнуть его точку зрения, согласно которой "различение языка и речи является неверным, недопустимым". Напротив, различать речь и язык необходимо, так как в самой действительности существует соответствующее глубокое различие, и поэтому без учета этого различия языкознание не может существовать как специальная и подлинная наука, наука о языке как таковом" [Смирницкий 1954б: 12]. Тем самым Смирницкий четко определял невозможность возврата к доссюровской науке, необходимость учитывать то, что сделано в теории языка за последние десятилетия. Безусловно, был прав М.И. Стеблин-Каменский, писавший о том, что полемика Смирницкого с Соссюром была спором внутри структурализма [Стеблин-Каменский 1957: 37].

В то же время Смирницкий высказывает свою концепцию языка и речи, отличную и от Соссюра, и от Щербы, и от многих других структуралистов, скажем, Л. Ельмслева. В концепции Соссюра, прежде всего, для него было неприемлемо положение о психичности языка у основателя структурализма «существование языка определялось как существование в психике говорящих на нем людей, поскольку же имелась в виду физиологическая основа психических явлений (в частности, ассоциативной связи смысла и звукового образа), постольку язык "помещался" в мозгу» [Смирницкий 1954б: 8]. Смирницкий при этом справедливо отмечает, что подобная точка зрения не была особенностью концепции Соссюра, она вообще была свойственна науке конца XIX – начала XX в. Такой подход Смирницкий посчитал противоречивым. "Противоречие у де-Соссюра получилось именно вследствие того, что он, различив язык и речь, всю материальную, реально звуковую, объективно данную сторону отнес к речи и сделал язык чисто психичным, но вместе с тем признал общественную природу языка" [Смирницкий 1954б: 9]. Явления мозга, конечно, объективны, но "материальность этих явлений.. сама по себе недоступна непосредственному восприятию через органы чувств в обычной обстановке человеческой деятельности" [Смирницкий 1954б: 9]. Тем самым явления в мозгу "практически не могут играть роли для установления контакта между индивидами, для общения между ними" [Смирницкий 1954б: 9–10], а, значит, не могут считаться общественным явлением. Общение происходит лишь "при условии физиологических явлений говорения и вызываемых ими звучаний, т.е. уже физических явлений во внешней среде (или при условии соответствующих явлений письменной речи)" [Смирницкий 1954б: 10]. Следовательно, если только не считать язык чисто индивидуальным явлением (против чего как раз выступал Соссюр), то он не может быть психичным.

Однако к 50-м гг. отнесение языка к психике уже не было типичным для западной лингвистики, что было известно Смирницкому. Вопрос об "объективности существования языка", еще интересовавший Соссюра, вообще был снят с повестки дня большинством направлений структурализма, что особенно четко проявилось у Луи Ельмслева. Такой подход Смирницкий рассматривал как шаг назад по сравнению с Соссюром: у Ельмслева «"языковой знак" фактически превращается в соединение "чистых" форм или "чистых" отношений, отрешенных от всякой субстанции... Понятно, что и вопрос о том, "где и как" существует язык, теряет при этом свой действительный конкретный смысл» [Смирницкий 1954б: 12]. В соответствии с принятой тогда у нас системой оценок в теории Соссюра Смирницкий видит сочетание материализма с идеализмом, а теория Ельмслева оценивается как чисто идеалистическая.

Безусловно, структурализм в ряде своих направлений развивался в сторону признания языка системой, не объективно существующей, но конструируемой исследователем; см. об этом в недавно переведенной у нас книге швейцарского историка науки о языке П. Серию [Серию 2001]. Впрочем, и за пределами СССР с этим не все были согласны, как показывает П. Серию, иначе думал Н. Трубецкой; показательны и споры

внутри дескриптивизма, которые получили название споров сторонников "божьей правды" и "фокус-покуса".

Отвергая точки зрения Соссюра и Ельмслева, Смирницкий приходит к выводу о том, что "язык... есть один из ингредиентов речи, притом важнейший, так как именно он придает ей характер специфической деятельности человека, отличной от других видов его деятельности" [Смирницкий 1954б: 13]. «Но хотя звуковая материя речи принадлежит языку и не может быть отторгнута от него, тем не менее, нельзя сказать, что эта материя полностью относится только к языку и ее не имеет в том "остатке", который мы получаем, извлекая язык как таковой из речи. Все то в звучании речи, что является случайным, побочным или дополнительным с точки зрения языка как важнейшего средства общения людей, принадлежит этому остатку, а не самому языку. Сюда относятся случайные ошибки в произношении, особенности голоса и пр.» [Смирницкий 1954б. 14]. Сюда же относятся особенности поэтической речи. При этом «"сверхязыковой остаток" речи включает в себя и индивидуальные, и общественные моменты, в отличие от де-соссюровской речи – *parole*, которая определяется как явление целиком индивидуальное» [Смирницкий 1954б: 15].

И язык, и речь, согласно Смирницкому, обладают собственными единицами. Если слова в большинстве случаев – единицы языка, то "конкретные предложения, т.е. предложения, состоящие из определенных данных слов и имеющие определенное данное строение, являются как таковые, как целые вообще *единицами речи*, а не единицами языка" [Смирницкий 1954б: 18]. Однако нет взаимно однозначного соотношения между теми или иными структурными единицами и единицами языка или речи. В связи с этим вводится важное разграничение воспроизводимых (имеющихся в языке) и производимых (создающихся в речевом произведении) единиц. Об этом разграничении Смирницкий писал в нескольких публикациях; см., в частности [Смирницкий 1954а: 4–6]. Слова, как правило, воспроизводимы, но это не всегда так, например, в отношении неологизмов. Приводя слово *бутылочноглазый* из стихотворного фельетона В. Дыховичного и М. Слободского, Смирницкий пишет: "*Бутылочноглазый* определяется как *слово* (не морфема, не фразеологическая единица и пр.), и в частности, как русское слово (т.е. не польское, не немецкое, не французское и пр.), но это еще не значит, что оно *существует* в русском языке, так как существование в языке – это общественное применение, регулярное воспроизведение в общественном масштабе" [Смирницкий 1954б: 17–18]. С другой стороны, фразеологизмы воспроизводимы, а свободные сочетания слов производимы. В другой работе говорится и о "предложениях, входящих в систему языка" [Смирницкий 1956: 228–229]. Для английского языка это, например, *How are you?* "Как поживаете?", *What's the time?* "Который час?".

Хотя прямо Смирницкий полемизирует лишь с Соссюром и Ельмсловом (причем с последним лишь через пересказ О.С. Ахмановой), но его идеи могут быть сопоставлены и с другими концепциями языка и речи в данный период развития лингвистики. Его концепция, безусловно, отличается и от идей Л.В. Щербы, который, полемизируя с психологизмом, колебался между идеей существования языка в языковом материале (текстах) и идеей конструирования языка лингвистом на основе этого материала. Она прямо противоположна концепции книги "Марксизм и философия языка" В.Н. Волошинова и/или М.М. Бахтина, где "объективность существования языка" прямо отрицалась, но из этого делался вывод, что "лингвистика языка" вообще применима лишь для решения узких прикладных (в частности, педагогических) задач и не раскрывает суть речевого общения [Волошинов 1993: 71–74]. Не знаем, была ли эта книга известна Смирницкому, но Бахтин, продолжая в 50-е гг. в Саранске выяснять теоретические проблемы языка и речи, из современных советских работ обратил внимание именно на "Объективность существования языка" [Бахтин 2001: 26]. Ближе идеи Смирницкого к идеям члена Пражского кружка Й. Коржинка, для которого язык – та же речь, но рассмотренная на более абстрактном уровне [Коржинек 1967]. Однако и тут мы видим лишь частичное сходство концепций: никакого "сверхязыкового остатка" у чешского лингвиста нет.

В то же время, как нам представляется, идеи московского теоретика лингвистики более всего сходны с идеями, выдвинутыми в 30-е гг. видным английским лингвистом (египтологом по основной специальности) сэром Аланом Гардинером. Они были в 1932 г. высказаны в книге "Теория речи и языка" [Gardiner 1932], см. также его статью, имеющуюся и в русском переводе [Гардинер 1960]. Этот ученый нигде у Смирницкого не упоминают. Тогда не поощрялось цитирование не издававшихся по-русски зарубежных авторов, особенно теоретиков; к изданному в СССР Соссюру это не относилось. Однако книга Гардинера была в домашней библиотеке Смирницкого, и он ее, несомненно, хорошо знал.

Гардинер, например, писал: «Язык . функционирует в речи и главным образом для этой цели он существует. Когда я говорю, что определенные явления в данном тексте принадлежат "речи", но не "языку", я разумею, что, если вы исключите из текста все те традиционные элементы, которые следует называть элементами языка, получится остаток, за который говорящий несет полную ответственность, и этот остаток и является тем, что я понимаю под "фактами речи"» [Гардинер 1960: 16]. То есть идея о том, что речь есть язык плюс "сверхязыковой остаток", является общей для Гардинера и Смирницкого. У Гардинера есть и другие сходные идеи: об отнесении предложения к речи, а не языку, о воспроизводимых и производимых единицах, об общественном характере не только языка, но и речи. О концепции Гардинера подробнее см. наши публикации [Алпатов 1999; 2002].

Впрочем, между Смирницким и повлиявшим на него английским ученым есть и одно существенное различие. Даже в названии книги Гардинера, явно полемически, термин "речь" поставлен на первое место. Ученый стремился дополнить созданную Соссюром теорию языка столь же разработанной теорией речи. Для Смирницкого же, как и для Соссюра, важен, в первую очередь, язык. Он пишет: "Язык неизбежно изучается в речи ... Но вместе с тем язык обязательно должен отделяться, отграничиваться, обособляться от речи и отдельных ее произведений, не отождествляться, не смешиваться с ними: речь, в тех или иных ее произведениях, выступает как сырой материал исследования, язык же – как собственно предмет изучения, извлекаемый из этого материала" [Смирницкий 1954б: 19–20]. Более того, Смирницкий указывает: «вряд ли можно говорить о какой-либо "лингвистике речи"» [Смирницкий 1954б: 22]. Этим он отличался и от Соссюра, который упоминал о существовании такой лингвистики, хотя соответствующую лекцию так и не прочел.

Можно найти некоторую переключку между Смирницким и еще одной теорией, появившейся уже в 60-е гг. "Лингвистическая теория имеет дело, в первую очередь, с идеальным говорящим-слушающим, существующим в совершенно однородной речевой общности, который знает свой язык в совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употреблении.... Для того чтобы изучить реальное языковое употребление, мы должны рассматривать взаимодействие многих факторов, а лежащая в его основе компетенция говорящего-слушающего является только одним из них" [Хомский 1972: 9]. Мы, разумеется, не хотим отождествлять разграничение языка и речи у Смирницкого (как и у Соссюра) с разграничением компетенции и употребления у Хомского. Но и понимание компетенции как важнейшего из факторов употребления, и отнесение к той части употребления, которая не входит в компетенцию, примерно тех же явлений, которые относил к "сверхязыковому остатку" Смирницкий, – все это, как нам кажется, не случайные совпадения (при том, что, разумеется, Хомский вряд ли когда-нибудь слышал о русском ученом).

Язык, понимаемый указанным выше образом, не должен смешиваться ни с речью, ни с *langue* в смысле Соссюра. Последнее явление также существует, но это не сам язык, а "лишь отпечатки отображения языка в сознании говорящих на нем, владеющих им" [Смирницкий 1954б: 23].

Безусловно, в общей концепции ученого большое место занимала теория грамматики. Пожалуй, наибольшую известность среди теоретических работ ученого получил цикл из трех дополняющих друг друга статей, в центре внимания которых находится проблема слова, рассматриваемая в различных аспектах: не только в грамматических, но и в лексикологических [Смирницкий 1952; 1954а; 1955б]. Основные положения статей затем были включены и в книги по английскому языку.

Смирницкий сохранил традиционную точку зрения о слове как главной единице языка. Он писал: «Не случайно человеческий язык нередко называют языком *слов*: ведь именно *слова*, в их общей совокупности, как словарный состав языка, являются тем "строительным материалом", без которого немислим никакой язык; и именно *слова* изменяются и сочетаются в связной речи по законам грамматического строя данного языка... Поэтому слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово» [Смирницкий 1955б: 11]

В те годы такой подход продолжал господствовать в европейской науке, хотя американский дескриптивизм все более отказывался от идеи о центральной роли слова, а иногда и не выделял слово вообще. Это было связано с неудачами многочисленных попыток строго определить, что такое слово. Смирницкий пишет об этом: "В общем, понятие слова остается одним из наименее определенных лингвистических понятий. У отдельных языковедов сложилось даже явно скептическое отношение к вопросу об определении слова, очень же многие, теоретически не отказываясь от определения, в практике своей научной работы пренебрегают каким-либо точным определением... и рассматривают то или иное языковое образование как слово или неслово, либо исходя из традиции (отраженной в орфографии), либо из непосредственного восприятия каждого данного случая" [Смирницкий 1954а: 183].

Не желая ограничиваться опорой на традицию или "непосредственное восприятие", ученый все-таки старался сохранить понятие слова в его традиционных границах. "Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Слово *окно*, как лексема, как единица словаря, есть все же *окно* или, в известных случаях, *окна́, окну, окна* и пр., но не *окн-*" [Смирницкий 1955б: 14]. Смирницкий последовательно старался изгнать психологизм из научного анализа, однако, нетерминологическое слово "обрубок" имеет, как нам представляется, психологические корни. Заранее отвергается любой подход, при котором "обрубок" будет рассматриваться в качестве слова. А, как мы увидим ниже, некоторые аспекты слова, согласно концепции Смирницкого, можно было бы рассматривать подобным образом, если бы не их интуитивная неприемлемость.

Смирницкий исходит из универсальности признаков слова для любого языка, критикуя в связи с этим точку зрения Щербы, считавшего, что «понятия "слова вообще" не существует», поскольку "в разных языках это будет по-разному" [Щерба 1945: 175]. На это он возражает: «Если "слово" будет совершенно разными единицами в разных языках, то почему вообще эти разные единицы можно называть словом?» [Смирницкий 1952: 183].

Однако, чтобы найти такие универсальные признаки, надо разграничить разные аспекты слова, часто смешиваемые. Ученый в начале первой из статей ставит две проблемы, получающие названия "проблемы отдельности слова" и "проблемы тождества слова". В первом случае рассматривается, "что такое *одно отдельное слово* в каждом данном случае его употребления в связной речи". Во втором случае говорится о том, "что такое *одно и то же, то же самое слово* в различных случаях его употребления" [Смирницкий 1952: 184]. Используя термины, не применяемые Смирницким, можно сказать, что в первом случае идет речь о синтагматике слова, во втором – его парадигматике. Каждой проблеме посвящена специальная статья.

В проблеме отдельности слова в свою очередь выделены два вопроса: "а) вопрос *выделимости слова*, представляющий собой между тем вопрос о *различии между словом и частью слова* (компонентом сложного слова, основой, суффиксом и пр.); и б) вопрос *цельности слова*, являющийся вместе с тем вопросом о *различии между словом и словосочетанием*" [Смирницкий 1952: 187]. Эти два вопроса разбираются отдельно. При этом очень показательно, что с самого начала ученый выделяет класс "наиболее типичных и несомненных" слов, характеризуемых "наиболее ясной и четкой выделяемостью", но одновременно и "наибольшей цельностью, монолитностью": *дом, стол, квадрат, мал, теперь, стой, нес* и др. [Смирницкий 1952: 188]. Можно видеть, что в статье нигде принадлежность этих единиц к словам никак не доказывается. Выражаясь по-современному, определяется прототипический класс слов, а далее словом Смирницкий называет то, что можно по тем или иным критериям приравнять к этому классу. Здесь он по сути лишь уточняет традиционный подход, используемый в русской и западной науке для "своих" (не для "экзотических") языков: выделение ядерного класса слов основано на интуиции, а в спорных случаях необходимо прибегать к строгим критериям. Это хорошо видно из того, в каких случаях идут споры по вопросу о слитном и раздельном написании и выдвигаются те или иные аргументы, а в каких случаях споров не возникает. Однако в соответствии с принятым в те годы подходом Смирницкий избегал прямых апелляций к психологии и интуиции.

К тому времени было уже достаточно ясно, что фонетические и чисто семантические критерии очень часто расходятся с привычным выделением слов, поэтому Смирницкий их закономерно отвергает. Главным из выдвигаемых им критериев отграничения слова от части слова оказывается критерий остаточной выделяемости.

Этот критерий заключается в том, что остатки, получаемые в предложении после выделения в нем несомненных слов, также следует приравнять к словам. Например, в предложении *Глухой глухого звал на суд судьи глухого* несомненно относятся к словам шесть отрезков за исключением попадающего в остаток отрезка *на*. Исходя из установленного критерия, мы считаем этот отрезок также словом. Критерий может быть и отрицательным: например, в слове *овцебык* компонент *овце*, безусловно, не слово, следовательно, и компонент *бык* в данном случае – часть слова, пусть омонимичная целому слову.

Для отграничения слова от словосочетания используется другой критерий – критерий *цельнооформленности*. "Цельнооформленность слова выявляется в специфических особенностях внутреннего строения слова сравнительно со строением словосочетания, которые определяются меньшей законченностью и оформленностью частей слова сравнительно с частями словосочетания, т.е. с отдельными словами" [Смирницкий 1952: 197]. Например, *седобородый* имеет единое грамматическое оформление, это слово, а равнозначное ему с *седой бородой* такого оформления не имеет, это словосочетание.

Упоминается и другой критерий – критерий *идиоматичности*: "невыводимость значения целого языкового образования может быть названа *идиоматичностью* данного языкового образования" [Смирницкий 1952: 199]. Не обладающая данным свойством единица, "по-видимому, не входит как готовая единица в словарный состав... языка" [Смирницкий 1952: 199], то есть относится к производимым единицам, тогда как идиоматичные единицы воспроизводимы. Смирницкий указывает, что в целом *цельнооформленность* и *идиоматичность* совпадают друг с другом, но они могут расходиться в обе стороны: то же *седобородый* не идиоматично, хотя *цельнооформленно*, а *железная дорога* – идиоматичная последовательность, не обладающая *цельнооформленностью*, не слово, а словосочетание. Тем самым два выдвинутых критерия работают для разных целей: слово отличается от словосочетания *цельнооформленностью*, а воспроизводимая единица от производимой – *идиоматичностью*.

Данная статья Смирницкого оказала значительное влияние на советскую лингвистику. Термин "*цельнооформленность*" стал распространенным. Ю.Д. Апресян назвал данный критерий "исключительно тщательно разработанным" и "самым серьезным"

из предлагавшихся критериев выделения слова [Апресян 1966: 13]. Но он же указывает: этот критерий "дает основание для конструктивного выделения слова в небольшой группе языков преимущественно флективного строя, таких, как русский или латынь. Материалы других языков ясно показывают ограниченный и частный характер учения А.И. Смирницкого" [Апресян 1966: 13]. Действительно, скажем, широко распространенное в языках мира явление так называемого группового оформления плохо согласуется с критерием цельнооформленности. И для русского языка этот критерий иногда требует дополнения другими, например, критерием ударения. См. приводившийся В.М. Жирмунским пример: признать *высокообразованный* (или *высоко образованный*) одним или двумя словами только на основе критерия цельнооформленности нельзя [Жирмунский 1963: 32].

Вопрос о разграничении сложного слова и словосочетания был подробно на примере английского языка разработан Смирницким в статье, написанной совместно с О.С. Ахмановой [Смирницкий, Ахманова 1952]; ее текст вошел и в посмертную книгу [Смирницкий 1956: 114–135]. Здесь детально рассмотрены последовательности типа *stone wall* "каменная стена", которые могут трактоваться и как сложные слова, и как словосочетания. И оказывается, что проблема не получает однозначного решения: "Эти образования в современном английском языке оказываются находящимися в противоречивом положении, в состоянии неустойчивого равновесия: они колеблются между словосочетаниями... и сложными словами... и осмысляются как те или другие в зависимости от обстоятельств" [Смирницкий, Ахманова 1952: 116]. Критерий цельнооформленности в данном случае не оказался действенным.

Что касается отграничения слова от части слова, то эта проблема у Александра Ивановича оказывается прямо основанной на интуиции. Здесь, как уже было сказано, он опирался на традицию, но эта традиция всегда плохо работала для языков, отличным по строю от европейских. Например, простое японское предложение со значением *Он читает книгу* различными русскими или западными японистами могло записываться с точки зрения слитного, раздельного и дефисного написания по крайней мере восемью способами [Пашковский 1968]; каждый из этих способов отражал особое представление о японском слове.

Можно предъявлять Смирницкому претензии в том, что он был ограничен в количестве привлекаемых к рассмотрению языков (хотя в этом смысле он был шире некоторых современников, строивших теории на материале одного русского языка: он всегда учитывал и западные языки, которыми занимался). Определенный европоцентризм, безусловно, у Смирницкого заметен, как и у многих других его современников у нас и на Западе. Но в данном случае главное не в этом. По-видимому, сама проблема строгого определения слова принципиально не поддается решению. В 50-е гг. И.Е. Аничков анализировал 34 определения слова и все был вынужден признать в той или иной степени неудовлетворительными [Аничков 1997: 228–229] (кстати, собственная точка зрения Аничкова близка к точке зрения Смирницкого). Конечно, этот перечень – далеко не исчерпывающий, хотя можно заметить, что в последнее время интерес к данной проблеме намного уменьшился. В рамках же поставленной задачи подход Смирницкого был одним из наиболее строгих и продуктивных.

Другая проблема – проблема тождества слова, затронутая ученым не только в статье, специально ей посвященной, но и в статье "Лексическое и грамматическое в слове". В отличие от проблемы отдельности слова, которая, согласно Смирницкому, стоит и в отношении воспроизводимых, и в отношении производимых единиц, эта проблема естественно связана с воспроизводимостью: лишь в случае воспроизведения слова встает вопрос о том, одно это слово или это разные слова.

Смирницкий четко указывает на то, что традиционное понятие слова неоднородно: слово как единица грамматики и слово как единица лексики – не то же самое. "Грамматическое изменение слова, т.е. существование слова в виде различных его грамматических форм, не нарушает тождества слова, так как оно лежит в иной плоскости, в области грамматического строя, а не словаря, не лексики, и не затрагивает частного и

конкретного в слове. Поскольку слово рассматривается с лексической точки зрения, постольку, разумеется, происходит отвлечение от различных грамматических моментов, связанных с данным словом" [Смирницкий 1955б: 13–14]. В статье о тождестве слова от собственно слова как единицы лексики отграничена особая единица, названная глоссой "Под *глоссой* мы будем здесь понимать любую языковую единицу, представляющую собой одно определенное *слово* в том или другом его *варианте* (если данное слово имеет варианты) и в одной определенной *грамматической форме* (или же – в единственном его оформлении, если данное слово грамматически не изменяется)" [Смирницкий 1954а: 12].

В следующей статье, опубликованной уже посмертно, меняются терминология и отчасти сами понятия: нет термина "глосса", но появляются другие термины: "словоформа" и "лексема". "Когда мы берем слово *дом* именно как слово – единицу лексики, как *лексему*, мы отвлекаемся от того, что *дом* как таковое представляет собой лишь определенную *форму* данного слова .. В качестве лексемы данное слово в одинаковой мере является данным словом в любой своей грамматической форме" [Смирницкий 1955б: 14]. "Реальными языковыми единицами, если отвлечься от варьирования слова и от слов неизменяемых, являются в речи такие единицы, как *дом, дому, городу, парусом* и пр., которые можно назвать *словоформами* (т.е. конкретными словами в определенных грамматических формах) Чтобы выделить в словоформах лексическое, т.е. основное для слова как единицы словарного состава языка, иначе говоря, – чтобы в словоформах увидеть именно конкретные слова как таковые, а не отдельные их грамматические формы, необходимо, следовательно, *отвлечься* от грамматического момента в каждой словоформе, представляющей собой одно и то же слово, и произвести соответствующее обобщение" [Смирницкий 1955б: 15].

Впрочем, термин "словоформа" присутствует и в предыдущей статье: "под *словоформой*, понимается, следовательно, *данное слово в данной грамматической форме*, или данная грамматическая форма данного слова. Или еще иначе: та или иная глосса или совокупность глосс данного слова как представляющая определенную грамматическую форму слова, т.е. определенную морфологическую единицу грамматического строя языка" [Смирницкий 1954а: 18–19]. То есть варианты слова в той или иной грамматической форме – разные глоссы, но одна словоформа. Разница, однако, во-первых, в появлении в посмертной статье термина "лексема", во-вторых, в акценте на разных терминах. В статье 1954 г. говорится, прежде всего, о глоссах, а словоформы упомянуты лишь попутно, в статье 1955 г. сказано о словоформах, но не о глоссах.

Итак, вопрос о том, являются ли *дом* и *дому* одним или двумя словами, получает разный ответ в зависимости от того, как понимать слово. Это традиционное понятие в статье 1954 г. делится на три: глоссу, словоформу и слово, а в статье 1955 г. – на два: словоформу и лексему. Термин "лексема" уже существовал, но получил у Александра Ивановича четкое определение, термин "словоформа" был им изобретен. *Дом* и *дому* – две словоформы (и глоссы), но одна лексема. Это разграничение и сами термины, может быть, самый бесспорный вклад ученого в лингвистическую теорию: они постоянно воспроизводятся в нашей научной и учебной литературе. В то же время термин "глосса" и соответствующее понятие, а также еще один введившийся Смирницким термин "типоформа" у нас не прижились.

При этом, однако, возникает одна проблема. Разные словоформы одной лексемы обладают общей частью – основой, различаясь аффиксами. Почему не считать лексемой только основу? Такой подход в некотором отношении проще: не надо ни от чего отвлекаться. Подобная точка зрения предлагалась, например, Ш. Балли [Балли 1955: 316]. Однако Смирницкий отказывается так считать. Единственная его аргументация – уже приводившиеся слова об "обрубке", которым не может быть лексема. Можно предположить, что, как и в случае границ слова, неявным образом ученый апеллировал здесь к психологии и интуиции, от которых в теории стремится отказаться. Но надо учитывать и то, что идея о грамматической оформленности лексемы хорошо сочетается с его концепцией конверсии, о которой речь пойдет ниже.

Вопросы тождества слова не сводятся только к различию словоформы и лексемы. Подробно рассмотрены также разного рода варианты лексем: лексико-семантические, фонетические, словообразовательные, грамматические, а также стилистические варианты (вроде *молодой* – *младой*) [Смирницкий 1954а: 25–28].

В третьей статье также специально рассмотрены вопросы соотношения лексических и грамматических аспектов слова. Вопрос о разграничении лексического и грамматического активно обсуждался в русской и советской лингвистике еще до Смирницкого, точки зрения бывали различными. Смирницкий, в частности, полемизирует с Л.В. Щербой (точку зрения которого отчасти разделял В.В. Виноградов). Согласно этому подходу, «лексическое является особенным, специальным, ограниченным, а грамматическое – общим, продуктивным, "живым"» [Смирницкий 1955б: 51]. С этой точки зрения склонение местоимений или спряжение неправильных глаголов – факт словаря. Однако, как указывал Смирницкий, "и здесь мы имеем дело с таким же *по существу* явлением, как и при регулярном словоизменении"; "в обоих случаях мы находим те же самые дополнительные значения..., сопровождающие основное вещественное значение каждого данного слова, и соответствующие различия между отдельными образованиями выступают и там и здесь как различия между формами в пределах одного и того же слова" [Смирницкий 1955б: 52]. С этой точки зрения, к грамматике относятся не только аффиксация, но и грамматически значимое чередование звуков, и супплетивизм (хотя последний относится и к лексике). Здесь Смирницкий, безусловно, связан с традициями Московской школы, стремившейся внешне разнородные явления рассматривать в единой системе.

Однако нерегулярность выражения входит в грамматику лишь в том случае, когда нерегулярные образования входят в единую систему с регулярными. Если же этого нет, то это уже лексика, а не грамматика. Так, в паре *супруг* – *супруга* нельзя говорить о регулярности выражения соответствующего различия по значению, "в совокупности языковые факты достаточно характеризуют соотношение *супруг* – *супруга* как словообразовательное, следовательно, лексическое, а не грамматическое" [Смирницкий 1955б: 25]. Сближая словообразование с лексикологией, Смирницкий также следовал идеям Московской школы, в отличие от В.В. Виноградова и др., сближавших словообразование с грамматикой.

Словообразовательный способ, рассмотренный в нескольких работах ученого, – образование слов с помощью изменения парадигмы; этот способ назван конверсией. Особенно широко распространена конверсия в аналитических языках, в частности, в английском. Проблема конверсии также связана с разграничением лексического и грамматического и относится не только к словообразованию, но и к грамматике, в том числе к проблеме частей речи. Рассматривая английские *love* "любить" и *love* "любовь" как разные слова, Смирницкий спорил с альтернативной точкой зрения, видевшей здесь переход того же самого слова из одной части речи в другую или употребление слова в функции разных частей речи. Он указывал, что два *love* надо брать не изолированно, а в совокупности их форм, которые большей частью не совпадают; там же, где эти формы совпадают, мы имеем дело с омонимией [Смирницкий 1956: 71–75]. Смирницкий исходил здесь из точки зрения, вообще свойственной Московской школе, согласно которой каждое слово в любой из своих форм может относиться лишь к одной части речи. Концепция конверсии получила широкое распространение среди советских специалистов по разным языкам. Такой подход естественно применительно к синтетическим языкам вроде русского, применим и к обладающему словоизменением английскому языку, хотя здесь распространены и иные точки зрения. В то же время попытки применить точку зрения Смирницкого к лишенным словоизменения языкам вроде китайского не оказались продуктивными.

Еще одна проблема словообразования, рассмотренная Смирницким в специальной статье [Смирницкий 1948] (см. также [Смирницкий 1956: 59–64]), связана с трактовкой морфемного членения слов с уникальными основами или суффиксами (спор Александра Ивановича с Г.О. Винокуром иногда называют "спором о буженине"). Г.О. Вино-

кур признавал существование уникальных суффиксов вроде *-тух* в *пастух*, но отрицал членение на морфемы основ таких слов, как *малина*, *смородина*, *буженина*, поскольку элементам *мал* или *смород* нельзя приписать никакого значения [Винокур 1946]. По этому поводу Смирницкий пишет: "Если '-ин-' в рассматриваемых основах значит *ягода*, то очевидно, что 'мал-' и 'смород-' значат *то и в малине и смородине, соответственно, что отличает эти ягоды друг от друга и от прочих ягод*. Из того, что значения звуковых отрезков *мал-* и 'смород-' трудно определимы словами, еще не следует, что этих значений не существует" [Смирницкий 1956: 62]. Концепция Смирницкого (как он сам отмечал) в отличие от концепции Винокура позволяет объяснить явление так называемого обратного словообразования вроде русского *зонт* от *зонтик* или английского *to chauffe* "возить в автомобиле" от *chauffeur* "шофер". По этому поводу Ю. Д. Апресян, сравнивая две, казалось бы, альтернативные точки зрения, отмечал, что концепция Смирницкого предпочтительнее, так как упомянутые выше факты непридуманно объясняются теорией А. И. Смирницкого" [Апресян 1966: 94]. Апресян указывал и то, что Смирницкий исходил здесь из той же точки зрения, что и западные структуралисты его времени, в частности, дескриптивисты [Апресян 1966: 93].

Если в области грамматики и словообразования в середине XX в. уже можно было говорить о достаточно разработанных методах, то лексикология в целом еще находилась далеко от этого. Характерно, что книга "Лексикология английского языка" в значительной части посвящена вопросам, пограничным между лексикологией и грамматикой, а также вопросам словообразования. В то же время Смирницкий ставил вопросы, касающиеся лексической системы языка. Он справедливо отмечал, что современный ему «лексиколог подробно останавливается на архаизмах, выискивает различные окаменелости, рассказывает о поразительных сдвигах значения отдельных слов, – но о скромных исконных словах данного языка, издавна выражавших в нем такие простые, но вместе с тем существенные понятия, как "видеть", "лежать", "стоять", "ходить", "делать", "красный", "синий", "огонь", "вода", "дерево" и т.п., лексиколог обычно говорит очень немного (если вообще говорит что-нибудь) и то лишь мимоходом. И это понятно: подобные слова большею частью малопригодны или вовсе непригодны как примеры описываемых явлений. А между тем, разумеется, если такие наиболее широко распространенные и часто употребительные слова оставлять без особого внимания, то нечего и думать о действительной характеристике данной лексики, о выявлении ее существенных особенностей» [Смирницкий 1955б: 6–7]. При этом ученый специально оговаривает, что речь идет не об этимологии, а о синхронном изучении лексики. Здесь Смирницкий не был одинок: сходные оценки были, например, у М. Н. Петерсона [Петерсон 1940: 1]. Однако в середине XX в. проблему системного описания базовой лексики можно было только ставить, для ее решения еще не пришло время. Отметим и такое справедливое для того времени высказывание: «Поскольку семасиология, как известно, разработана гораздо менее тщательно, чем другие разделы языкознания, постольку необходимый семасиологический анализ сопоставляемых единиц до сих пор нередко производится более или менее "кустарно", часто основывается просто на "здравом смысле"» [Смирницкий 1956: 161–162].

И все-таки кое-что и здесь было сделано. Отметим, в частности, детальный анализ омонимии в английском языке и разработку принципов ее классификации [Смирницкий 1956: 159–173], выделение ряда семантических классов слов [Смирницкий 1956: 174–198], классификацию фразеологизмов [Смирницкий 1956: 210–225]. И, безусловно, очень многие вопросы лексической семантики разрабатывались им во время работы над "Русско-английским словарем" [Русско-английский 1948].

Менее всего публиковался Александр Иванович как раз по вопросам фонологии, приоритетным для многих его современников, хотя в его архиве сохранились рукописи на эти темы. Более всего известны его работы по исторической фонологии английского языка, в книге "Древнеанглийский язык" имеется особый раздел. Теоретическая концепция в опубликованных работах изложена лишь в виде фрагментов, которые, в частности, показывают его теоретические расхождения с Московской

фонологической школой. Так, в "Лексикологии английского языка" говорится: "Отдельные звуки речи, даже и выступающие в качестве фонем, не могут быть признаны единицами языка в том же смысле этого термина, так как отдельный звук сам по себе *не обладает значением*: нельзя, например, сказать, каким значением обладает звук [h] в слове *house*. Когда говорят, что слова или морфемы делятся на звуки (фонемы), делают неправомерный скачок, так как переходят от единиц, представляющих единство внешней, звуковой и внутренней, смысловой стороны, к единицам, не представляющим такого единства, являющимся частями только внешней, звуковой стороны. Слово или морфема не делится на звуки (фонемы): разложима на звуки (фонемы) только внешняя, материальная оболочка того или другой (если, разумеется, эта оболочка образована не одним звуком). Из сказанного следует, что звуки не представляют собой языковых единиц... Звуки – ...*единицы в строении языковых единиц*" [Смирницкий 1956: 13–14].

Здесь видна скрытая полемика со смыслоразличительной концепцией фонемы, свойственной и Московской, и Пражской школам. Может быть, чем-то такой подход ближе к пониманию фонемы у дескриптивистов или к "фигурам" в глоссематике. Недаром А.А. Реформатский выступил так резко против термина Смирницкого "звуковая оболочка", не став, однако, полемизировать с ним по существу вопроса. Впрочем, данное расхождение касается лишь самых общих вопросов, а конкретная методика выделения фонем могла у Смирницкого и московских фонологов быть и той же самой.

Мы не можем здесь остановиться на всех теоретических проблемах, содержащихся в не столь уж обширном наследии Александра Ивановича Смирницкого. Что-то, вероятно, нами упущено. И, конечно, всегда в такого рода обзорах есть большая доля субъективности: одни будут считать самым важным в деятельности ученого одно, другие – другое. В нашу задачу не входило исследование вклада ученого в германистику, об этом много и хорошо говорится в недавней книге его дочери Ольги Александровны Смирницкой.

Как и большинству отечественных лингвистов, "Смирницкому не удалось пересечь границы" [Смирницкая 2000: 120]. Лишь в 1990 г. эмигрировавший из СССР германист А.С. Либман сумел опубликовать в журнале "General linguistics" одну из его статей и некоторые сведения об авторе, совсем не известном читателям журнала.

Иной оказалась судьба наследия ученого в его собственной стране. Его имя получило широкую известность не только среди германистов, но и среди специалистов по самым разным языкам. В представленной в Институт востоковедения АН СССР в конце 70-х гг. докторской диссертации по индологии даже говорилось о "гении Смирницкого". Многие из предложенных им понятий и терминов прочно закрепились в нашей науке, достаточно назвать "словоформу", "цельнооформленность", "конверсию", да и не всеми принимаемую "звуковую оболочку". Впрочем, как выше мы отмечали, не все предложенные Смирницким термины прижились.

Многие идеи Смирницкого продолжали развиваться. Во второй половине 50-х гг. в советскую науку о языке вошло новое поколение ученых, работавшее уже вполне открыто и осознанно в структурной парадигме (некоторые из них успели поучиться у Александра Ивановича в студенческие годы, но известность в науке получили уже после его смерти). Обычно они невысоко ставили предшествовавшее "традиционное" советское языкознание, однако к идеям Смирницкого относились с большим вниманием. Оценки Ю.Д. Апресяна мы уже приводили. А вот так писал И.И. Ревзин: "У ряда выдающихся представителей традиционной лингвистики способ мышления не очень отличался от математического (в качестве одного из последних представителей этой традиции следует назвать А.И. Смирницкого, а еще раньше – Ф.Ф. Фортунатова, Л.В. Щербу и А.М. Пешковского, у которых мы находим логическую стройность изложения, еще не достигнутую лингвистами, применяющими логико-математические методы)" [Ревзин 1967: 22].

Примером книги, активно развивающей идеи Смирницкого, может служить известный труд А.А. Зализняка "Русское именное словоизменение". Глава первая "Исход-

ные положения" [Зализняк 1967: 19–34] во многом представляет собой развитие и значительное уточнение идей Смирницкого. Противопоставление словоформы и лексемы развивается за счет дополнительного введения понятий конкретного и абстрактного сегмента и разграничения конкретных и абстрактных словоформ. Также используются идеи Александра Ивановича о парадигме, типах грамматических категорий, грамматической форме, грамматических разрядах слов и т. д.

Влияние идей Смирницкого в нашей стране было очень значительным в 50–70-е гг., потом оно уменьшилось, прежде всего, в связи с тем, что изменились приоритеты. Важнейшие для Смирницкого вопросы теоретической грамматики, как и вопросы фонологии, отошли на задний план по сравнению с семантикой и синтаксисом, а противопоставление языка и речи уже перестало быть столь важным, как это было до Хомского. Однако многие его идеи продолжают жить и могут быть еще востребованы в будущем.

Из отзывов современников о Смирницком приведем еще два. В.А. Звегинцев: "Он обладал редким логически точным лингвистическим мышлением. Взяв обычное и, казалось бы, всем хорошо известное языковое явление, он умел последовательным анализом вскрыть в нем совершенно неожиданные стороны и представить его как совершенно новое"; цитируется по [Медникова 1968: 8–9]. А.А. Реформатский: "А.И. Смирницкий смог не только дать ряд основополагающих решений по отдельным вопросам языкознания, но и выработать единую систему лингвистических взглядов" [Реформатский 1954: 573].

Хотелось бы сказать еще об одном. Труды Александра Ивановича по теории языка давно не переиздавались. Стоило бы это сделать.

Автор приносит благодарность О.А. Смирницкой, прочитавшей статью в рукописи и высказавшей важные замечания, которые мы постарались учесть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллатов 1999 – В.М. Аллатов. Алан Гардинер – теоретик языкознания // Древний Египет: язык – культура – сознание. М., 1999.
- Аллатов 2002 – В.М. Аллатов. Из истории лингвистики: Гардинер и Волошинов // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т.Ю. Ждановой. М., 2002.
- Аничков 1997 – И.Е. Аничков. Труды по языкознанию. СПб., 1997.
- Апресян 1966 – Ю.Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
- Балли 1955 – Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Бахтин 2001 – М.М. Бахтин. Язык и речь // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 1.
- Винокур 1941 – Г.О. Винокур. О задачах истории языка // Уч. зап. Московского городского пед. ин-та. Т. V. М., 1941.
- Винокур 1946 – Г.О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию // ИАН СЛЯ. 1946. № 4.
- Волошинов 1993 – В.Н. Волошинов. Марксизм и философия языка // Бахтин под маской. Маска третья. М., 1993 (первое издание – 1929).
- Воспоминания 2003 – Воспоминания П.С. Кузнецова // Московский лингвистический журнал. Т. 7. 2003. № 1.
- Гардинер 1965 – А. Гардинер. Различие между "речью" и "языком" // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965 (оригинал – 1935).
- Жирмунский 1963 – В.М. Жирмунский // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963.
- Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Коржинек 1967 – Й. Коржинек. К вопросу о языке и речи // Пражский лингвистический кружок. М., 1967 (оригинал – 1936).
- Медникова 1968 – Э.М. Медникова. Александр Иванович Смирницкий. М., 1968.
- Пашковский 1968 – А.А. Пашковский. Синтагматические границы слова в японском языке // Японская филология. М., 1968.
- Петерсон 1940 – М.Н. Петерсон. К вопросу о построении лексикологии // РЯШ. 1940. № 1.

- Ревзин 1967 – *И.И. Ревзин*. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.
- Реформатский 1954 – *А.А. Реформатский*. А.И. Смирницкий // ИАН СЛЯ. 1954. № 6.
- Реформатский 1970 – *А.А. Реформатский*. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Русско-английский 1948 – Русско-английский словарь / Под общим руководством А.И. Смирницкого. М., 1948.
- Серио 2001 – *П. Серио*. Структура и целостность. Интеллектуальные источники в центральной и восточной Европе. 1920-30-е гг. М., 2001.
- Смирницкая 2000 – *О.А. Смирницкая*. Александр Иванович Смирницкий. М., 2000.
- Смирницкий 1948 – *А.И. Смирницкий*. Некоторые замечания о принципах морфологического членения основ // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 5. М., 1948.
- Смирницкий 1952 – *А.И. Смирницкий*. К вопросу о слове (проблема "отдельности слова") // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
- Смирницкий 1954а – *А.И. Смирницкий*. К вопросу о слове (проблема "тождества слова") // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 4. М., 1954.
- Смирницкий 1954б – *А.И. Смирницкий*. Объективность существования языка. М., 1954.
- Смирницкий 1955а – *А.И. Смирницкий*. Древнеанглийский язык. М., 1955.
- Смирницкий 1955б – *А.И. Смирницкий*. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Смирницкий 1956 – *А.И. Смирницкий*. Лексикология английского языка. М., 1956.
- Смирницкий 1957 – *А.И. Смирницкий*. Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Смирницкий 1958 – *А.И. Смирницкий*. Морфология английского языка. М., 1958.
- Смирницкий 1965 – *А.И. Смирницкий*. История английского языка (средний и новый период). М., 1965.
- Смирницкий, Ахманова 1952 – *А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова*. Образования типа *stone wall, speech sound* в английском языке // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. II. М., 1952.
- Стеблин-Каменский 1957 – *М.И. Стеблин-Каменский*. Несколько замечаний о структурализме // ВЯ. 1957. № 1.
- Хомский 1972 – *Н. Хомский*. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972 (оригинал – 1965).
- Щерба 1931 – *Л.В. Щерба*. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Изв. АН СССР. Серия общественных наук, 1931.
- Щерба 1945 – *Л.В. Щерба*. Очередные проблемы языковедения // ИАН СЛЯ. 1945. № 4–5.
- Gardiner 1932 – *A. Gardiner*. The theory of speech and language. London, 1932.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

М.В. Шульга. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М.: Издательство Московского государственного университета леса, 2003. 302 с.

Свои многочисленные научные статьи М.В. Шульга посвящает прежде всего вопросам исторической морфологии имен в восточнославянских языках. Проблемы, связанные с объяснением развития морфологической системы, всегда обсуждались автором на высоком теоретическом уровне. Рецензируемая книга не отстает в этом отношении от предыдущих работ автора.

Главной задачей исследования является раскрытие механизмов исторических преобразований флективной системы. Поэтому работа не ограничивается описанием фактов языкового развития, а изучает структурные связи и представляет теоретические толкования описываемых процессов. При этом автор предпочитает в общем собственно морфологические объяснения анализируемых языковых фактов. Особое внимание эта книга уделяет 'древнерусским' (т.е. древневосточнославянским) и 'старорусским' периодам XI–XIV вв., но приводится также богатый материал из 'среднерусского' периода (XV–XVII вв.), из древних и современных говоров не только русского, но и белорусского и украинского языков. Таким образом, складывается сравнительно полная картина обсуждаемых в этой книге исторических процессов на ареале восточнославянских языков. Она дополняется и примерами из истории других славянских языков.

Структурному подходу этой работы соответствует разделение книги на три обширные главы, посвященные каждой описанию исторического развития одной грамматической категории русских существительных: роду, числу и падежу. Каждая глава начинается обзором теоретических предисылок, продолжается обсуждением ряда частных проблем, связанных с историческим развитием средств выражения данной категории, и в конце сле-

дует подробный обзор 'основных выводов'. Книга завершается разделом 'Заключение' (с. 259–266), повторяющим важнейшие итоги всего исследования. Подробное членение глав книги и то внимание, которое автор уделяет представлению своих тезисов в сжатой форме, значительно облегчают читателю пользование книгой.

Приступим к обстоятельному рассмотрению отдельных глав книги.

Глава 1. 'Морфологическое развитие категории рода' (с. 7–132). Особым преимуществом рецензируемой книги является то, что в области рода автор проводит последовательное различие – во-первых, между синтаксическим родом (проявляющимся посредством согласования) и морфологическим родом (выраженным через противопоставление парадигм самих существительных), – и, во-вторых, между родами существительных с личными и с неличными десигнатами. Для последующего обсуждения оказывается особенно ценным второе противопоставление. Подчеркивается, что только род неличных существительных образует трехчленную оппозицию, род же личных существительных (пол) является двучленной оппозицией. Чтобы пояснить основную разницу в функционировании рода в этих сферах, автор использует теорию пражской школы об асимметричности грамматических оппозиций и теорию маркированности: среди родов личных существительных мужской является немаркированным, женский – маркированным; среди родов неличных существительных женский является абсолютно маркированным, средний абсолютно немаркированным, и мужской – маркированным относительно среднего и немаркированным относительно женского рода. Указанные соотношения проявляются уже в древнерусском периоде. Эти выводы

опираются преимущественно на изучение (до-вольно редко засвидетельствованных в текстах) механизмов родовой нейтрализации (gender resolution, ср. [Corbett 1991: 261 и сл.]), которые определяют правила согласования в случае конфликта существительных-контролеров разных родов. Более того, при родовой нейтрализации в конфликте с личными существительными проявляется иерархическая доминанция / немаркированность рода личных существительных: в этом случае родовая нейтрализация приводит к употреблению мужского рода как немаркированного (ср. др.-русск. *да быхъ азъ былъ и чада моя и сѣмя моя живи были*, с. 26). Но показательны и такие, например, наблюдения структурного характера, как то, что названия лиц женского пола могут склоняться исключительно по "женскому" образцу *a-* и *i-*склонения, тогда как названия лиц мужского пола склонялись в истории восточнославянских языков по "мужским" и "женским" словоизменительным образцам (ср. *воевода, батюшко > батюшка* и т.д.). Несоответствие синтаксического и морфологического рода является структурным свойством названий лиц мужского пола.

Благодаря такому подходу, автор избегает многих противоречий, часто появляющихся в грамматических описаниях категории рода в славянских языках. Однако в истории славянских языков имели место и такие изменения формальных средств выражения рода, которые допускают другую интерпретацию системы грамматических родов, чем та, которая представляется в этой работе: а именно, противопоставление маркированного женского рода немаркированному неженскому (ср. с. 20), причем маркированность среднего рода сравнительно с мужским в рамках неженского класса не вызывает сомнения. На абсолютную немаркированность среднего рода указывают прежде всего отношения родовой нейтрализации – в современном русском языке только еще в анафорических контекстах (с. 27: *Пол, стены, окна – все это было выкрашено в голубой цвет*). Но выбор среднего рода объясняется здесь, как указывает сам автор вслед за Г. Корбетом [Corbett 1991: 292], семантическими, а не структурными свойствами. В связи с подобными примерами английский лингвист указывает именно на ограниченную роль отношений маркированности для механизмов родовой нейтрализации (ср. также более подробное обсуждение этой проблемы в нашей книге [Menzel 2000: 89 и сл.]). Если принять во внимание развитие формальной структуры славянского склонения, то более достоверным окажется вывод, что абсолютно немаркированную величину представ-

ляет мужской род. Как известно, такое отношение подтверждается и количественными данными (в древнерусской письменности более 54% существительных приходится на категорию мужского рода, см. [Мещерский 1974: 205]).

Следует указать на эту проблему, потому что некоторая сдержанность автора относительно включения формальных показателей в интерпретацию языковых преобразований (в пользу функционально-семантических показателей) обращает на себя внимание и в других местах книги. Конечно, обоснованность общих выводов этим под сомнение не ставится. Но соображения полноты обсуждения причин морфологических изменений требуют совместного рассмотрения формальных, семантических и прагматических явлений, как это делается, например, в теории "естественности", также опирающейся на понятие маркированности (ср. [Винтер 1982, Дресслер 1986]). Если, например, автор ссылается на мнение Ягича, что благодаря экспансии гласного *-a-* в формах Д, Т и М. множ. *-ам, -ами, -ах* выделяется показатель множественности (с. 22), то на это можно ответить выводом Х. Андерсена [Andersen 1969: 28], что окончания на *-a-* получили широкую продуктивность, во-первых, как показатели части речи существительных, и, во-вторых, из-за их чрезвычайно регулярной структуры, которая представляет значительное преимущество в сравнении с формально неоднородными и вариантными окончаниями других парадигм (т.е. *-омъ/-емъ, -ы/-и, -(ѣхъ/-ихъ/-охъ о-склонения и -ьмъ/-ьмъ, -ьми/-ьми, ѣхъ/-ѣхъ* склонений на краткие гласные и согласные). Интерпретация гласного *-a-* как показателя множественности является вторичным фактором этого процесса [Hentschel, Menzel 2002].

Несмотря на эти мелкие спорные детали, автор представляет в этой главе многие новые и ценные выводы о воздействии грамматического рода и пола на развитие флективной системы восточнославянских существительных. Приведем основные итоги (разделы 1.2–1.4).

Тщательно рассматривается тематика развития и функциональной характеристики несоответствия между синтаксическим и морфологическим родом существительных. Это структурное свойство определенных названий лиц мужского пола все более ограничивается. Имена нарицательные мужского рода на *-a* и *-и* были уже в древнерусский период непродуктивными, только мужские имена собственные на *-a* и *-o* пополнялись новообразованиями – прежде всего за счет "квалитативов", т.е. имен с дополнительной субъективной оцен-

кой лица, которые начиная с XVI в. регулярно переходили в склонение на *-а* (сохраняя или даже принимая мужское согласование: *твое сынишко > твой сынишка*). Автор уделяет большое внимание историческому развитию существительных мужского рода на *-и* (*судии, кмигичи, Григории*) в древнерусский период. Переход этих существительных в склонение типа *жена* или типа *плодь / медь* привел к значительной унификации словозменительных моделей и охватил все отличающиеся от этих образцов словоформы одновременно. Автором тщательно определяется хронологические отношения этих изменений в разных лексических классах. Уже в древнерусский период в склонение на *-а* перешли полностью имена собственные типа *Ивашко*, личные имена нарицательные на *-о* сохранились до XVI в., а нарицательные имена качественного характера типа *дворничко* дожили частично до сегодняшнего дня. В этой эволюции легко проследить влияние лексических категорий личности / одушевленности и оценочных структур прагматического характера.

С XVII в. наблюдается, особенно в говорах, определенная тенденция формирования Т. ед. существительных типа *староста* по "мужскому" словозменительному типу (*с дедушкой, с Васьком*). Таким образом эти существительные объединяются в одну собственную парадигму, ограниченную от существительных женского рода на *-а*. Здесь проявляется тенденция к дифференциации родовых парадигм (женского и неженского согласования) по форме Т. ед. Автор указывает на функциональную последовательность этого процесса, который охватывает существительные разных лексических классов в разное время, внимательно анализирует распространение этого явления в современных говорах и даже определяет количественные данные новых форм в деловой письменности XVII в.

Следующее анализируемое в этом контексте явление – это объединение различных типов склонения на основе родовых противопоставлений в древнерусском языке. Главным образом обсуждается развитие окончаний в Т. ед., но рассматриваются также другие падежно-числовые формы, в которых распределение окончаний не совпало со структурой родовых противопоставлений. "Единицей морфологического выражения" рода является не отдельное окончание, а цельная родовая парадигма. Поэтому унификация родовых парадигм представляет главный прием внедрения категории рода в структуру склонения существительных. Автор полагает (с нашей точки зрения, не совсем убедительно), что для продуктивности окончаний решающей является

их родоразличительная функция: окончание, выступающее с одним определенным родом, получает преимущество перед конкурирующим двуродовым окончанием, а двуродовое окончание получает преимущество перед трехродовым (= внедродовым). Многие из количественных данных, которые приводятся в этом разделе, допускают, однако, и другую интерпретацию. Продуктивность определенного окончания зависит в первую очередь от его функции в области выражения категорий падежа и числа, а также от его характеристики в отношениях формальной маркированности и "иконичности" (= отношение соответствия между сложностью означаемого / значения и сложностью означающего / формы; ср. [Hentschel 1992: 33]). Например, окончание *-овъ* Р. множ. является чрезвычайно продуктивным в истории восточнославянских языков не только потому, что оно первоначально было родоразличительным; помимо этого, благодаря экспансии этого окончания была устранена "нежелательная", с точки зрения механизмов иконичности, омонимия между немаркированным И. ед. и маркированным Р. множ. в пользу иконичного кодирования этого противопоставления (*плодь : плодь > плодь : плодовъ*), и было установлено иконичное отношение между Р. ед. и Р. множ. (*плода : плодовъ*; ср. [Jakobson 1957]). Окончание Т. множ. *-ыми/-ьми* получило сравнительно низкую употребительность не только потому, что было двуродовым, но и по этой причине, что является единственным окончанием в склонении существительных, которое после выпадения слабых еров начинается с согласного и поэтому может привести к "трудным" группам согласных в конце основы слов.

В случае же формально и функционально эквивалентных конкурирующих окончаний, безусловно, можно согласиться с точкой зрения автора о значении родоразличительной функции данных окончаний для развития их употребительности.

Унификация состава окончаний в "больших" типах склонения существительных мужского / среднего и женского рода связана преимущественно с устранением противопоставления окончаний твердой и мягкой разновидностей. Эти преобразования различаются материально в отдельных областях восточнославянского языкового ареала, но в каждом говоре изменения охватывают всю парадигму, а не только отдельные окончания, и представляют одинаковые результаты, независимо от падежно-числового значения данных окончаний. Автор подтверждает эти выводы большим количеством примеров из ис-

тории языка и из говоров. Главной темой обсуждения является здесь устранение морфологической корреспонденции окончаний *-ъ* и *-и* в Д. / М. ед. склонения на *-а* и в И. / В. дв. существительных женского и среднего рода. Особое внимание уделяется при этом отношениям в двойственном числе, причем автор изучает и вопросы использования форм двойственного числа во множественном значении и указывает на лексические отступления от общих правил употребления этих окончаний. Последняя представленная в этом разделе проблема – это устранение фонетической оппозиции гласных *о* и *е* в окончаниях твердой и мягкой разновидностей склонений. Автор тщательно описывает разграничение фонетического и морфологического характера этих изменений и показывает степень зависимости последнего от первого. Здесь также приводится богатый исторический и диалектный материал.

Глава 2. "Морфологическое развитие категории числа" (с. 133–216). Из круга морфологических явлений, определяемых прежде всего преобразованиями в категории числа существительных, вначале рассматривается унификация форм двойственного и множественного числа. Ссылаясь на работу [Исаченко 1961], автор представляет отношения маркированности грамматических чисел в старославянском языке как основу действующей в древнерусском системы числовых противопоставлений. Единственное число является абсолютно немаркированным членом оппозиции, категориальную основу которой можно описать термином "расчлененность". Множественное и двойственное числа как маркированные члены категории расчлененности противопоставляются между собой признаком "дихотомии". Надо полагать, что в цепи бинарных оппозиций (аналогичных трехчленной структуре категории рода!) двойственное число занимало бы позицию дважды маркированного члена (по признакам выражения расчлененности и дихотомии; ср. [Derganc 1988: 237; Menzel 2000: 217]). Поэтому сомнительно, что автор на основе преобразования падежно-числовых окончаний в истории русского языка (*дѣвъ селѣ > дѣва села*) говорит не о цепи признаков, а о "взаимно не противопоставленных форм[ах] дв. и мн. ч." (с. 134). Однако, несмотря на эту непоследовательность, далее очень достоверно описываются механизмы формального и категориального развития показателей двойственности.

В первую очередь автор анализирует слова, обозначающие парные части тела. В формах *очи*, *уши* и т.д. как лексическом наследии

двойственного числа наблюдается "качественный сдвиг" категориальной основы от количественного отношения к семантическому признаку парносоставности. Активно проявляют себя формальные преобразования, позволяющие говорить о грамматикализации этого признака. У существительных со значением парных частей тела окончания двойственного числа приняли способность функционирования во множественных контекстах, причем по модели Р. / М. *очю*, *ушию* встречаются даже такие новообразования, как *бровию*, *ноздрю* и под. В зависимости от общей употребительности словоформ ед. и множ., в парадигмах множ. развивались или формы, соотношенные с парадигмой единственного числа (*рука* : *руцѣ > руки*), или плюральные алломорфы (*око* : *очи*). Кроме того, в продолжение длительного процесса проявляется единая акцентная схема существительных со значением парных частей тела. Период наиболее регулярной реализации категории парносоставности падает на XIII–XIV вв. Развитие склонения этих существительных документировается богатым материалом из древних рукописей. С особенной тщательностью изучаются следы давнего двойственного склонения парных слов, существующие в современных русских говорах. Автор делает вывод, что ни в одном говоре нерегулярные окончания этих существительных не были заменены полностью и последовательно.

Следующее изучаемое явление – устранение родовых различий среди окончаний множественного числа. Этот процесс описывается как проявление тенденции к более однозначному выражению числовых значений. Синонимия показателей числа с определенным падежным значением (например, в И. множ. выступали окончания *-и*, *-ы*, *-ѣ*, *-е*, *-ове*, *-ие*, *-а*) преодолевается унификацией всего многообразия окончаний – по возможности, во всех родовых парадигмах. Таким образом однозначное кодирование падежно-числовых значений приводит к распространению внеродовых окончаний в парадигмах множественного числа. В той степени, в какой эти изменения охватывают не отдельные окончания, а всю парадигму одновременно, можно сделать вывод о числовой мотивации данного процесса. Автором более не обсуждается эта предположенная одновременность – хотя действительно отмечаются хронологические различия в распространении внеродовых окончаний в отдельных падежах множественного числа (ср. [Иорданиди, Крысько 2000: 252 и сл.] и с. 247 и сл.). Появляющиеся с XIII в. процессы родовой унификации в парадигмах множественного числа оцениваются автором как

побочный' результат преобразования в системе выражения категории числа (с. 163). Этими наблюдениями автор очень убедительно объясняет широко обсуждаемую в научной литературе проблему соотношения морфологизации категории рода в парадигмах единственного числа и деморфологизации этой же категории в парадигмах множественного числа. Оказывается, что развитие средств выражения категории рода зависит от средств выражения категории числа, которые в случае маркированного члена оппозиции, множественного числа, стремятся к развитию структуры, противоречащей сохранению родовых оппозиций. Очень интересен также подход автора к проблеме соотношения родовой унификации в парадигмах множественного числа существительных, прилагательных и местоимений. Например, еще Х. Аддерсен исходил из того, что утрата родовых различий у существительных произошла только после объединения родовых окончаний у согласуемых слов [Andersen 1969 27]. Автор показывает, что эти процессы, охватившие с XIII в. парадигмы существительных, действительно не находились в зависимости от изменений в парадигмах согласуемых слов. Является общей закономерностью, что морфологические процессы, начинающиеся в сфере существительных, в сфере согласуемых слов происходят с большей скоростью и более последовательно.

Особую проблему представляет склонение слова *оба* / *обе*, которому уделяется большое внимание. В современном русском языке оппозиция форм типа *обоих* / *обеих* (контаминированных с давней парадигмой *обои* / *обѣи*) является единственным родовым противопоставлением в непрямых падежах множественного склонения у согласуемых слов. Оно описывается нормативным распределением, которое было сформулировано, по указанию автора, уже в грамматике В.Е. Адогурова 1731 г. В менее нормативных разновидностях русского языка, а также в говорах, имеет место или распределение форм по признаку маркированности (*оба* выступает во всех родах, *обе* исключительно в женском роде), или обобщение только одной из данных форм. Случаи, в которых обобщилась собственно 'маркированная' форма *обе*, объясняются тем, что произошла новая интерпретация окончания *-е*, которая является не женской, но внеродовой формой по аналогии с местоимениями И множ *те, все* (аналогично в случае числительного *двенадцать* вместо **дванадцать*)

В конце раздела о категории числа автор делает ценные замечания о грамматикализа-

ции категории исчисляемости в русском языке, которые в такой последовательности встречаются редко в исторических грамматиках. Главное внимание уделяется морфологическому показателю этой категории, распределению *-а* и *-у* в Р. ед. существительных мужского рода. Категориальной оппозицией, на которую опирается распределение этих окончаний, является именно семантический признак исчисляемости / неисчисляемости, который объединяет такие понятия, как отвлеченность, вещественность и собирательность (ср сходное распределение окончаний Р. ед. в ряде польских говоров, описанное в работе [Kusała 1971]). Морфологическое выражение семантического противопоставления исчисляемых и неисчисляемых существительных осуществляется именно в Р., у которого количественное значение оказывается "одним из главных" (с. 194). Однако распространение окончания *-у* на существительные со значени-ем неисчисляемости происходило первоначально в тесной связи с наличием у этих существительных подвижного ударения. Особая акцентная схема служила разграничению форм Р. ед. и дв. После утраты форм двойственного числа акцентологическая специфика класса неисчисляемых снималась, и форма Р. ед. *-у* оказалась особенно продуктивной среди отглагольных новообразований. Важным показателем грамматикализации категории исчисляемости является устранение лексической вариативности форм Р. ед. *-а* и *-у*, которое наблюдается вплоть до XVII в., как автор показывает далее. Но уже во второй половине XVII в. отмечается повторное нарастание лексической вариативности обсуждаемых окончаний, вызванное закреплением за окончанием *-у* партитивного значения и, следовательно, вытеснением этого окончания из других контекстов категории неисчисляемости. На этот период приходится и рост общей тенденции к лексикализации количественных отношений, что ведет к появлению таких лексических пар, как, например, *хлеб* и *хлеба*. Предполагается, с одной стороны, что противопоставление окончаний *-а* и *-у* перестало использоваться как средство выражения категории исчисляемости, потому что оно было ограничено в своем функционировании исключительно одним падежом и только у определенной части существительных мужского рода. По отношению к параллельным, более универсальным средствам выражения этой категории (акцентная схема и лексическое противопоставление по числу) употребление вариантных форм Р. ед. не могло выдержать конкуренции и стало избыточным. Но, с другой стороны, немотивированное противопос-

тавление данных окончаний могло использоваться для повторной грамматикализации в качестве средства выражения одного из частных значений родительного падежа – партитива. Параллельно имела место и новая интерпретация вариантных окончаний Р. множ.: здесь нулевое окончание приобретает в русском языке продуктивность в собственно количественных контекстах (типа *пять апельсинов*).

Глава 3. "История падежной системы" (с. 217–258). Здесь описываются важнейшие процессы влияния категорий рода и числа на систему падежных противопоставлений. Средством выражения категориальных признаков является не только материальное оформление падежных окончаний, но и система падежных оппозиций. Грамматикализация падежных оппозиций ведет к уменьшению грамматической значимости самих окончаний. Категория лица (впоследствии, одушевленности) выражается исключительно посредством противопоставления или совпадения форм Р. и В. Грамматическое функционирование падежных оппозиций наблюдается и в области выражения категорий рода и числа. Автор исходит из того, что развивается особая структура падежных оппозиций для каждого из членов категории рода. Особенно интересными являются, с этой точки зрения, случаи омонимии Р., Д. и М. ед. существительных женского рода. Автор отвергает попытки объяснить данные отношения преобразованиями в области фонетики. Первоначально совпадение этих форм было свойственно склонению существительных типа *кость* и *гость*. По мере того, как происходило сужение этого склонения до существительных женского рода, данная падежная омонимия становилась признаком склонений женского рода в целом и охватывала также существительные на *-а* – больше всего из мягкой, но также и из твердой разновидности. Оказывается, что в ходе обобщения твердой и мягкой разновидностей склонения на *-а* в XIV в. унификация окончаний Р. ед. (ср. *жены* : *землѣ* > *земли*) произошла быстрее, чем унификация окончаний Д. / М. ед. (ср. *женѣ* : *земли* > *землѣ*). Этот факт способствовал многовековому вариативному сосуществованию падежной омонимии *у / к / на земли* и формального противопоставления Р. Автор тщательно описывает распространение этих явлений, сравнивая их с отношениями в склонении согласуемых слов. И в этом случае автор приходит к заключению, что развитие морфологических оппозиций у согласуемых слов определяется процессами в склонении существительных. Но для распространения омонимии Р., Д. и М. ед. у согласуемых слов

было особенно благоприятно, что в области существительных женского рода противопоставлялись две структуры: парадигмы с омонимией этих трех падежей и парадигмы с оппозицией Р. : Д. / М. ед. В структуре падежных окончаний у согласуемых слов имеет место "свертывание" структуры падежных оппозиций существительных женского рода в пользу более редуцированной структуры с трехчленной падежной омонимией. Она получила большое распространение уже со второй половины XV в. В случае полного осуществления падежной омонимии Р., Д. и М. ед. у существительных женского рода и согласующихся с ними слов (как, например, в древневогородском диалекте) формировался структурный показатель всех имен женского рода.

Кроме того, в системе падежных противопоставлений проявляются результаты изменений, свойственных средствам выражения категории рода. Определенное обобщение произошло прежде всего в оформлении плюральных падежных оппозиций. Устранились, с одной стороны, падежные оппозиции в И. и В. множ. существительных мужского рода, в результате чего и структура падежной омонимии среди всех трех членов категории рода приобрела параллелизм. В зависимости от этого, установилось единое окончание *-ые* для этих трех родов в И. / В. множ. согласуемых слов. Но, с другой стороны, в склонении существительных мужского рода осуществилась и формальная дифференциация падежных окончаний – в И. / В. и Т. множ. (ср. *плоды* > *плоды* : *плодами*), что фактически означало усложнение системы падежных оппозиций. Этот процесс также привел к структурному обобщению плюральных парадигм. Он происходил, безусловно, медленнее, чем процессы, основанные на явлениях унификации, и завершился у существительных мужского рода только во второй половине XVII в. У существительных же среднего рода, которым не хватало дополнительного импульса для преодоления собственной падежной омонимии (ср. *окна* : *окны* > *окнами*), новые формы Т. множ. появились еще позже, в начале XVIII в. Внедрение окончания *-ы / -и* Т. множ. в парадигмы склонения на *-а* (автор насчитывает до 30% этого окончания в Брянских письмах XVII в.) показывает высокую степень вариативности соответствующих окончаний на протяжении этого процесса.

Система падежных оппозиций действительно является важным структурным средством, определяющим развитие склонений имен в славянских языках. Аргументация автора относительно причин процессов, охватывающих плюральные парадигмы, является очень

убедительной. См., однако, работу [Hentschel 1992], в которой устанавливаются образцы надежных противопоставлений, охватывающие даже парадигмы единственного и множественного числа (например, *апельсин* И. ед. = Р множ., *профессора* Р ед. = И. множ.). Как уже было отмечено в рецензии, категория падежа может оказывать активное, самостоятельное влияние на материальное оформление окончаний, о чем свидетельствует по крайней мере различная скорость преобразования *-ы > -ами* в Т множ. у существительных мужского и среднего рода, в зависимости от наличия или отсутствия падежного синкретизма с И. / В множ. Желательно было бы более обстоятельное изучение этих отношений, которые представляются здесь как более или менее побочные результаты преобразований других морфологических категорий.

Что удручает в этой книге – это сравнительно большое количество опечаток, особенно в первой половине. К сожалению, недостатки частично распространяются и на библиографию в конце книги отсутствует ссылка на работу [Иорданиди, Крысько 2000], а в списке источников пропущены некоторые из используемых в тексте сокращений. Конечно, всегда находится что-то, что можно сделать еще лучше, и об этом здесь и шла речь. Но будет справедливо оценить рецензируемую работу как в высшей степени обстоятельное исследование, выполненное на очень высоком теоретическом уровне. Автором представлены интересные и оригинальные решения для множества проблем исторической морфологии восточнославянских языков. М.В. Шульга демонстрирует основательное знание как языковых фактов, так и лингвистической литературы. Дiachроническая русистика уже давно нуждается во всесторонних теоретически ориентированных исследованиях, которые учитывали бы всю разнородность возможных принципов морфологических преобразований. Рецензируемая книга отвечает этим требованиям в полной мере. Поэтому хотелось бы пожелать данной работе большого внимания научной общественности и заинтересованной дискуссии.

- Винтер 1982 – В *Винтер* О маркированности, соответствии норме и "естественности" // ВЯ. 1982. № 4.
- Дресслер 1986 – В.У. *Дресслер*. Об объяснительной силе естественной морфологии // ВЯ. 1986. № 5.
- Иорданиди, Крысько 2000 – С.И. *Иорданиди*, В.Б. *Крысько* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I: Множественное число именного склонения М, 2000
- Исаченко 1961 – А.В. *Исаченко* О грамматическом значении // ВЯ. 1961. № 1.
- Мещерский 1974 – Н.А. *Мещерский* (ред.) Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв. Л., 1974
- Andersen 1969 – H. *Andersen* The peripheral plural desinences in East Slavic // *International journal of Slavic linguistics and poetics*. V 12. 1969.
- Corbett 1991 – G.C. *Corbett* Gender. Cambridge, 1991.
- Derganc 1988 – A. *Derganc* On the history of the dual in Slovene and Russian // *Wiener slavistischer Almanach*. Bd. 22. 1988
- Hentschel 1992 – G. *Hentschel* Роль схем формальной дифференциации в историческом развитии флективной системы русского существительного // *RLing* V 15. 1992
- Hentschel, Menzel 2002 – G. *Hentschel*, Th. *Menzel*. Marker productivity, structural preferences and frequency. observations about morphological change in Slavonic languages // *Indogermanische Forschungen*. Bd 107. 2002.
- Jakobson 1957 – R. *Jakobson* The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns // *Scando-Slavica*. V 3 1957.
- Kucała 1971 – M. *Kucała* Zanikanie kategorii zywotnosci-miezywotnosci w jednej z gwar polskich // *Studia z filologii polskiej i slowianskiej*. T. 10 1971.
- Menzel 2000 – Th. *Menzel* Flexionsmorphologischer Wandel im Polnischen. Eine naturlichkeitstheoretische Untersuchung auf allgemeinslavischem Hintergrund. Oldenburg, 2000.

Т Менцель

Л.Л. Касаткина. Фонетика современного русского литературного языка. М · Изд-во МГУ, 2003. 224 с.

О русской фонетике для студентов писали многие ученые. Только во второй половине XX века это были А.А. Реформатский, Р. И. Аванесов, М.В. Панов и др. Учебное пособие по фонетике современного русского литера-

турного языка Л.Л. Касаткина тоже написано не только для преподавателей, но и для студентов. Уровень доступности изложения, на наш взгляд, значительно выше, чем у других аналогичных пособий, издававшихся в послед-

ние годы Автор сохранил ясность и стройность изложения, которые были присущи и предыдущим его учебникам по фонетике.

Разделы пособия традиционны. "Фонетика", "Орфоэпия", "Теория письма" – и соответствуют программе филологических факультетов университетов. Понятно, что наиболее обширная часть посвящена фонетике. Здесь выделяются такие разделы: "Предмет фонетики", "Звуки русского языка", "Слог", "Ударение", "Интонация", "Фонология", "Фонетические чередования звуков русского языка", "Фонологическая система русского литературного языка".

Наряду с артикуляционной и акустической фонетикой, Касаткин в качестве особого направления выделяет перцептивную фонетику.

В учебниках по фонетике не принято обращать внимание на фонетическую транскрипцию, по умолчанию предполагается, что эта задача – сугубо техническая, которую в каждом вузе решают самостоятельно в соответствии со сложившимися традициями. Л.Л. Касаткин особо останавливается на фонетической транскрипции, которую он использует в пособии. В его транскрипции не используются буквы *ъ* и *ь*. Автор указывает на то, что «буква *ъ* не соответствует в этом случае (в транскрипции. – А С) ее значению в современной русской графике "разделительного знака"». (с. 27) Вместо *ъ* для обозначения звука среднего ряда, среднего подъема предлагается использовать знак международной фонетической транскрипции [ə] – 'шва'. Этот знак, напомним, предпочитал использовать и А.А. Реформатский. Тем не менее отказ от "родного" [ъ] вряд ли является обоснованным. Знаки транскрипции по своей функции вовсе не должны соотноситься с соответствующими функциями букв. Сам факт присутствия *ъ* в транскрипции напоминает студентам, что орфография и транскрипция – вещи разные, что в транскрипции функции букв иные, чем в орфографии. Правда, и Касаткину не удалось целиком изгнать *ъ* из своего пособия. Так, на странице 52 в схеме слоговой структуры слово *попрыгунья* затранскрибировано как [пъпрыгун'джъ].

Больше оснований для изгнания из транскрипции знака *ь* Действительно, с помощью этого знака лингвисты обозначали зачастую разные звуки. М.В. Панов предлагал [ъ] заменить последовательно на [и]. Тогда транскрипция слова *берега* выглядит так: [б'иp'ига]. Л.Л. Касаткин предлагает уточнить характер звука в безударном положении и предлагает такую транскрипцию, как [б'и³p'и³га]. «Этот звук называют "[и] открытым", в более точной транскрипции это [и³

(или [и]), т.е. '[и], склонный к [э]»» (с. 36). С подобным решением хочется поспорить. Любая, даже самая точная транскрипция не может избежать упрощений. Эти упрощения во всей системе должны быть пропорциональны. Иначе говоря, если в каком-то случае вы отказываетесь от передачи в транскрипции одних незначительных оттенков произношения, то в пределах той же системы транскрипции не следует передавать другие оттенки, столь же незначительные. Думается, что различия между безударными гласными в первой и во второй позициях в слове *берега* не менее значимо, чем различие между ударным [и] и [и] в первом предударном слоге. Поэтому, на взгляд рецензента, лучше во всех случаях оставить знак [и] или вернуть в транскрипцию "изгнанный" [ъ]. Еще один аргумент в пользу предлагаемого решения: студентов учат противопоставлять такие понятия, как *иканье* и *эканье*. При общераспространенном подходе "иканье – это произношение на *и* в первом предударном слоге", в предлагаемом варианте в этом случае необходимы оговорки, которые и делаются в пособии: "В современном русском литературном языке господствует *иканье*, т.е. совпадение в первом предударном слоге после мягких согласных всех гласных фонем, кроме /y/, в звуке [и], точнее [и³]" (с. 170). Конечно, ударное и безударные [и] – это разные звуки, но в транскрипции они различаются уже тем, что над одним из них стоит знак ударения, а над другим отсутствует. Не так давно появилась новая аббревиатура – ЕГЭ (единый государственный экзамен). Как правило, произносят ее с чистейшим [и] в первом слоге – [игэ], склонность [и] к [э] в произношении отсутствует.

Звук на месте фонем /a/ и /o/ в первом предударном слоге Л.Л. Касаткин предлагает передавать с помощью знака [a³]: [ва³дá]. Специально оговаривается, что этот звук отличается от того, который обозначается знаком международного фонетического алфавита, а именно от звука [ʌ]. Звук [a³] – среднего ряда, средне-нижнего подъема, тогда как [ʌ] – средне-заднего ряда того же подъема. Кажется, что и в этом случае дополнительная диакритика вряд ли целесообразна, тем более что в ряде случаев в пособии даются транскрипции без предлагаемой диакритики: [даjʊ] (с. 28), [ва³дá] (с. 211). Сам Касаткин замечает, что "обычно не отмечается в транскрипции и различие между ударным и безударным [y]. . в действительности при произношении безударного [y] язык не доходит до крайнего верхнего положения, место такого гласного в верхне-среднем ряду. Более точная транскрипция его [y⁰]" (с. 39). Вероятно, следовало бы

оговорить, что все безударные гласные менее "выразительны", чем ударные, поэтому они стремятся от краев таблицы гласных к центру: [и] становится ближе к [э], [а] – ближе к [э], а [у] – к [о]. Тогда это будут те же [и], [а] и [у], но функционирующие в безударной позиции.

К сожалению, в пособии не приведено примеров транскрипции связного текста. Сам факт транскрипции связного текста крупным ученым представляет научную и эстетическую ценность. Мы имеем транскрипцию от И.А. Бодуэна де Куртене, от Р. Кошутича, от Н.Н. Дурново – Д.Н. Ушакова, от Р.И. Аванесова – В.Н. Сидорова, просто от Р.И. Аванесова, хорошо бы иметь транскрипцию и от Л.Л. Касаткина.

Интонация – это раздел, который студенты (да и преподаватели) понимают хуже всего. Л.Л. Касаткиным выделяются такие суперсегментные единицы, как фраза, фонетическая синтагма, фонетическое слово, слог. Интонация способствует членению на фонетические синтагмы и фразы. Особый раздел посвящен теории интонации в изложении Е.А. Брызгуновой. Очевидно, что интонационные конструкции (ИК) описывают именно фонетические синтагмы (в другой терминологии – фонетические такты). За пределами рассмотрения остаются интонационные средства фразы как таковой, хотя утверждается, что она объединена особой интонацией и фразовым ударением. Фонетическая природа и того, и другого остается неопианной. Принимая несовершенство многих подходов в отношении интонации, автор признает, что целый ряд вопросов интоналогии еще не решен, это дело будущего. С этим следует согласиться.

Л.Л. Касаткин – представитель Московской фонологической школы (МФШ). Эта школа, лишенная догматизма, в XX в. предложила такое количество разных подходов к проблемам фонологии, что от фонолога уровня Л.Л. Касаткина ждешь новые подходы и неожиданные решения. Пособие Л.Л. Касаткина не обманывает этих ожиданий читателя. Одним из первых в учебной литературе Л.Л. Касаткин стал различать звук речи, как индивидуальное употребление, звук языка, как типизированный звуковой тип, и фонему, как минимальную единицу языка.

Проблема соотношения звука и фонемы в литературе решается по-разному. Отдавая приоритет фонеме, автор совершенно справедливо пишет: "Без знания языка, его фонемного состава, невозможно разделить звуковой поток на отрезки, соответствующие звукам" (с. 92). Думается, что эта мысль должна быть едва ли не центральной при из-

ложении соотношения звука и фонемы. Примечательно, что в пособии читатель не найдет как такового определения звука. Самое полное из обнаруженных нами звучит так: "Звук – наименьшая сегментная единица" (с. 30). Более полное и содержательное определение звука без соотношения его с фонемой вряд ли возможно. Если перефразировать раннего И.А. Бодуэна де Куртене применительно к началу XXI века, то можно сказать, что звук – это физический эквивалент фонемы, и без соотношения с фонемой он не может быть вычленен из звуковой цепи.

Для описания фонологических единиц русского языка Л.Л. Касаткин использует следующие понятия: доминанта, вариация, вариант, аллофон, архифонема, гиперфонема, морфонема и суперфонема. Доминанта – это основной вид фонемы. Общепринятого термина для обозначения этого понятия пока нет.

Обычно архифонема и гиперфонема воспринимаются как терминологические варианты для обозначения одного и того же понятия, но первый термин принят в Пражской фонологической школе, а второй – в Московской. Л.Л. Касаткин использует оба понятия, давая каждому свое собственное наполнение. Архифонема – "языковая единица, представленная всем рядом позиционно чередующихся звуков, составляющая общую часть нейтрализованных фонем" (с. 107). "В отличие от фонемы и архифонемы, которые являются единицами фонетического яруса языка, гиперфонема – это единица, характеризующая фонемный состав отдельных морфем" (с. 115). Иначе говоря, в слове *козъба* имеется архифонема /с'-з'/, но нет гиперфонемы /с'z'/, так как фонемный состав слова /коз'ба/. В слове *здесь* имеются и архифонемы (в начале слова архифонема /с-з-с'-з'/, в конце слова – /с'-з'/) и гиперфонемы /clzlc'z'd'эс'z'/. В фонемной транскрипции, стало быть, необходимо отображать гиперфонему, так как именно она характеризует фонемный состав отдельных морфем, но иногда требуется обозначить и архифонему, тогда одна система обозначений может быть наложена на другую. Слово *здесь* может быть обозначено следующим образом: /Clzlc'z'd'эс'z'/, а слово *козъба* так – /коз'ба/. Таким образом, от студента можно будет добавиться последовательного различения архифонем и гиперфонем.

Учебное пособие названо "Фонетика современного русского *литературного* (курсив наш. – А.С.) языка". Л.Л. Касаткин известен прежде всего как диалектолог, поэтому читатель, открывающий пособие, находится в ожидании того, когда же автор не выдержит и выйдет за пределы фонетики именно литера-

турного языка. Ожидание не обманывается: при обсуждении проблем слогоделения появляется ссылка на русские говоры (с. 64), такие же ссылки возникают при описании позиционных чередований (с. 94). Такие отступления надо всячески приветствовать, так как студенты должны хорошо понимать, что фонетическая система русского литературного языка является только одной из возможных реализаций русского языка.

Автор рецензируемой книги вводит в свое описание понятие оппозиции, которое исторически сформировалось в рамках другой фонологической школы – Пражской. Наверное, первым, кто "примерил" учение об оппозициях к теории МФШ, был А.А. Реформатский: во "Введении в языкознание" 1960 года издания у него появляется фрагмент, посвященный классификации видов оппозиций. Он различает некоррелятивные (типа /а/ – /п/) и коррелятивные оппозиции. Среди коррелятивных выделяются "замкнутые" (типа /т/ – /д/) и "незамкнутые", включающие в себя "ступенчатые" (/у/ – /ю/ – /ю/ в норвежском) и "неступенчатые": "цепочки" (/п/ – /т/ – /к/) и "пучки" (/т/ – /ц/ – /с/) [Реформатский 1960: 181, 182]. М.В. Панов в работах, предназначенных для студентов, не рассматривал теорию оппозиций. Иногда он использовал ее при анализе конкретных языковых фактов. При изложении теории оппозиций Л.Л. Касаткин в основном следует Н.С. Трубецкому, различая одномерные и многомерные, пропорциональные и непропорциональные оппозиции. По равноправности или неравноправности фонем различаются привативные и эквивалентные оппозиции. Несколько удивляет отсутствие градуальных оппозиций. Фонологи их явно не любят, так как градуальные оппозиции разрушают стройность многих решений. Стремлением избавиться от градуальных оппозиций во многом порождена и дихотомическая классификация Р.О. Якобсона, М. Халле и Г.М. Фанта. Сам Н.С. Трубецкой высказывался об этом типе оппозиций весьма скептически: "Градуальные оппозиции сравнительно редки и не столь важны, как привативные" [Трубецкой 1960: 83]. Думается, что изъятие градуальных оппозиций обедняет наше представление о фонологических отношениях. Так, по нашим предположениям, русский вокализм построен на противопоставлении двух градуальных оппозиций: по подъему (нижний, средний, верхний) и по степени лабиализации (нелабиализованный, слабо лабиализованный и сильно лабиализованный), при таком подходе решается проблема позиционного поведения русского безударного вокализма.

В любом новом учебном пособии по фонетике с особым трепетом читаешь раздел ор-

фоэпии. В каждом из нас сидит школьник, воспитанный на системе запретов, в том числе и орфоэпических. Поэтому с интересом читаешь о том, что уже разрешено, а что еще находится под запретом. Л.Л. Касаткин по своим основным научным интересам – диалектолог, а диалектология – противница всякой регламентации. Именно поэтому в его орфоэпии нет "запретных" разделов: обсуждает старшая и младшая норма, но нет "неправильной нормы" (оксюморон. – А.С.). Нигде не сказано, что так-то и так-то говорить запрещено. Такую позицию ученого Л.Л. Касаткина надо приветствовать, а педагогу Л.Л. Касаткину пожелать, чтобы раздел о наиболее частых отклонениях от орфоэпической нормы все-таки появился в следующем издании пособия. Можно надеяться, что он будет написан с присущим Л.Л. Касаткину педагогическим тактом.

Явный "орфоэпический" прорыв можно отметить при рассмотрении реализации звука на месте *e* в первом предударном слоге после твердых согласных и в начале слова. Л.Л. Касаткин считает, что произносят [и^э]волюция, [и^э]кзáмен, ат[ы^э]лье, бут[ы^э]рбрóд (с. 184), и признает такое произношение вполне нормативным. Р.И. Аванесов настаивал на произношении ат[э^а]лье, [э]кзáмен и т.п., произношение, допускаемое Л.Л. Касаткиным, он считал неправильным и специально оговаривал это [Аванесов 1984: 221, 222]. Как бы ни нравился иногда [и^э]кзáмен, нам следует признать его как свершившийся орфоэпический факт. Сегодня в литературной речи противопоставляется не только "экающая" и "икающая" нормы, но и "экающая" и "ыкающая". Эта норма касается произношения после твердых согласных: одни не различают /и/ и /э/ в первой позиции после твердых согласных и говорят бут[ы^э]рбрóд и бут[ы^э]лье, другие склонны противопоставлять эти позиции и говорить бут[э]рбрóд и буг[ы]лье. Кажется, что фонетическая реальность находится между этими типами произношения: нейтрализация /и/ и /э/ в этой позиции еще окончательно не завершена, но противопоставление уже в явном виде не присутствует в речи большинства говорящих: мы еще хотим сказать бут[э]рбрóд, но уже все чаще произносим бут[ы^э]рбрóд. Эти два типа произношения оказались фонологически не зафиксированы. Р.И. Аванесов в своих орфоэпических рекомендациях предлагал противопоставлять в этой позиции /и/ и /э/, однако в его фонологической системе /э/ в данной позиции вообще отсутствовало. Сказался "историзм" Р. И. Аванесова: иноязычные слова, даже такие усвоенные, как *бутерброд*, не рассматривались среди

слов русского языка. Иначе поступает Л.Л. Касаткин: в своих фонологических решениях он не упоминает авансовский тип произношения и остается только с *бу[ы]рбрóдом*. Думается, что обе фонологические системы безударного вокализма должны получить отражение в описании как сосуществующие в литературном языке.

В разделе "Орфоэпия" автор описывает и фонетику РЯ (разговорного языка). При таком решении весь раздел лучше было назвать "Орфоэпия и социофонетика", так как РЯ и литературная норма – это две вещи несовместимые. РЯ не принадлежит орфоэпии, он только и существует благодаря тому, что умело маскируется от нормализаторского ока, в том числе и от орфоэпистов. "Разговорность" может иметь разную глубину. Так, и произношение [здра́ст'ъ] и произношение [за́ст'] оцениваются как разговорные, но второе, конечно, более "разговорно". Также и с другими фонетическими приметами РЯ: одни из них, как говорится, "случаются" в нейтральный стиль, другие находятся на периферии языкового сознания, в том числе и лингвистического. Произношение [э] на месте /и/ в таких случаях, как б[э]т^{ов}ой, р[э]са^ки и др. – это уже преддверие нейтрального стиля произношения. С другой стороны, появление [и] на месте [э] в словах типа *оде́ли* – од[и]ли, *се́рия* – с[и]рия и др. представляет собой типичную глубинную разговорность. Действительно, если студент записывает слово *бытовой* как б[э]т^{ов}ой, преподаватель, как правило, поморщится, но не сочтет это за ошибку. Появление транскрипции од[и]ли вместо од[э]ли однозначно будет оценено как ошибочное (конечно, если перед студентом не поставлена задача передать именно разговорное произношение). Поэтому те приметы "разговорности", которые приведены на страницах 166–170, хорошо бы было ранжировать по степени удаленности от нейтрального стиля произношения.

Г.М. Керт. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). Петрозаводск, 2002. 187 с.; **Г.М. Керт.** Очерки по карельскому языку: Исследования и размышления. Петрозаводск, 2002. 111 с.; **Прибалтийско-финское языкознание.** Сборник статей, посвященный 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003. 221 с.

В 2002 г. вышла работа Г.М. Керта по прибалтийско-финской и русской топонимии "Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская)", издание которой осуществлено на грант РГНФ и Правительства Республики Карелия. Г.М. Керт широко известен в России и за рубежом как крупнейший специалист по прибалтийско-финским языкам, а

Большое внимание в пособии уделено ударению в различных частях речи. Традиционно этот материал не включался в фонетические описания. Академические грамматики рассматривают его в разделе морфологии, однако в реальном преподавании до него, как правило, не доходят и в процессе преподавания морфологии. Автор рецензии впервые столкнулся с акцентологическими проблемами в русских частях речи только тогда, когда ему пришлось обучать иностранных студентов русскому языку. Поэтому если в учебном процессе на этот раздел пока никто не претендует, то пусть он будет рассмотрен в фонетике.

Л.Л. Касаткин – решительный сторонник реформы орфографии в том виде, в каком она намечалась в 1964 году. Он очень подробно и сочувственно говорит о тех правилах, которыми пишущие на русском языке могли бы пользоваться в течение 40 лет, но увы, общество пока не готово к изменениям в области орфографии.

Учебное пособие Л.Л. Касаткина охватывает все разделы программы по фонетике и, на наш взгляд, имеет право называться не пособием, а учебником, чем оно реально и является. Сегодня мы живем в эпоху, когда студенты России изучают фонетику в основном "по Касаткину". То, что фонетика Касаткина издана под грифом МГУ, является лучшим тому доказательством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1984 – *Р.И. Аванесов.* Русское литературное произношение. М., 1984.
Реформатский 1960 – *А.А. Реформатский.* Введение в языкознание. М., 1960.
Трубецкой 1960 – *Н.С. Трубецкой.* Основы фонологии. М., 1960.

А.А. Соколянский

также по саамскому языку (недавно был издан юбилейный сборник, посвященный 80-летию Г.М. Керта "Прибалтийско-финское языкознание"). В этой книге излагаются основные признаки топонима, его отличие от имени нарицательного; акцентируется внимание читателя на значении топонимии в решении этногенетических проблем: благодаря топонимии можно определить ареалы древнего

расселения индоевропейских и уральских народов. Автор отмечает лавинообразное нарастание использования топонимов в научных исследованиях, что привело к необходимости упорядочить с помощью компьютерных технологий огромный массив топонимического материала, создать структуру описания базы данных прибалтийско-финской и русской топонимии.

Во Введении к книге Г.М. Керт обозревает историю исследования анализируемых языков структурными методами начиная с 1950–1960-х гг., указывает на высокую информативность при решении этногенетических проблем и на основную функцию топонимов – "идентификацию именуемых объектов среди других" (с. 12). Он отмечает первоочередную задачу топонимической науки – "создание нормализованного, канонического, непротиворечивого свода употребляемых топонимов (в отличие от картографической топонимии. – А.К.), которым могли бы пользоваться государственные и муниципальные службы, а также учреждения связи, транспорта, средства массовой информации и пр." (с. 15). Особое внимание автор обращает на "долгожительство" топонимов, благодаря чему удается идентифицировать языковую принадлежность этноса, в частности, можно говорить о финно-угорском субстрате Европейского Севера России. Вместе с тем, Г.М. Керт констатирует, что "фантастически широкий ареал распространения саамской топонимии до сих пор загадка для исследователей" (с. 19). Во Введении рассматривается также специфика топонима как лексической единицы по отношению к апеллативу, проявляющаяся в семантике, словообразовательных моделях, способах соединения компонентов, принципах номинации и т.п. Введение заканчивается описанием принципов формализации материала: топоним обладает суммой твердо заданных признаков, которые можно формализовать. Это признаки графические, структурные, семантические и географические. В результате в работе получен прототип информационного компьютерного банка данных для хранения многоцелевой обработки топонимии (русской, прибалтийско-финской и саамской). Структура описания топонимии такова, что позволяет удовлетворять запросы различного рода пользователей: по практическому применению топонимии: топоним имеет около 20 зон словарной статьи с описанием дескрипций в них.

Основная часть книги содержит три главы, в каждой из которых даются результаты компьютерной обработки саамской (глава I: с. 44–68), прибалтийско-финской (глава II:

с. 69–97) и русской (глава III: с. 98–122) топонимии с точки зрения морфолого-синтаксической структуры топонимов и семантики их компонентов. В этих главах представлен богатый фактический материал, данный по многочисленным рубрикам, например, в главе I (с. 49) структура описания имеет следующий вид: "1. Номер топонима (в алфавитном порядке), 2. Топоним, 3. Язык представления, 4. Однокомпонентный, 5. Количество компонентов, 6. Диминутив, 7. Детерминант, 8. Отглагольная конструкция, 9. Адъективная конструкция, 10. Аналитическая конструкция, 11. Семантическая формула, 12. Пункт сбора материала (источник)". Во всех трех главах обильный материал хорошо комментирован и статистически обработан. Глава IV (с. 123–136), названная "Общие задачи исследования", представляет собой выводы, на основании которых раскрываются перспективы дальнейшей работы. Глава написана на русском (с. 123–125) и затем на английском (в виде Summary) языке (с. 126–136).

Проделанная работа и собранные материалы, которые можно и нужно пополнять новыми, позволят при использовании ЭВМ выявить субстратный слой топонимии, его специфические особенности, ареал распространения ядерных и периферийных зон. Г.М. Керт считает, что исследование ареалов смещения топонимии, выявление принципов адаптации топонимии разносистемных языков даст возможность проследить исторические пути освоения этносом территории данного ареала. В дополнение к приведенным задачам, стоящим перед исследователями топонимов, в последней главе названы такие, как определение абсолютных и относительных частот топонимов в каждом языке на единицу площади, установление топонимических изоглоссоднотипных явлений в семантике и структуре, исследование соотношения топонимной и апеллативной лексики по ареалам и регионам и т.п. В заключение автор рецензируемой монографии выражает надежду, что путем наложения сетки археологической культуры на топонимную можно выявить закономерность появления топонимов в местах расположения тех или иных этносов.

Наконец, следует упомянуть о двух приложениях и двух таблицах в конце книги, помещенных после значительной по объему библиографии (с. 137–143). Приложение 1 (с. 145–167) "Алфавитный регистр саамской топонимной лексики" является своего рода словарем компонентов саамских топонимов с переводом каждого компонента на русский язык, с указанием количества компонентов и отнесением их к определенному классу поня-

тий ('семантической формуле'), представленному в тезаурусе Р Халлига и В Вартбурга (с 53–55) Приложение 2 Алфавитный регистр понятий на русском языке саамской топонимной лексики (с 168–186) имеет русский ввод за которым следует саамское соответствие и сокращения, далеко не всегда, к сожалению, поддающиеся расшифровке

Топонимы часто привлекали внимание Г.М Керга о чем свидетельствуют и 'Очерки по карельскому языку' с подзаголовком "Исследования и размышления" (Петрозаводск, 2002), в которых есть статья "Заметки по топонимии" о параллельном сосуществовании карельских и русских названий-топонимов, сведения о сельской и городской топонимии республики. Правда остальные статьи данной книги, посвященной памяти Д.В. Бубриха, не связаны с топонимической тематикой Здесь есть очерк о карельском языке и его взаимодействиях с другими языками и о памятниках письменности карельского языка статья о карельской диалектологии, в которой говорится о работе Д.В. Бубриха над диалектологическим атласом карельского языка, и о самом Бубрихе (статья "Величие и трагедия таланта представляющая собой воспоминания об учителе).

Как уже говорилось, в 2003 г был издан юбилейный сборник 'Прибалтийско-финское языкознание', который открывается статьями по проблемам ономастики и первая из них – статья Марье Йоалайд Об этимологии фамилии Керг' Статья А.В. Сулержанской 'Титаническая работа поколений рассказывает об агнонимах – именах святых, написание и произношение имен которых не вполне соответствовало произносительным навыкам русского населения, в связи с чем церковные имена претерпели ряд изменений, приспособляясь к местному произношению Значительно больше статей по топонимии А.К. Матвеев в статье Основа *челм*- и ее корреляты в субстратной топонимии русского севера' на обширном материале, собранном в ходе многолетних экспедиций уточняет существующие этимологии аппеллятива *челма*, употребляющегося прежде всего в значении "пролив" Есть в сборнике две статьи о топонимах Валаама – статья И.И. Муллонен "Карельская топонимия Валаама" и статья Л.В. Михайловой "К истории топонимии Валаама" В работе Д.В. Кузьмина 'Истоки форманта *-zina* в карельской топонимии' анализируется редкая, по свидетельству автора, структурная модель, проникшая в карельскую топонимию из русской (формант *-щина*) А.Г. Мусанов в статье Потамоимны республики Коми пишет о гидронимах бассейнов рек Печоры, Вычегды,

Мезени, а также бассейна южной части республики, рек Луза и Летка 'Марийские географические термины, связанные с обозначением истока и устья реки' рассматриваются в статье И.С. Галкина, а Этнические связи луговых и горных мари по данным топонимики раскрыты в статье О.П. Воронцовой Объектом анализа в статье Н.Н. Мамонтовой стали населенные пункты Карелии ("Карельская ойконимия состояние, проблемы, перспективы")

На фоне перечисленных 10 статей по антропонимике и топонимике выделяется статья-одиночка, посвященная астрономическим наименованиям Это статья М.Э. Рут «Некоторые наблюдения над русскими "Бабами и саамскими Девушками в народной астрономии», прочитываемая на одном дыхании, как удачное художественное произведение

Проблемам грамматики посвящены статьи Н.Г. Зайцевой ('Триада возвратного спряжения в вепском языке') и П.М. Зайкова (Оппозиция геминированных и негеминированных аффиксов в диалектах карельского языка) В статье Н.А. Лысковой Концепция глубинных падежей в обско-угорских языках дается список типовых ролей, который еще не закрыт и которых она насчитывает 28 в рассматриваемых языках По признанию самого автора, система аргументов в обско-угорском предложении содержит и спорные моменты, и некоторые противоречия' (с 122) Самокритика вполне справедлива' Сложноподчиненные предложения в эрзянском языке на материале романа А. Мартынова 'Розень киш' ('Ржаной хлеб' – А.К.) рассматриваются в статье О.Ю. Бояркиной К грамматической тематике относится и статья А.С. Герда Об одном рефлексе былой интерференции (карельское *no* – русское *но*), в которой высказана интересная гипотеза о происхождении этого грамматического слова

В восьми статьях проводится анализ лексики Это статьи Ю.Э. Коппалевой Освоение иноязычных названий в процессе формирования диалектной лексики флоры (на материале финских говоров Ингерманландии)", Р.И. Акашкиной Термины родства в мокшанской свадебной поэзии' В последней речи идет не только о терминах родства, но и свойства, что не получило отражения в заглавии Интересной является в статье констатация синкретизма значений родства и свойства, на что автор, впрочем, не обратила внимания Между тем для финно-угорских языков характерно наличие сиблингов' В данном случае это наблюдается, судя по приведенным примерам, лишь в слове *рвыня* (ср эрзянское *урьва* сноха) 'невеста, невестка, сноха'

Д В Цыганкин в статье 'О лексике пространственной ориентации в мордовских языках характеризует выбранную им для анализа лексику не только с семантической точки зрения, но касается также процессов адвербализации существительных, их полной грамматикализации при переходе в разряд послелогов и т п В статье В П Федотовой «О словаре "Дескриптивные глаголы в карельском языке"» предметом анализа стала звукообразовательная лексика, включая и звукоподражательную Словарь вышел в 2002 г в Петрозаводске, содержит около 1000 слов с "дескриптивным значением Судя по всему автору статьи плохо знакома богатая специальная литература по данной теме Между тем материал, представленный в статье, должен вызвать большой интерес всех, кто интересуется этим пластом лексики в любом языке Статья Т И Янгайкиной посвящена антонимам в романе И Девина 'Нардише', в работе В В Рогозиной говорится о деформации фразеологических единиц в вепском языке, М Ю Семенова исследует звуковую стилистику финно-угорских языков («Анализ подходов к термину аллитерация при изучении фольклорных текстов финно-угорских языков») В статье А П Феоктистова Об экспрессивных свойствах орнитонимов в мордовском фольклоре орнитонимы рассматриваются как слова-символы, слова-метафоры Автор говорит о полисемии названий птиц о той невидимой связи между номинацией птиц и традиционными представлениями и поверьями носителей прамордовской речи, которая установилась в глубокой древности

Три статьи сборника относятся к историографии лингвистики Они посвящены вопросам перевода церковной

литературы на финно-угорские языки В Д Рягов «Начин перевода Евангелия от Матфея на олонеецкое наречие карельского языка», Е В Захаров Перевод литургических текстов на финский язык как филологическая проблема», М В Пулюкин "Языковые проблемы в деятельности Карельского православного братства (1907–1917 гг)" Все три статьи знакомят читателя с мало известными фактами не только истории языкознания в России, но и истории финно-угорских народов

В сборнике содержатся и статьи по социолингвистике, написанные лингвистами живущими в Карелии и знающими изнутри языковую ситуацию в республике, а не только по официальной литературе Это статьи С В Ковалевой К анализу субъективных параметров языковой ситуации" и Е И Клементьева 'Вепсы современная этноязыковая ситуация Завершает сборник статья историка К Н Санукова Репрессирование финно-угорской интеллигенции в СССР в 1930-х годах

Юбилейные сборники всегда отличаются большой спецификой как по составу его участников, так и по тематике Тем не менее, они всегда позволяют увидеть, какие лингвистические темы вызывают наибольший интерес у той или иной части языковедов, а главное, – каков уровень знания в выбранной ими области Рецензируемая книга вводит в научный обиход новый материал по финно-угорским языкам, достоверность и высокое качество которого неоспоримы, позволяет получить представление о специфике современного финно-угроведения

А И Кузнецова

B.D. Joseph, R.D. Janda (eds.) The handbook of historical linguistics. Oxford Blackwell Publishers, 2003 xxviii + 882 p

'Руководство по исторической лингвистике' – коллективный труд, значительный не только по объему, но и прежде всего по широте охвата материала и теоретической глубине его интерпретации – вышло в серии аналогичных сборников издательства Blackwell Publishers Ранее в этой серии выходили руководства ' по фонетике, фонологической теории, морфологии, синтаксической теории семантической теории, дискурсивному анализу, детской речи, усвоению второго языка и др направлениям современных исследований Издания данного рода не являются учебниками, тем более учебниками для начинающих – как правило, их чтение требует не толь-

ко базовой лингвистической подготовки, но и общего представления о современных научных теориях Написаны они ведущими западными специалистами в соответствующих областях и представляют панораму существующих подходов к исследованию ключевых проблем того или иного направления в науке о языке

Сборник о котором идет речь, включает Введение и 25 разделов, сгруппированных в шесть частей (в среднем по четыре раздела в каждой части) Общая композиция книги такова сначала дается характеристика методов сравнительно-исторического исследования, затем рассматриваются конкретные типы

языковых изменений в различных областях грамматики (т.е. соответственно, фонетические, морфологические, синтаксические и семантические) и, наконец, в заключительной части анализируются причины языковых изменений. Существенно, при этом, что в каждой части представлено несколько альтернативных точек зрения на ту или иную проблему: слово представляется как сторонникам "формального" подхода к описанию языка, так и "функционалистам" (причем и в рамках каждого из этих основных направлений имеются разные мнения по поводу интерпретации некоторых явлений). Помимо традиционных для сравнительно-исторического языкознания подходов в сборнике освещаются и некоторые области исследований, получившие бурное развитие в последние десятилетия – например, довольно подробно обсуждается роль процессов грамматикализации в истории языка, а также приводятся примеры анализа вариативности языковых структур при помощи статистических методик (variationism).

Авторами разделов являются 26 ученых, большинство из которых хорошо известно и у нас в стране; главным образом это исследователи, работающие в университетах США (помимо них представлены лингвисты из Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Германии и Австрии). Многие из них являются не только (или даже не столько) специалистами по исторической лингвистике, но и ведущими представителями различных современных лингвистических школ. Такой подбор авторов позволил обеспечить как широкий панораму мнений по теоретическим вопросам, так и значительное разнообразие иллюстративного языкового материала – к общему признанию привлекаются отнюдь не только данные индоевропейских языков, но и множества других семей (в т.ч. австронезийской, картвельской, нахско-дагестанской, алгонкинской, эскимосско-алеутской, банту и др.). Обратимся теперь к содержанию разделов сборника.

Первая часть представляет собой обширное (180 стр.) введение редакторов Р. Янды и Б. Джозефа "О языке, изменениях и языковых изменениях – или, об истории, лингвистике и исторической лингвистике". Стиль изложения этой части значительно отличается от стиля всех последующих частей (чего стоят одни только многочисленные эпиграфы ко всем разделам и примечания на 50 страницах). При том, что авторы демонстрируют редкую эрудицию не только в области исторической лингвистики, но и в философии, истории, литературе и естественных науках (особенно ге-

ологии и биологии). Эта часть, пожалуй, излишне перегружена подробностями и цитатами и представляется затянутой. Среди тем, обсуждаемых авторами – изначальная неполнота исторических данных в лингвистике, статус метафоры "живого организма" применительно к языку, принцип единообразия протекания исторических процессов, или так называемый "принцип униформности (uniformitarianism)", проблема континуального (непрерывного) vs. дисконтинуального распространения языковых изменений, соотношение периодов стабильности и "катастрофических изменений" в истории языка и пр. Представлена в общих чертах проблематика дальнейших разделов, а также указано, какие темы остались за пределами сборника: это, например, происхождение языка, диахроническая прагматика, просодическая реконструкция, глоттохронология, лингвистическая палеонтология. Некоторые из этих областей слишком обширны и являются по сути междисциплинарными (как происхождение языка или реконструкция протокультуры), другие еще ждут теоретического обобщения имеющихся конкретно-языковых результатов (как акцентная реконструкция), а некоторые – здесь имеется в виду глоттохронология – не могут считаться подлинно научными по своим методологическим основаниям¹.

Вторая часть – "Методы изучения языковых изменений" – открывается статьей Р. Ранглина "Сравнительно-исторический метод". Методика сравнительно-исторических исследований является, по мнению автора, наиболее устойчивой и успешной в языкознании; принципы компаративистики выдержали проверку временем и критические нападки, оставшиеся по сути своей неизменными. Если праиндоевропейская реконструкция является "памятником одному из лучших интеллектуальных достижений XIX века", то в XX веке было показано, что сравнительно-ис-

¹ Последнее утверждение отражает скорее субъективную оценку авторов. Дискуссия относительно глоттохронологии вряд ли может считаться завершенной, о чем говорит хотя бы тот факт, что значительная часть недавнего сборника [Renfrew et al. 2000] посвящена именно обсуждению различных точек зрения по поводу данного метода. Этот сборник включает, в том числе, и перевод статьи [Старостин 1989], в которой предлагается новая версия лексикостатистической процедуры, позволяющая устанавливать время языковой дивергенции более адекватно, чем традиционная формула М. Сводеша.

торический метод может быть в равной степени применен и к бесписьменным языкам в самых разных уголках мира. Действенность сравнительно-исторического метода обеспечивается прежде всего такими характеристиками языка, как произвольность соотношения между значением и фонетической формой (что позволяет звуковым изменениям происходить по своим собственным законам) и регулярность звуковых изменений (что позволяет восстанавливать исходные состояния на базе наблюдаемых). Ранглин подробно разбирает последовательность процедуры реконструкции на разных уровнях (реконструкцию словаря и фонологическую, морфологическую и синтаксическую реконструкцию), а также основные проблемы этой процедуры; в качестве иллюстрации главным образом приводятся примеры из языков семьи сиу в Северной Америке.

"Проблемным вопросам" посвящена специальная статья "Ограниченность сравнительно-исторического метода" Ш.П. Харрисона, специалиста по микронезийским языкам. Задачей сравнительно-исторического метода является установление генетического родства между языками – это означает, что необходимо обнаружить сходства между ними и показать, что наиболее правдоподобным объяснением таких сходств является именно происхождение от общего предка (а не независимое развитие, заимствование и т.п.). Отсюда следует, что сравнительно-исторический метод имеет дело главным образом с наиболее произвольными и конвенциональными языковыми знаками, т.е. индивидуальными лексическими единицами. Родство грамматических объектов (например, парадигм или синтаксических конструкций) не может быть определено при помощи сравнительно-исторического метода – их реконструкция возможна, но лишь после того, как отношения родства установлены и при помощи других методов (например, "развертывания" путей грамматикализации в обратном порядке на основе знаний о типологии диахронических изменений). Однако применение сравнительно-исторического метода оказывается ограниченным и на лексическом материале по крайней мере в двух случаях: а) при большой временной глубине (можно считать, что метод уже неприменим на глубине более 8–10 тыс. лет²); б) в ситуации "смешения" языков в особых социолингвистических условиях (на-

пример, при наличии традиции браков между разными языковыми сообществами). Рассматриваются также аргументы по группировке языков при построении традиционной "древесной" модели дивергенции: при том, что предположения о группировке необходимы для реалистической реконструкции, убедительно доказать предпочтительность одного варианта "дерева" по сравнению с другим практически невозможно. Это не значит, что любые такие попытки бесплодны: просто всегда необходимо помнить, что именно является возможным в рамках метода, а что нет.

Один из вспомогательных методов в исторической лингвистике рассматривается в статье Д. Ринджа "Внутренняя реконструкция". Как подчеркивает автор, этот тип реконструкции менее надежен, чем классический сравнительно-исторический метод, и часто основывается на непроверяемых допущениях, для оценки которых решающими могут быть только внешние данные. Приводится несколько примеров внутренней реконструкции (в основном на материале европейских языков) – например, чередований, возникающих в результате нейтрализации фонем в определенных контекстах (типа конечного оглушения согласных), и чередований, возникающих в результате "расщепления алломорфов", и пр.

В статье Л. Кемпбелла "Как показать, что языки родственны: методы установления дальнего генетического родства" речь идет прежде всего о том, какие ошибки обычно допускаются при реконструкции разного рода гипотетических "макросемей". Желательно основываться на лексических сопоставлениях, причем прежде всего в области базисного словаря; однако и в нем могут обнаружиться заимствования, а при большой временной глубине число лексических замен может оказаться столь велико, что родство обнаружить не удастся. Звуковые соответствия имеют принципиальную важность, хотя бывает трудно отличить соответствия, возникшие благодаря общему происхождению, от соответствий, возникших благодаря заимствованиям; кроме того, не так редки и случайные совпадения. Грамматические соответствия надежны лишь в том случае, если они основаны на общих исключениях или "неправильностях" (типа супплетивизма). Подчеркивается также необходимость строгой эквивалентности значений когнатов, важность мотивированной морфологической сегментации при сравнении, невозможность опираться на звукоподражания, звуко-символическую и "детскую" лексику, недопустимость использова-

² Эта точка зрения может быть оспорена, что и делается, например, в работе [Старостин 1999].

ния внеязыковых свидетельств в качестве основного аргумента и т.п. Нарушение ряда методологических требований иллюстрируется на примере америндской реконструкции Дж. Гринберга, нестратической реконструкции В.М. Иллича-Свитыча и др.

Раздел Дж. Николс 'Разнообразие и стабильность в языке' представляет собой введение в теорию генетической стабильности, разрабатываемую автором. Передача языковых элементов в нормальном случае осуществляется через их наследование (inheritance) языками-потомками от языка-предка. Помимо этого, существует три способа приобретения (acquisition) языковых явлений: в результате заимствования, субстратного влияния или так называемой 'селекции' (процесса, благодаря которому предпочтение отдается наиболее универсальным, немаркированным и взаимогармоничным явлениям). Теория стабильности определяет склонность различных языковых элементов к наследованию, "приобретению" того или иного рода либо к утрате; при этом каждый из четырех типов передачи измеряется в вероятностных терминах (высокая/низкая либо высокая/средняя/низкая вероятность). Основная часть статьи посвящена анализу нескольких языковых явлений в терминах указанных типов. Характеристика дается на примере самых разных семей и макросемей, в том числе в значительной степени на материале языков Кавказа; рассматриваются такие явления, как базисный словарь, личные местоимения, эргативность, фонетическая система и структура слога, числовые классификаторы, категория рода, противоположаемость по инклюзивности, порядок слов. Генетически стабильными являются элементы с высокой вероятностью наследования и низкой вероятностью приобретения; такие элементы сохраняются в семье наиболее долго (ср. личные местоимения). Наиболее "жизнестойкими" являются элементы с высокой вероятностью как наследования, так и приобретения (например, порядок слов SOV). Существуют и 'рецессивные' явления, у которых низка и вероятность наследования, и вероятность заимствования (например, эргативность); такие явления становятся со временем менее и менее частотными в семье или ареале.

Третья часть 'Фонологические изменения' открывает статью П. Кипарского 'Фонологическая основа звуковых изменений', написанной с позиции теории "лексической фонологии", разрабатываемой автором. Ключевую роль в этой концепции играет признаковое представление фонемного состава слов, в том числе принцип

"минимальной спецификации", т.е. отсутствие указания на "избыточные" признаки в случае их выводимости из более общих правил (например, признак 'звонкость' будет иметь у /b/ значение "+", а у /p/ или /t/ специфицирован не будет). Основная идея заключается в том, что звуковые изменения действуют не "слепо", но являются структурно-зависимыми: изменение есть определенный селективный процесс, в ходе которого говорящий из возможных вариантов инноваций отбирает те, которые согласуются с конкретно-языковой фонологической системой. Фонологизации подвергаются те "избыточные" признаки, для которых в фонологическом представлении данного языка есть свой "узел" (например, выпадение согласной приводит к компенсаторному удлинению гласной лишь в случае существования контраста по долготе в языке и т.п.). П. Кипарский рассматривает с позиций данной теории несколько типов изменений, в том числе ситуацию "лексической диффузии" (постепенный охват изменением все большего числа лексем), ассимиляцию, передвижение гласных и пр., приходя к выводу о том, что всем этим случаям его модель дает адекватное объяснение.

Своеобразный критический отзыв на статью П. Кипарского (впервые опубликованную в 1995 г. в другом издании) представляет собой раздел М. Хейла 'Регулярные звуковые изменения'. Автор ставит своей задачей выяснить статус регулярных фонетически обусловленных изменений в понимании младограмматиков с позиции современной (генеративной) теории Универсальной грамматики. Изменение понимается как множество различий между грамматикой Г1, порождающей "исходные языковые данные", и грамматикой Г2, приобретаемой ребенком в процессе усвоения языка на основе этих данных (любое изменение, тем самым, по определению одномоментно, "градуальным" может быть лишь его распространение под влиянием социолингвистических факторов). М. Хейл критикует идею о процессе "оптимизации" или "упрощения" грамматики как причине изменения: так, в основе оглушения конечных согласных лежат экстралингвистические причины (относительно большая трудность артикуляции и меньшая перцептивная значимость), и данное изменение может произойти лишь в случае, если количество "неправильно распознанных" конечных звонких превысит количество "правильно распознанных" (независимо от какой-либо "оптимизации"). Не существует и "структурной зависимости", которая определяет возможные и невозможные изменения: языковая система складывается

как результат многих, в том числе одновременных изменений, так что практически нельзя доказать, что некоторое конкретное изменение при любой комбинации прочих изменений приведет к "невозможной" системе (можно, однако, утверждать, что те или иные ошибки в анализе исходных фонетических данных ребенком невозможны или маловероятны). Вывод Хейла заключается в том, что следует говорить о "диахроническом фильтре", сужающем множество теоретически возможных грамматик: прежде всего речь идет о том, что некоторые ошибки перцептивной системы человека статистически более вероятны, чем другие. При этом поиск тех межъязыковых ограничений, которые объяснимы действием "диахронического фильтра", чрезвычайно важен для всей процедуры установления параметров Универсальной грамматики.

Г. Гай в статье "Фонологические изменения с точки зрения вариативности" отстаивает тезис о том, что "не существует изменений без синхронной вариативности" (та же идея обсуждается и в ряде других статей сборника). Это не означает, что любая вариативность непременно ведет к изменениям; вариативность является здесь скорее необходимым, но не достаточным условием. Вариативность может быть формализована в виде статистических математических моделей: например, учитывая, что у каждого говорящего имеется множество артикуляторных вариантов реализации некоторой фонемы, на уровне языка в целом можно говорить, что "фонема *x* реализуется как вариант *y* с такой-то вероятностью". Изменение же можно считать завершившимся, если вероятность определенного варианта достигает 1, тогда как у других вариантов снижается до 0. Сам результат изменения можно представить себе не только как "качественный скачок", но и как количественный рост в рамках континуума: и действительно, известны многочисленные случаи "промежуточного" положения фонем в системе (например, их противопоставление лишь у части носителей языка и/или лишь в некоторых контекстах). Важную роль в установлении параметров вариативности играют социальные факторы: возраст, пол, социально-экономический класс говорящего. Так, известно, что пик инноваций приходится на молодое поколение (когда ослабляется языковое влияние со стороны родителей), а также на "средний" социальный класс (или, по крайней мере, не на "высший", который имеет тенденцию быть максимально консервативным в языковом отношении). С позиции вариативности обсуждаются и другие проблемы фонетической теории: например, абсолютно регу-

лярные vs. лексически обусловленные изменения, структурные vs. функциональные ограничения на изменения, гипотезы "однонаправленности" и "постоянной скорости" изменений. В заключение автор подчеркивает, что необходима интеграция синхронной и диахронической перспектив: тезис о том, что "говорящему недоступны сведения об исторических процессах" попросту неверен, т.к. эти процессы находят отражение в синхронной вариативности и очевидных изменениях, наблюдаемых в сообществе на протяжении жизни человека.

Р. Янда в статье "Фонологизация как начало дефонетизации: о звуковых изменениях и их последствиях" обращается к ситуации, когда в ходе исторического развития звуковое изменение приобретает дополнительную "нагрузку", помимо чисто фонетической. Это может достигаться прежде всего в результате "фонологизации" правил, либо их "морфологизации". Оба явления могут быть проиллюстрированы на примере немецкого умлаута: исходно чередование /u/ и /o/ с /ü/ и /ö/ было обусловлено наличием /i/ или /j/ в последующем слоге; впоследствии оно перестало обуславливаться чисто фонетически и стало грамматически значимым, произошла "морфологизация" умлаута. Важное место в статье Р. Янды отводится полемике с распространенным тезисом о том, что утрата факторов, определяющих аллофоническое варьирование, ведет к расхождению и "фонологизации" бывших аллофонов. По мнению автора, напротив, реинтерпретация дополнительно распределенных аллофонов в качестве самостоятельных фонем происходит прежде утраты контекстов распределения (примерами могут служить как история умлаута в немецком, так и славянская палатализация). В данном случае фонологизация также является частным случаем общего процесса "дефонетизации", т.е. утраты чисто фонетической обусловленности. В целом звуковые изменения достаточно "эфемерны": начинаясь в сугубо фонетических условиях как полностью регулярные и всеобщие (в том смысле, в котором это понимали младограмматики), они очень быстро попадают под действие не фонетических, а иных (фонологических, морфологических, социолингвистических) факторов, так что далее сохранение регулярности происходит уже за счет расширения контекстов употребления.

Две первые статьи четвертой части книги – "Морфологические и лексические изменения" – посвящены явлению аналогии. Р. Анттила характеризует аналогию как "основу основ мышления" (*the warp*

and woof of cognition, таково название его статьи) и рассматривает это понятие главным образом в психологическом и семиотическом аспектах. Аналогия – это "отношение сходства", причем способность к аналогии является врожденной; выявление сходства есть в целом "наиболее важный целостный процесс умственной деятельности". Автор рассматривает взаимоотношения аналогии и теории гештальтов, аналогии и метафоры, аналогии и построения сидлогизмов, а также критически оценивает постулаты генеративной грамматики, "отвергнувшей понятие аналогии в начале 1960-х гг.". По мнению Анттилы, аналогия доказывает, что постулат о "модульном устройстве" (modularity) грамматики неверен. В целом языковая структура и использование языка по преимуществу основано на аналогии, которая и является "основой универсальной грамматики". Явление аналогии играет настолько важную роль в человеческом сознании, что людей можно охарактеризовать как "аналогических животных".

Г Хок в статье "Изменения по аналогии" рассматривает аналогию с собственно лингвистической точки зрения, хотя и для него это явление имеет достаточно всеобщий характер (и "в самом широком понимании тождественно языковому изменению в целом"). В центре очерка находится проблема определения самого понятия "аналогия" и места, которое данное явление занимает по отношению к морфологическим и фонетическим изменениям. Так, хотя в традиционной исторической лингвистике имеется тенденция к отождествлению морфологических изменений с изменениями по аналогии, современные исследования в рамках "естественной морфологии" и "теории грамматикизации" ввели в рассмотрение и другие факторы, влияющие на направление изменений. Что же касается соотношения аналогии и фонетических изменений, то здесь можно говорить о двух подходах; согласно наиболее распространенному и восходящему еще к младограмматикам, существует фундаментальное различие между регулярными фонетическими изменениями и нерегулярными изменениями по аналогии, причем первые исторически предшествуют вторым. Вместе с тем, имеются случаи, когда аналогия, напротив, блокирует или же способствует фонетическому изменению; кроме того, далеко не все фонетические изменения регулярны, тогда как существуют вполне регулярные изменения по аналогии. Это говорит о возможности такой точки зрения, что принципиальной разницы между фонетическими изменениями и аналогией нет, и что фонетические изменения являются лишь ча-

стным случаем изменений по аналогии. По мнению Г. Хока, возможно "примирение" обеих позиций: есть основания считать, что звуковые изменения, различные типы изменений по аналогии и некоторые типы семантических переходов расположены в разных местах единой шкалы, которая является "аналогической" в широком смысле, т.к. речь идет о расширении сферы действия языковых моделей. Различия же в продуктах этих типов изменений проистекают из различий в сфере их применения: так, "звуковые законы" младограмматиков обычно регулярны, т.к. их применимость практически не ограничена фонетическими условиями; процессы аналогии типа парадигматического выравнивания скорее будут систематичны, т.к. они применимы к большому классу лексических единиц, а явления типа переразложения или народной этимологии имеют достаточно спорадический характер, поскольку применимы лишь к отдельным словам. (В области же семантических изменений наиболее верен тезис о том, что "у каждого слова своя история".)

В небольшой статье В. Дресслера "Естественность и морфологические изменения" рассматривается применимость положений, разрабатываемых в рамках теории "естественной морфологии"³, к диахронической проблематике. Важнейшими признаются универсальные параметры "естественности" (выводимые из семиотических принципов) – это, например, параметр "морфосемантической прозрачности", т.е. композициональности значения (так, смысл словоформы *компьютеры* "складывается" из смыслов лексической основы *компьютер* и показателя множественного числа *-ы*), и параметры "морфотактической прозрачности", т.е. простоты для распознавания (в этом смысле чередования часто нарушают прозрачность, а наиболее непрозрачными являются супплетивные формы). Основными диахроническими предсказаниями в рамках этой модели являются: а) чем более "естественно" морфологическое явление, тем более исторически устойчивым оно будет, и б) для двух морфологических явлений X и Y более вероятно изменение от X к Y, если Y более естествен по некоторому параметру⁴. Сильнее этих

³ См. общую характеристику данного направления в [Плунгян 1998: 350–355].

⁴ Хотя в тексте статьи (на с. 463) говорится, напротив, о большей вероятности изменения X > Y при большей естественности X (!?), в данном случае скорее всего имеет место опечатка.

универсальных принципов могут, однако, оказаться принципы "адекватности языковому типу" (*type-adequacy*), в соответствии с которыми язык может либо не подвергаться изменениям, либо все частные изменения должны вести к полной смене морфологического типа (ср. переход от агглютинативного к флективному строю с уменьшением "прозрачности").

В статье Б. Джозефа "Морфологизация из синтаксиса" речь идет о процессе развития, в ходе которого языковая структура, относящаяся к синтаксису, переходит в область морфологии (другое возможное направление – в морфологию из фонологии – затрагивается в статье Р. Янды в части III, о которой шла речь выше). Морфологизация чаще всего рассматривается в качестве одной из формальных составляющих "многостороннего" процесса грамматикализации (ср. популярную шкалу "знаменательное слово > служебное слово > клитика > аффикс"). Б. Джозеф, однако, настаивает на том, что морфологизация является самостоятельным типом развития, который независим от грамматикализации – так, нет строгой корреляции между положением языковой единицы на упомянутой выше шкале и ее грамматическим статусом (существуют как автономные единицы, выполняющие грамматические функции, так и "пустые" аффиксы, лишенные грамматической нагрузки)⁵. В качестве конкретного примера рассматриваются последовательные стадии развития греческого показателя будущего времени *θα* (восходящего к глаголу *thélō* 'любить'). Формальный статус конструкции с *θα* может быть достаточно четко описан на каждой из синхронных стадий ее развития, а произошедшие изменения вполне укладываются в рамки хорошо известных фонетических процессов, явления аналогии и т.п. Привлекать для описания данного развития понятие "грамматикализации" не представляется нужным, тем более что неясно, на каком именно этапе произошла собственно грамматикализация конструкции, т.е. ее превращение в форму будущего времени. Отсюда можно заключить, что морфологизация является "более реалистичным подходом в пони-

мании изменений в морфологии и синтаксисе, чем грамматикализация". Б. Джозеф отмечает также, что при подобном подходе снимается известная проблема с принципом "однаправленности грамматикализации": морфологизация не является однонаправленной, т.к. существуют примеры развития от связанного аффикса к свободной словоформе; это обстоятельство, в частности, заставляет проявлять особую осторожность при попытках реконструкции, поскольку знаменитый принцип "сегодняшняя морфология это вчерашний синтаксис" оказывается верным далеко не для всех случаев.

В пятой части "Синтаксические изменения" представлены четыре весьма различных подхода к данной проблеме. Д. Лайтфут в статье "Грамматический подход к синтаксическим изменениям" предлагает не изобретать никакой особой "теории изменений", поскольку для их объяснения достаточно имеющихся в (генеративной) лингвистике теории Универсальной грамматики и теории усвоения языка. Языковые изменения являются изменениями в индивидуальных грамматиках и представляют собой смену значений определенных универсальных параметров (*parameter resetting*). Эта смена происходит в результате интерпретации первичных языковых данных при усвоении языка; предполагается, что параметр меняется в том случае, если в поступающих ребенку предложениях обнаруживается недостаточно "условных знаков" или "подсказок" (*cues*), т.е. определенных языковых контекстов, которые ассоциированы именно с определенным значением параметра. Данная идея иллюстрируется на примере утраты так называемого "V-to-I movement" в истории английского языка. Такая модель не дает ответа на вопрос, почему меняется дистрибуция тех или иных "подсказок" – это может объясняться контактом или другими социальными явлениями, но находится уже за рамками теории грамматики. Сама грамматика при таком подходе понимается как "индивидуальная ментальная сущность", а не как "социальная сущность, обобщающая данные текстов, зафиксированных за определенный период". Как указывает автор, идея "скачкообразных" изменений, при котором дети усваивают систему, сильно отличающуюся от системы их родителей, находит поддержку в работах по креолизации, а также по усвоению жестовых языков.

Продолжает и дополняет рассуждения об установке значений параметров статья С. Пинцук "Синтаксические изменения с точки зрения вариативности". Автор настаивает на том, что переустановка осу-

⁵ Другая точка зрения отстаивается в работе [Bybee et al. 1994: ch. 4]: согласно ей, следует говорить о "параллельной редукции" формы и содержания (*parallel reduction hypothesis*) в процессе грамматикализации: сегментная длина и степень автономности грамматического показателя уменьшаются одновременно с тем, как его значение обобщается и становится "все более абстрактным".

иستیліяється не скачкообразно, но скорее на протяжении длительного периода имеет место конкуренция между двумя альтернативными значениями параметра. Новый грамматический признак (например, порядок VO) не просто заменяет старый (например, порядок OV), но усваивается параллельно, так что какое-то время используются обе возможности (что приводит к синтаксической вариативности), и лишь в конце периода конкуренция старый признак утрачивается. Иллюстрацией служит изменение порядка слов в др.-англ. языке, где изначально наблюдалась значительная вариативность в позиции глагола. Предлагаемый подход сочетает формальный синтаксический анализ с квантитативной методологией на основе анализа употреблений по корпусу текстов. Увеличение частот различных типов конструкций во времени позволяет выбрать более адекватный из двух возможных анализов изменения порядка слов. При этом большую роль играет так называемый "эффект постоянства скорости" (constant rate effect): кривая изменения частотности должна быть одинаковой для всех синтаксических контекстов, представляющих определенное языковое явление (в случае разбираемого автором примера — для порядка слов *v* и в главном, и в зависимом предложении).

Во многом противоположен по направленности в сравнении с первыми двумя статьями раздел Э. Харрис "Синтаксические изменения в типологической перспективе". Автор изначально отказывается от подхода, идущего "от теории" (и утверждающего, что не существует ограничений на изменения помимо тех, которые накладываются теорией Универсальной грамматики), и выступает за поиск индуктивных обобщений о путях синтаксического развития на основе межъязыковых данных. Одним из основных механизмов синтаксических изменений в рамках подхода, наиболее подробно представленного в книге [Harris, Campbell 1995], признается так называемая "синтаксическая реинтерпретация" (reanalysis), т.е. изменение глубинной структуры синтаксической модели без модификации ее поверхностного облика. В качестве иллюстрации разбираются несколько случаев эволюции биклаузальных конструкций в моноклаузальные: конструкции с матричным глаголом 'хотеть' в конструкции с неизменяемым служебным словом 'должен, нужно' в грузинском и агульском языках, а также посессивную конструкцию с глаголом 'иметь' в форму перфекта во французском и немецком языках. По мнению автора, уже за реинтерпретацией следуют (а не предшествуют ей!) различные поверхностные

изменения — например, в конструкции становится возможен только один субъект, управление определяется смысловым глаголом (а не бывшим матричным глаголом 'хотеть' или 'иметь'), — тем самым, бывший главный глагол становится вспомогательным. В целом, рассмотрение сходных типов синтаксических изменений в различных языках позволяет установить универсалии таких изменений — сначала в виде гипотез, которые затем проверяются на более широком языковом материале.

В статье М. Митун "Синтаксические изменения в функциональной перспективе" подчеркивается важность роли функциональных объяснений диахронических процессов. Функционализм исходит из положения о том, что языковые структуры определяются использованием языка и формируются в результате действия ряда физиологических, когнитивных и "контекстуальных" факторов (к последним относятся такие экстралингвистические параметры, как коммуникативные цели, языковые контакты и пр.). На примере языков Северной Америки — главным образом эскимосско-алеутских и ирокезских — рассматривается несколько типов функционально обусловленных синтаксических изменений. Так, в результате "рутинизации", т.е. часто повторяющегося использования, происходит грамматикализация союза 'и' как показателя односубъектности; номинализованная форма глагола постепенно, в несколько шагов (а не в результате моментальной структурной реинтерпретации) становится вершиной обстоятельного зависимого предложения; специальные средства сочинения за короткий промежуток времени возникают в языке благодаря контактам, а также при развитии письменной нормы и т.п. Все это указывает на то, что говорящие постепенно "реорганизуют свои грамматические системы с целью увеличения выразительных средств коммуникации". Заметим, что хотя подход автора в явном виде противоположен подходу, базирующемуся исключительно на "внутритеоретических" объяснениях в терминах врожденных принципов Универсальной грамматики (ср. статьи Д. Лайфута и С. Пиндук), они не полностью совпадают и с типологически-ориентированной концепцией Э. Харрис. В частности, М. Митун указывает на то, что "частое использование показателя приводит к эрозии формы, а в конечном итоге к функциональной и структурной реинтерпретации", тогда как Э. Харрис настаивает на том, что именно реинтерпретация делает возможными последующие поверхностные изменения языковой структуры, но не наоборот.

Шестая часть сборника, "Прагматико-семантические изменения", посвящена преимущественно явлению грамматикализации; семантические изменения в лексике остались в основном за пределами данной книги. Первая из статей, "Грамматикализация", написана Б. Хайне, одним из наиболее выдающихся представителей данного направления. Грамматикализация – это "процесс возникновения и развития грамматических форм во времени и пространстве"; так называемая "теория грамматикализации" обладает как определенным объяснительным, так и предсказательным потенциалом (хотя большинство ее предсказаний носят не абсолютный, а вероятностный характер). Б. Хайне характеризует основные подходы к исследованию грамматикализации, наиболее полно изложенные в монографиях [Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 1993]; в статье также обсуждается критика данного направления, основные пункты которой сводятся к тому, что знаменитый "принцип однонаправленности (unidirectionality)" грамматикализации не является абсолютным и что грамматикализация в целом представляет собой не самостоятельное явление, а своего рода эпифеномен, "побочный эффект", возникающий в результате действия нескольких независимых процессов. По мнению Б. Хайне, грамматикализация есть "прежде всего семантический процесс", в основе которого лежит свойство человека использовать языковые формы с конкретным и "легко доступным" значением для выражения менее конкретных и менее "легко доступных" понятий (ср. превращение глаголов желания в показатели будущего времени или существительного 'спина' в пространственный маркер 'сзади'). Прочие механизмы грамматикализации – категоризация, расширение контекстов употребления, фонетическая редукция – являются уже следствием подобных концептуальных переносов. Исследования в области грамматикализации вносят свой вклад в сравнительно-историческое языкознание, прежде всего в области семантических изменений и реконструкции морфологических и синтаксических моделей. Наиболее значительным на сегодняшний день собранием засвидетельствованных в языках мира путей грамматикализации является сборник [Heine, Kuteva 2002]⁶.

Обсуждение характеристик грамматикализации продолжается в статье Дж. Байби "Механизмы изменения в ходе грамматикализации: роль час-

тотности"⁷. Увеличение частотности является одним из важнейших эффектов, способствующих грамматикализации; при этом можно говорить о частотности двух типов – это частота встречаемости языковой единицы, т.е. слова или морфемы, в тексте (token frequency) и количество лексических единиц, с которыми сочетается определенная грамматическая модель – например, конструкция или аффикс (type frequency). Основным примером, на котором в статье демонстрируется увеличение разных типов частотности, является эволюция др.-англ. глагола *cinnan* 'знать' в модальный глагол *can* 'мочь' в ходе грамматикализации конструкции "*can* + инфинитив" возросла как его сочетаемость с разными типами глаголов (упрощенно говоря, от глаголов ментальной деятельности к глаголам физической деятельности) и субъектов (от одушевленных к неодушевленным), так и общая частота. По мнению Дж. Байби, именно частотность использования приводит к определенному "семантическому обесцвечиванию" (bleaching) грамматикализуемой единицы и утрате исходного значения, а на формальном уровне – к фонетической редукции и стяжению составляющих конструкции. В результате грамматикализации конструкция приобретает большую автономность и может полностью утратить связь с исходной лексемой (ср. глагол *go* 'идти' и показатель будущего времени *gonna*). Наконец, именно у высокочастотных форм наблюдается сохранение прежней "консервативной" структуры, несмотря на появление новых продуктивных моделей (ср. использование инфинитива без *to* или постпозитивное отрицание *not* при модальных глаголах). Таким образом, можно сказать, что увеличение частотности имеет эффект редукции в "режиме реального времени", но при этом консервирующий эффект в "режиме хранения".

Э.К. Траугот в статье "Конструкции в процессе грамматикализации" обращает внимание на тот факт, что лексемы, как правило, подвергаются грамматикализации не сами по себе, а "лишь в определенных и специфических морфосинтаксических контекстах и при определенных прагматических условиях" – иначе говоря, грамматикализуются в действительности не лексемы, а конструкции. Автор рассматривает существующие подходы к объяснению структурных и семантико-прагматических свойств граммати-

⁶ См. более подробно нашу рецензию на него [Майсак 2003].

⁷ См. также недавний сборник статей [Bybee, Hopper (eds.) 2001], посвященный данной проблеме.

кализации, в том числе в виде получивших широкую известность шкал типа "дискурс > синтаксис > морфология > морфонология > нуль" (Т. Гивон) или "пропозициональное > дискурсивное > экспрессивное значение" (Э.К. Траугот). По мнению автора, при обращении внимания на морфосинтаксический и прагматический контекст грамматикализации в рамках данного подхода может быть охарактеризовано гораздо большее число языковых явлений, в том числе развитие так называемых "дискурсивных слов" (хотя они, на первый взгляд, и не относятся к области грамматического). В качестве иллюстрации рассматривается эволюция английских служебных и дискурсивных слов *instead of* (ср. аналогичное русское *вместо* + род п.), *indeed* и *anyway*. Независимо от того, является ли результат развития грамматическим показателем или нет, в ходе этого развития исходные конструкции проходят через следующие этапы: семантическое изменение, категоризация (например, исходных существительных *stede* 'место' и *deed* 'действие'), реинтерпретация (например, предложных групп *in stede* и *in deed* в нечленимые словоформы) и расширение синтаксической сферы действия. Тем самым, "считать развитие дискурсивных маркеров примером какого-либо другого процесса, нежели грамматикализация, значило бы затемнить его сходство с каноническими шкалами"⁸. Завершает статью следующее определение грамматикализации: "процесс, в ходе которого лексический материал в высоко ограниченных прагматических и морфосинтаксических контекстах приобретает грамматическую функцию, а затем происходит развитие у него функций в большей степени грамматических и свойственных операторам (*operator-like*)".

Б. Фортсон в статье 'Подход к семантическим изменениям' критически рассматривает ряд распространенных утверждений, которые, по его мнению, затемняют природу семантического развития. В частности, следует учитывать неоднозначность самого понятия "языковое изменение" – под ним может пониматься как собственно реинтерпретация значения некоторой языковой единицы индивидуумом, так и распространение инновации в языковом сообществе

⁸ Данный подход, как можно видеть, противоположен позиции Б. Джозефа: если он предлагает не прибегать к понятию "грамматикализация", описывая все в терминах морфологизации, то Э. Траугот, напротив, стремится расширить круг явлений, подпадающих под процесс грамматикализации.

(происходящее в соответствии с социолингвистическими законами; ср. также статью М. Хейла в части III и др.). Грамматикализация не является особым типом изменения, а представляет собой реинтерпретацию (например, глагола 'приходить' в качестве предлога 'к') и в этом смысле не представляет собой "градуальный процесс", происходя одновременно в индивидуальной грамматике говорящего. По мнению автора, такое свойство грамматикализации, как однонаправленность (например, переход "знаменательное слово > аффикс" или "объективное значение > оценочное значение"), является эпифеноменальным, а не независимым свойством данного явления: контексты, в которых могло бы произойти обратное развитие, редки или не существуют, что объясняется более элементарными принципами⁹. Наконец, не является определяющим параметром для семантического изменения частотность языковой единицы: подвергаться переосмыслению (в том числе грамматикализации) могут как высокочастотные, так и очень редкие слова.

Заключительный, седьмой раздел книги – "Объяснение языковых изменений" – содержит статьи, в которых рассматриваются гипотезы о причинах изменений, связанных с особенностями мышления, восприятия речи и социальных условий функционирования языка. В статье "Фонетика и историческая фонология" Д. Охала обсуждает взаимосвязь между синхронной вариативностью фонологических единиц и их историческим изменением (здесь имеются очевидные переклички со статьями М. Хейла и Г. Гая в третьей части, обсуждавшимися выше). Синхронная вариативность имеет значительное сходство с диахроническим развитием и, как можно предположить, засвидетельствованные звуковые изменения образуют лишь подмножество того, что встречается в виде вариаций на синхронном уровне. Существует два типа вариативности – в порождении речи и в ее восприятии, при этом хотя вариативность первого рода создает неоднозначность для восприятия речи, сама по себе она не приводит к изменению, поскольку благодаря контексту

⁹ Аргументация Б. Фортсона и его вывод об "эпифеноменальном" характере грамматикализации близки к аналогичным рассуждениям Ф. Ньюмейера в книге, посвященной противопоставлению формального и функционального направлений в современной лингвистике [Newmeyer 1998]. Критике "теории грамматикализации" посвящен также сборник [Campbell 2001].

слушающему почти всегда удается верно распознать сигнал (в противном случае звуковые изменения протекали бы с огромной скоростью). Реальные же изменения представляют собой как бы "неверно распознанные" вследствие перцептивной неоднозначности сигналы – таким образом, именно слушающему принадлежит ведущая роль в том, что фонетические изменения вообще имеют место. Слушающий постоянно производит "коррекцию" поступающего речевого потока, стремясь распознать сигнал говорящего; неверная коррекция может быть двух видов и соответственно приводит к двум типам изменений: "недостаточная коррекция" приводит к изменениями ассимилятивного типа, когда чисто фонетической окраске придается независимый от контекста статус (ср. фонологизацию носовых гласных или сингармонизм), "излишняя коррекция" приводит к диссимилиции, когда слушающий принимает некоторый фонетический признак за контекстный и "отменяет" его. Разница в природе ошибки позволяет объяснить многие другие свойства звуковых изменений, которые подробно рассматривает автор. Вывод, который делает Дж. Охала, состоит в том, что звуковые изменения на своей начальной стадии не телеологичны, они не служат никакой "цели" и никак не "улучшают" грамматику; они представляют собой результат ненамеренной ошибки слушающего и не вызваны "грамматической системой" (т.е. ментальным представлением языка в сознании). В этом смысле вероятность определенных ошибок, т.е. изменений, существует в любое время в любом языке; дальнейшая же судьба изменения (его распространение) регулируется уже психологическими и социальными факторами.

С.Г. Томасон в статье "Контакт как источник языковых изменений" отмечает то обстоятельство, что большая часть из того, что историческая лингвистика изучает под рубрикой "языковые изменения", появляется в результате контакта. Контактное изменение при этом определяется как такое, которое было бы маловероятным в отсутствие ситуации контакта. Сами типы языковой интерференции можно классифицировать по разным основаниям: их результат в языковой структуре (появление, исчезновение или замена признака), наличие процесса прямого заимствования vs. изменению в результате неполного овладения языком и пр. Основное место в статье уделено семи механизмам интерференции: это переклещивание/смешение кода (использование в речи на одном языке элементов другого), смена кода (использование двух языков в разных

социальных условиях), пассивное знакомство с другим языком, ситуация "переговоров" (т.е. использование в своем языке структур другого с целью облегчения коммуникации), перенос признаков в результате усвоения второго языка, смешение в результате одновременного усвоения двух языков, намеренное изменение. Описание каждого механизма сопровождается примерами и критическим обсуждением. Рассматривается также проблема "утраты языка", являющейся контактным изменением по определению, а также возникновение контактных языков (причем не только пиджинов и креолов, но и "смешанных" языков типа языка медновских алеутов). Вывод автора в связи с объяснительной и предсказательной проблематикой достаточно пессимистичен: в области контактных изменений возможно практически все, нет строгих ограничений на то, что именно и как может измениться в контактной ситуации. В целом, "признание именно контакта причиной языковых изменений возможно при благоприятных условиях, но невозможно при менее благоприятных", однако здесь ситуация не отличается и от других направлений диахронических исследований.

Статья У. Вулфрама и Н. Шиллинг-Этес "Диалектология и языковая диффузия" посвящена механизмам возникновения диалектной вариативности. Поскольку "древесная модель", по мнению авторов, справедливо оставлена в исторической лингвистике как неадекватная, наибольшее внимание в последние десятилетия уделялось так называемой "волновой модели", согласно которой инновации возникают в определенной центральной зоне и распространяются от нее "концентрическими кругами" к периферии. Однако и это представление о диффузии не было принято как достаточно убедительное, в результате чего была предложена "иерархическая модель", или "модель притяжения" (gravity model): она предусматривает, что распространение инноваций является функцией не только от расстояния, но и от плотности населения (ср. вычисление силы притяжения в зависимости от расстояния и массы тела в физике). Изменения обычно возникают в крупных, многонаселенных городах и прежде всего передаются в более мелкие города и уже в последнюю очередь затрагивают сельскую местность. Существуют, однако, и другие факторы, способные стать "барьерами" или же "усилителями" для инновации. Так, распространение инновации тем скорее, чем более близки диалекты в лингвистическом отношении. Играть роль и социально-демографические характеристики района, прежде всего возрастные группы, социальные клас-

сы, пол. Эти факторы учитывает так называемую "модель социальной сети", согласно которой первыми воспринимают инновации те люди, которые имеют слабые связи со многими группами (напротив, сильные связи с какой-либо одной группой скорее предотвращают изменения). Однако существуют и контр-примеры к "иерархической модели": если некоторые языковые явления осознаются носителями как социально или исторически значимые, распространение инновации может пойти и в обратном направлении, "от села к городу". В целом, исследование диалектной вариативности предусматривает многосторонний подход, в котором должно найтись место и географическим, и социальным, и лингвистическим параметрам.

В заключающей сборник статье Дж. Эйтчисон "Языковые изменения в психолингвистической перспективе" обсуждаются когнитивные (в отличие от социальных или собственно языковых) причины изменений. Автор приводит краткий обзор литературы по двум основным темам, обсуждавшимся в связи с "психолингвистической" составляющей в эволюции языка: это усвоение языка детьми и порождение речи (speech processing). По мнению Дж. Эйтчисон, неверен популярный тезис о том, что изменения происходят при смене поколений, в том числе в результате "несовершенного усвоения" или же "оптимизации" грамматики детьми. Скорее следует говорить о том, что изменения иницируются не детьми младенческого возраста, а подростками, причем в результате группового взаимодействия (эта позиция согласуется и с данными, приводимыми в статье Г. Гая). Что же касается второго направления, то в последние десятилетия появился ряд работ, объясняющий свойства грамматической системы особенностями порождения и восприятия речи (ср. исследования Дж. Хокинса по порядку слов в связи с "принципом раннего распознавания"¹⁰). Подобные работы чрезвычайно важны и для исторической проблематики, и трудно не согласиться с мнением автора статьи о том, что "объединение всех существующих направлений исследований является многообещающей задачей будущего".

Книгу завершает внушительная библиография на 100 страницах, которая включает более двух тыс. ссылок на литературу.

Как можно заметить по предшествующему изложению, в рецензируемом сборнике выделяется ряд ключевых вопросов, к которым

так или иначе обращаются авторы всех статей: это прежде всего роль лингвистической теории при изучении истории языка, соотношение внешних и внутриязыковых причин языковых изменений, роль детей и усвоения языка в диахронических процессах, а также само понимание изменения – как любой, пусть даже единичной, инновации vs. как получившего значительное распространение в социуме нового явления, а также как одноомментного, скачкообразного события vs. как градуального, постепенного процесса. Интересны также рассуждения о направленности исторических изменений в разных областях грамматики: как становится ясно, статус "принципа однонаправленности" обсуждается и на материале звуковых, и морфологических, и семантических изменений. При этом удается показать, что существуют определенные внеязыковые факторы (связанные с особенностями восприятия речи либо особенностями мышления человека), которые способствуют именно однонаправленному протеканию ряда процессов; вместе с тем, ни в какой из областей этот принцип не выдерживается абсолютно. Поэтому хотя с методологической точки зрения "принцип однонаправленности" не является слишком сильным (что мешало, например, опираться на него при реконструкции), он представляется очень важным для понимания диахронических процессов.

В целом, несомненной заслугой сборника можно признать его теоретическую "нагруженность", направленность статей на объяснительные и предсказательные составляющие исторической лингвистики, а не только на практические вопросы реконструкции. Хотя цель книги скорее состоит в том, чтобы суммировать уже известные (но разбросанные по сотням публикаций) результаты, а не предложить принципиально новые концепции, она дает возможность и самим специалистам по диахронии познакомиться с многообразием существующих подходов. Точки зрения компаративистов и типологов, функционалистов и сторонников различных формальных школ зачастую диаметрально противоположны, однако все они так или иначе вносят свой вклад в наше понимание природы языковых изменений.

Наконец, мы полностью разделяем мнение редакторов книги о том, что широкая панорама представленных в сборнике точек зрения, равно как и общий бурный рост публикаций по исторической проблематике в последние годы, свидетельствуют, что "данная область переживает подлинное возрождение после периода невежества и маргинализации в рамках науки о языке, которые ощущались в послед-

¹⁰ См. обсуждение теории Дж. Хокинса в [Тестелец 2001: 700–715].

ние годы". Что же касается самой серии "Руководства по лингвистике" издательства Blackwell Publishers, то она, на наш взгляд, является одним из наиболее удачных издательских проектов такого рода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Майсак 2003 – Т.А. Майсак. Рец.: В. Heine, Т. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002 // ВЯ. 2003. № 4.
- Плунгян 1998 – В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях: обзор // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Старостин 1989 – С.А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М., 1989.
- Старостин 1999 – С.А. Старостин. О доказательстве языкового родства // Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.) Типология и теория языка: от описания к объяснению. Сборник статей к 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

- Bybee, Hopper 2001 – J.L. Bybee, P.J. Hopper (eds.) Frequency and the emergence of language structure. Amsterdam, 2001.
- Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Campbell 2001 – L. Campbell (ed.) Grammaticalization: A critical assessment // Language sciences, 23. № 2–3. 2001.
- Harris, Campbell 1995 – A.C. Harris, L. Campbell. Historical syntax in cross-linguistic perspective. Cambridge, 1995.
- Heine et al. 1991 – B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer. Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago, 1991.
- Heine, Kuteva 2002 – B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.
- Hopper, Traugott 1993 – P.J. Hopper, E.C. Traugott. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Newmeyer 1998 – F. Newmeyer. Language form and language function. Cambridge (Mass.), 1998.
- Renfrew et al. 2000 – C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask (eds.) Time depth in historical linguistics. V. 1–2. Cambridge, 2000.

T.A. Maïсак

The handbook of language variation and change / Ed. by J.K. Chambers, P. Trudgill and N. Schilling-Estes. Malden; Oxford: Blackwell Publishers, 2002. 807 p.

Предлагаемая читателю книга является, по замыслу ее составителей, своего рода справочным пособием для третьего поколения социолингвистов, которое в настоящее время готовится пополнить ряды научного сообщества. К работе над ней были привлечены как создатели современной социолингвистики, так и их ученики, являющиеся в настоящее время уже зрелыми учеными. В выборе обсуждаемых тем составители также стремились соблюсти определенный баланс между достаточно традиционными и относительно малоисследованными проблемами.

Книга состоит из введения и пяти глав. Во введении, которое является теоретической преамбулой книги, написанной Дж.К. Чемберсом, "Изучение языковой вариативности: неформальная эпистемология" рассматриваются особенности развития социолингвистики как социальной науки, определяется ее место в кругу других лингвистических дисциплин и ее когнитивные основания. Социолингвистика автор определяет как учение о социальном использовании языка.

Такая дефиниция социолингвистики, на наш взгляд, существенно сужает традиционную проблематику этой научной дисциплины, оставляя за рамками рассмотрения не только все макросоциолингвистические, но и некоторые микросоциолингвистические проблемы. Но это, видимо, осознает и автор введения и в дальнейшем оперирует термином "вариантная социолингвистика" (variationist sociolinguistics). В основе вариантной социолингвистики, как считает Дж.К. Чемберс, лежит наблюдение, согласно которому варианты, появляющиеся в повседневной речи, лингвистически не релевантны, но весьма значимы социально. И наиболее продуктивные социолингвистические исследования последних четырех десятилетий связаны именно с социальной оценкой лингвистических вариантов. Эта проблематика, по мнению автора, является наиболее перспективной для использования таких научных методов, как формулирование научной гипотезы, логических выводов и статистической обработки результатов тестирования. Изучение языковой вариативности происходит главным образом путем наблюдения за

речевым поведением носителей языка в естественных социальных ситуациях и категоризации лингвистических вариантов в соответствии с их социальной дистрибуцией.

Бесспорно, все перечисленные автором научные методы и приемы широко используются при изучении языковой вариативности, но трудно согласиться с тем, что именно эта проблематика обладает какими-то специфическими гносеологическими характеристиками, позволяющими особенно эффективно применять метод выдвижения научной гипотезы или формулировать логические выводы. Эти методы являются общенаучными и вряд ли можно утверждать, что в каких-то областях науки они работают более продуктивно, чем в других. По мнению Дж.К. Чемберса, можно точно обозначить момент, когда вариантная социолингвистика начала свое развитие как самостоятельное научное направление, основным объектом которого явилось выявление социальной детерминированности языковых вариантов, — это 1963 г. Именно в этом году У. Лавов опубликовал свою известную статью "The social motivation of a sound change". Дж.К. Чемберс справедливо указывает, что лингвисты достаточно давно обратили внимание на гетерогенность языка и добросовестно выискивают доказательства этого в работах различных языковедов, начиная от Панини и заканчивая Хомским. Однако при этом труды, в которых вопросы социальной природы языка, включая языковую вариантность, действительно находятся в центре внимания, остаются вне поля зрения автора. Безусловно, к нему трудно предъявить претензии по поводу того, что он не знаком с работами Е.Д. Поливанова, Б.А. Ларина, А.М. Селищева и других отечественных языковедов, которые исследовали эти проблемы еще в начале XX в. Зарубежные ученые, за исключением славистов, редко владеют русским языком, а на других языках указанные авторы не печатались. Но не может не вызывать удивления, что канадский исследователь ни словом не упоминает таких представителей французской социологической школы, как А. Мейе и Ж. Вандриес, а также основателя социальной лингвистики во Франции М. Козна, который еще в 1956 г. опубликовал книгу "К социологии языка".

Первая глава книги "Методы" состоит из двух разделов: "Методы полевых исследований" и "Методы обработки данных". Первый раздел открывается статьей К. Фейгин "Изучение речевых общностей: полевые исследования", в которой подробно описывается, какие данные надо собрать в библиотеках до того, как отправиться к информантам, какое выбрать оборудование, как отбирать инфор-

мантов, как проводить интервью, как использовать включенное наблюдение в качестве дополнительного к интервьюированию метода. В принципе в статье содержатся в основном хорошо известные любому профессиональному социолингвисту сведения, однако, собранные воедино и дополненные интересными примерами из собственного опыта работы с информантами, они, безусловно, окажутся весьма полезными для начинающих исследователей. Единственный вопрос, который, на наш взгляд, освещен в статье достаточно поверхностно, — это вопрос о количестве информантов, которых необходимо привлекать к работе; принцип "чем больше, тем лучше" нельзя признать научным. Социологами разработаны специальные методики статистически репрезентативных выборок во время проведения разного рода опросов, которые весьма продуктивно используются и в социолингвистических исследованиях. Нам представляется, что было бы полезно ознакомить с ними читателей, на которых рассчитана эта книга. Наибольший интерес в этом разделе, с нашей точки зрения, представляет статья Д.Р. Престон "Язык и отношение к нему". Автор пытается разграничить подходы к оценке языка социальных психологов и социолингвистов. Первые, по мнению автора, интересуются прежде всего отношением людей к таким крупным лингвистическим образованиям, как язык и диалект, понимаемый в широком смысле, т.е. включающий кроме территориальных также социальные, гендерные и возрастные разновидности языка, но не задаются вопросом о том, какие явления разных уровней структуры языка наиболее важны для формирования этого отношения. Социолингвисты же, напротив, стремятся выяснить, влияют ли те или иные варианты языковых единиц на формирование оценки конкретного идиома.

Суммируя работы различных ученых и собственные исследования, Д.Р. Престон приходит к выводу, что в сознании людей существует некая "народная теория языка", принципиально отличающаяся от научной. В основании научной теории языка лежит конкретная реальность, репрезентируемая речевыми реализациями отдельных говорящих, основанными на их ментальной способности, т.е. идиолекты. Над этой реальностью надстраиваются более высокие уровни, которые, хотя социально реальны, но их идентификация представляет собой уже определенную степень абстракции, например, диалекты, и, наконец, на вершине этой конструкции как наиболее абстрактное построение находится язык. Народная теория языка строится совер-

шенно противоположным способом: существует некая внешнегитивная реальность, "настоящий язык" (английский, немецкий, китайский и т.д.). Те, кто говорит на этом языке, говорит правильно. Иногда говорящие нарушают некоторые правила, чтобы не выглядеть снобами. Однако, если таких нарушений много, то возникает язык с ошибками, диалект или "плохой язык". Поскольку связь с правильным "настоящим языком" представляется естественной и даже простой, многим оказывается трудно понять, почему люди говорят на нестандартном языке. Такое речевое поведение объясняется ленью или нежеланием говорить правильно.

В последних двух статьях этого раздела первой главы "Исследование вариативности и изменений в письменных документах" (Э. Шнайдер) и "Корпус текстов публичного дискурса как источник данных о языковой вариативности и языковых изменениях" (Л. Бауэр) рассматриваются проблемы, связанные с привлечением письменных текстов к анализу языковой вариативности. Методам обработки социолингвистических данных посвящены статьи Р. Бейли "Квантитативная парадигма", в которой обсуждаются возможности привлечения для обработки социолингвистических данных статистического анализа, и Дж.Р. Рикфорда "Импликационные шкалы". В этой статье демонстрируется методика изучения взаимоотношений между различными признаками речи, которые схематично можно выразить импликацией $x \rightarrow y$, но не наоборот. Интересна работа Э. Томаса "Инструментальная фонетика", в центре внимания которой находятся проблемы использования различных методов акустики при анализе фонетической вариативности. Надо сказать, что для американской социолингвистики всегда была характерна тщательная разработка исследовательских процедур и разнообразие используемых методов. И это находит наглядное применение в перечисленных статьях.

Вторая глава книги "Лингвистическая структура" открывается статьей А. Антиллы "Вариативность и фонологическая теория", в которой указывается, что фонологическая вариативность часто исследовалась под социолингвистическим углом зрения, т.е. вариативность рассматривалась как производная от таких внешних факторов, как пол, возраст, стиль, регистр и социальный класс. Однако при построении фонологической теории необходимо учитывать и внутренние – фонологические, морфологические, синтаксические и лексические – параметры, обуславливающие появление фонетических вариантов. Для создания фонологической теории вариативно-

сти нужно ответить по крайней мере на следующие вопросы: 1) почему одни элементы варьируются, а другие нет, и варьирование происходит только в определенном окружении; 2) почему одни варианты являются обязательными, а другие – факультативными; 3) какие варианты обладают определенными качествами, позволяющими объяснить их возникновение (например, более простая артикуляция), а какие – нет; 4) как взаимодействуют фонологические, морфологические и лексические факторы в процессе варьирования; 5) как взаимодействуют внутренние и внешние факторы при возникновении вариантов.

Автор считает, что часть из перечисленных проблем можно решить, привлекая теорию оптимизации, особенно, если несколько ее видоизменить и включить в нее элементы модели множественных грамматик. В этом случае можно дать верифицированное объяснение не только качественной, но и количественной вариативности. В статье М. Гордон "Исследование изменений и слияний звуковых цепочек" демонстрируется, что изучение звуковых изменений не в диахронии, а в синхронии в некоторых случаях приводит к существенной модификации устоявшихся взглядов на причины этих процессов и пониманию необходимости учета при их анализе не только внутриязыковых, но и социальных факторов. Э. Генри в статье "Вариативность и синтаксическая теория" указывает, что исследователи синтаксиса обычно абстрагируются от явлений вариативности на этом уровне языковой структуры, считая, что синтаксические изменения происходят только вынуждено, например, в результате стремления структуры к экономичности. Однако многие факты синтаксических изменений трудно объяснить, если признать, что индивидуальная грамматика каждого говорящего по сути своей не вариативна. Можно было бы предположить, что говорящий пользуется несколькими конкурирующими грамматиками, каждая из которых представляет собой инвариант. Изменение происходит в тот момент, когда одна из этих грамматик одерживает верх. Но такой подход не позволяет объяснить, почему иногда старая и новые формы в течение длительного времени функционируют параллельно. По мнению автора, объединение подходов, разработанных в рамках хомскианской теории синтаксиса и вариантной социолингвистики, могло бы существенно продвинуть вперед исследование синтаксических вариантов и изменений. В статье Р. Маколи "Вариативность дискурса" отмечается, что основные трудности, возникающие при квантитативном анализе вариативности дискурса, связаны с выявле-

нием полного набора вариативных единиц, определяющих вариативность дискурса в целом, а также места их локализации. Кроме того, достаточно сложно установить и конкретные варианты исследуемых переменных единиц (как "одно и то же" можно "сказать по-разному"), поскольку значения дискурсивных признаков обычно многоплановы, образны и зависят от контекста.

Третья глава "Социальные факторы" начинается с раздела "Возраст". Наибольший интерес в нем представляет статья Г. Бейли "Реальное и сконструированное время", в которой отмечается, что обычно языковые изменения фиксируются постфактум, однако весьма существенный интерес представляет их процессуальный анализ. Наблюдая за речью различных возрастных групп взрослого населения, можно построить модель, отражающую динамику развития тех или иных вариантов во времени. По мнению автора, в таких исследованиях не следует учитывать речь подростков, поскольку молодежный жаргон – это своего рода игра, которая не оказывает особого влияния на речь последующих поколений. В статье Дж. Робертс "Вариативность детского языка" на материале собственных исследований автора и работ других социолингвистов показано, что даже у детей, которые только начинают говорить, наблюдаются элементы языковой вариативности, причем употребление определенных вариантов обусловлено гендерными и социальными факторами. Вариативность в речи детей отражает формирование правильной коммуникативной компетенции, включающей в себя, как известно, и социальный аспект употребления языка. В заключение автор приходит к достаточно предсказуемому выводу, что речь детей в существенной степени зависит от речи взрослых, принимающих участие в их воспитании. Дж.К. Чемберс в статье "Типы вариативности и языковых изменений" выделяет три основных экстралингвистических параметра – возраст, социальную принадлежность и пол, и показывает, как каждый из них, прежде всего возраст, влияет на языковые изменения. В разделе "Социальная дифференциация" рассматриваются четыре основные, по мнению составителей книги, фактора, обуславливающие социальную дифференциацию языка: социальный контекст, социальный класс, пол и этническую принадлежность. Н. Шиллинг-Эстес в статье "Исследование стилистической вариативности" описывает явление, которое У. Лавов именовал "контекстуальными стилями". При этом основное внимание уделяется переходу с одного стиля на другой в речи одного говорящего в зависимости от социально-

го контекста. В статье Ш. Эш "Социальный класс" подробно рассматриваются различные социологические подходы к определению социального класса, а также анализируются социолингвистические исследования, направленные на выявление взаимосвязи между употреблением носителями языка тех или иных языковых вариантов и их принадлежностью к определенному социальному классу. Дж. Чешир в статье "Гендерный фактор в исследовании языковой вариативности" показывает, как изменилось место указанной в названии проблематики в изучении языковой вариативности на протяжении последних сорока лет. Если в 60-х – 70-х годах прошлого века ей практически не уделялось внимания, то в настоящее время некоторыми учеными гендерный фактор рассматривается как один из основных стимулов языковой вариативности и языковых изменений. К. Фот в статье "Этничность" показывает особенности изменений, происходящих в языке коренного населения под влиянием речи проживающих бок о бок с ним этнических меньшинств. Весьма интересными представляются соображения автора по поводу влияния возраста, пола и этнической принадлежности интервьюера на характеристики получаемого во время опроса материала.

В разделе "Домены" основное внимание сконцентрировано на вариативном речевом поведении носителей языка в различных микросоциальных общностях. В статье Н. Мендосы-Дентон "Язык и идентификация" анализируются проблемы, связанные с самоидентификацией индивидуума как осознанием собственной принадлежности к той или иной социальной группе и влиянием этого фактора на особенности его речи. Наиболее важной из таких групп является семья, чье комплексное влияние на языковую вариативность исследуется в статье К. Хейзена "Семья". Большой интерес представляет также речевое поведение групп, объединенных какой-либо совместной деятельностью (статья М. Мейерхоф), причем характерно, что зачастую варианты, возникающие внутри таких групп, распространяются и за их пределами в результате межгрупповых связей. Социальные связи говорящих образуют так называемые "социальные сети", роль которых в переходе тех или иных вариантов с индивидуального на социальный уровень, обсуждает в своей работе Л. Милрой. Основной упор она делает на динамическую природу социальных взаимоотношений, подчеркивая, что социальные сети не являются фиксированной категорией. В последней статье раздела "Речевые общности" (П. Патрик) рассматриваются различные интерпретации понятия "речевые общности", которое,

по мнению автора, хотя и является одним из центральных в социолингвистике, весьма различно трактуется исследователями. П. Патрик приходит к довольно оригинальному выводу, согласно которому "речевая общность" в отличие, например, от семьи или социальной группы, не является реальным феноменом, это некий конструкт, созданный самими социолингвистами.

Четвертая глава книги "Контакты" посвящена роли контактов – как между различными языками, так и между диалектами одного языка, в возникновении языковой вариативности. Д. Бритен в статье "Язык и территория его распространения" высказывает весьма спорное, на наш взгляд, суждение. Он считает, что до сих пор значение территориального фактора в развитии языковых вариантов и изменений не осознано теоретической социолингвистикой, и полагает, что привлечение методов и концепции географии может существенно обогатить вариативную социолингвистику. В работе Дж. Сэнкоф "Лингвистические результаты языковых контактов" исследуется, как влияют друг на друга языки (или диалекты), которыми владеет билингв. При этом в центре ее внимания находится не отдельный говорящий, а двуязычная речевая общность, что, по мнению автора, позволяет отграничить ее работу от психолингвистических штудий. В статье П. Кервилла "Койнезация и аккомодация" указывается, что койнезация – это процесс, который приводит к достаточно быстрому, причем иногда очень существенным, языковым изменениям. В качестве наиболее важных вопросов, на которые следует ответить при изучении койнезации, автор называет следующие: 1) кто является основным "проводником" языковых изменений – взрослые, подростки или дети; 2) оказывают ли влияние на процесс койнезации социальные характеристики мигрантов; 3) играет ли какую-то роль степень близости взаимодействующих диалектов; 4) сколько времени необходимо для формирования койне; 5) существуют ли условия, при которых в процессе диалектных контактов не возникает койне; 6) какие лингвистические черты отдельных диалектов сохраняются в койне; 7) существуют ли какие-то характеристики лингвистического явления, которые обуславливают его закрепление в койне.

Последняя глава книги "Язык и общество" затрагивает гораздо более широкую проблематику, чем определено названием книги. Она открывается статьей одного из патриархов современной социолингвистики П. Традгила "Лингвистическая и социолингвистическая типология". В ней выдвигается гипотеза,

согласно которой некоторые лингвистические черты возникают в языке в количестве, пропорциональном социальному взаимодействию членов данного общества с другими этническими обществами и соответственно взаимодействию и взаимовлиянию их языков. Так, языки космополитических обществ имеют более богатый фонемный репертуар, чем языки изолированных обществ. Если учесть общеизвестный факт, что фонемы заимствуются крайне редко, эту гипотезу легко опровергнуть чисто теоретически (по крайней мере для фонологического уровня). На поверхности лежат и конкретные примеры. Например, в одноаульном арчинском языке 81 фонема, а в русском языке – 41. В статье С. Тальямонте "Сопоставительная социолингвистика" обсуждаются возможности использования статистических методов при сопоставительных исследованиях языковой вариантности и языковых изменений. Автор считает их достаточно эффективными. Однако их следует дополнять и другими методами. Кроме того, и сами приемы статистических исследований по мере применения их в данной сфере будут становиться все более разнообразными и совершенными. Завершает книгу статья У. Вулфрама "Смерть языка", в которой рассматриваются различные модели исчезновения языка, обсуждаются причины этого явления, а также специфика его проявления на разных уровнях структуры языка.

Подводя итог, хотелось бы высказать несколько общих соображений. Всей книге предшествует посвящение: "Уильяму Лабову, на чьи работы есть ссылки в каждой главе и чьими идеями пронизана каждая страница". И это действительно так. Большинство статей построено по следующему принципу: излагается какая-нибудь идея У. Лабова, а затем описываются реализующие эту идею исследования различных ученых, которые иногда дополняются собственными конкретными исследованиями автора статьи. Часть статей носит откровенно реферативный характер. И лишь в немногочисленных работах идеи У. Лабова получают какое-то теоретическое развитие. В результате теоретический уровень статей оказывается очень неровным. Возможно, это не следует рассматривать как недостаток книги. Как мы уже отмечали, составители тома ставили перед собой задачу ознакомить читателя с разработками в области вариантной социолингвистики за последние четыре десятилетия. Решению этой задачи, безусловно, способствуют содержащиеся в статьях детальные обзоры литературы по указанному в названиях статей проблемам, и в целом статьи доста-

точно полно покрывают проблематику вариативной социалингвистики.

Основной недостаток книги состоит, на наш взгляд, в другом. Несмотря на декларированную в предисловии цель – показать развитие вариантной социалингвистики, как в США, так и других странах, где идеи, сформулированные американскими социалингвистами, начали развиваться в рамках национальных школ, – действительно оригинальные разработки зарубежных ученых остались несомненными. Опубликованные в сборнике статьи иностранных авторов – это типичные образцы американской социалингвистики "по Лабову". Характерно, что в библиографиях к статьям почти отсутствуют работы, которые написаны не на английском языке. Трудно отрицать, что английский прочно занял позиции международного языка науки, однако, значительное число работ по гуманитарным областям знания, по крайней мере в Европе, публикуются на немецком, французском, испанском, итальянском и других языках. Они

априори не попадают в поле зрения авторов книги.

Естественно, нельзя объять необъятное, а потому невозможно в одной даже очень объемной книге отразить все социалингвистические исследования по такой обширной проблематике, как вариативность. Но, видимо, и не надо было ставить такую масштабную задачу, оговорив в предисловии привлекаемый материал.

Сказанное, однако, не в коей мере не умаляет достоинств книги. Читателю предлагается очень тщательно составленное и квалифицированно написанное справочное пособие по англофонной вариантной социалингвистике. Оно, безусловно, окажется весьма полезным не только для российских социалингвистов, но и для представителей смежных областей знания.

Т.Б. Крючкова

R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.) Word: A cross-linguistic typology. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Книга представляет собой коллективную монографию, посвященную типологии слова: в ней рассматриваются проблемы, связанные с выделением фонетических и грамматических слов (словоформ) в ареально далеких и типологически разнородных языках. Книга была издана по результатам Третьего международного семинара, проходившего в Исследовательском центре по лингвистической типологии университета La Trobe (Австралия, штат Виктория), 7–12 августа 2000 г. По результатам первых двух семинаров, прошедших в 1997 и 1998 гг., теми же редакторами были изданы книги "Changing valency: case studies in transitivity" (Cambridge, 2000) и "Areal diffusion and genetic relationship: problems of comparative linguistics" (Oxford, 2001) соответственно.

В монографии одиннадцать глав, принадлежащих разным авторам. Первая и последняя главы, а также значительная часть второй носят теоретический характер, остальная часть книги посвящена проблематике отдельных языков. Мы уделяем несколько больше внимания теоретической части, ограничиваясь за недостатком места лишь краткими указаниями на тематику других глав.

Первая глава (Р.М. Диксон, А.Ю. Айхенвальд) под названием "Слово: типологический подход" представляет собой теоретическое предварение всего последующего. Авторы на-

чинают с разъяснения некоторых досадных недоразумений относительно концепта "слово". Они, например, вполне обоснованно опровергают общепринятое в лингвистике представление о концепте "слово" как об универсальном семантическом примитиве; разоблачается также основанное на терминологическом недоразумении мнение, что в языках изолирующего типа нет слов. В главе дается обзор литературы по вопросу об определении слова, подвергаются критике как недостаточные и неуниверсальные предложенные различными исследователями критерии выделения слова. Несмотря на большое число названий в списке литературы к этой главе, обзор – и это, по-видимому, его самый существенный недостаток – не является ни исчерпывающим (что при нынешнем состоянии вопроса, впрочем, вряд ли возможно), ни даже сбалансированным (что более досадно). При этом даже набор ссылок на англоязычных лингвистов, представленных наиболее полно, содержит некоторые трудно объяснимые лакуны. Остановимся на одном примере: ни в первой главе, ни в книге вообще не упоминается Дж. Гринберг, в статье которого [Greenberg 1960] (русскому читателю она известна в переводе [Гринберг 1963]) были изложены полезные рабочие критерии выделения словоформ. На этом фоне не вызывает удивления, что русская лингвистическая традиция

почти полностью игнорируется: из работ отечественных исследователей упоминаются лишь давняя англоязычная публикация [Žirmunskij 1966], обзорная по своему характеру словарная статья [Гак 1990] и узкоспециальная работа по эвенкийскому языку [Nedjalkov 1992]. Однако не нуждается в доказательстве, что работы русских лингвистов содержат ценные концептуальные достижения в этой области, учет многих из которых был бы крайне полезен именно для типологического исследования. Мы укажем лишь на наиболее яркие факты: так, А.И. Смирницким [Смирницкий 1954] был введен термин "словоформа" (кстати, не упомянутый в книге); специально посвящена строгому определению словоформы пионерская статья [Кузнецов 1964]; из достижений А.А. Зализняка упомянем лишь введение им в [Зализняк 1978] термина "морфонологическое слово"; С.Е. Яхонтов в [Яхонтов 1982] дает сжатое, но очень содержательное описание рабочих критериев словоделения; наконец, большая часть первого тома "Курса общей морфологии" И.А. Мельчука ([Мельчук 1997–2001]; работа, напомним, существует как на русском, так и на французском языке), посвящена именно определению словоформы¹. Все названные авторы в книге не упомянуты ни разу.

Авторы, наконец, излагают некоторые принимаемые ими теоретические положения. К числу последних относятся следующие разграничения: лексема vs. словоизменяемая форма (= словоформа); орфографическое слово (= сегмент по [Зализняк 1967: 19]) vs. другие понимания термина "слово"; фонетическое vs. грамматическое слово (= словоформа). Кроме того, приводятся предлагаемые критерии выделения грамматического и фонетического слова.

Грамматическое слово определяется как набор грамматических элементов, которые "а) всегда встречаются вместе, а не распределяются по фразе <...>; б) встречаются в фиксированном порядке; в) обладают конвенционализованной связностью и значением (conventionalized coherence and meaning)" (с. 19). Практическое применение этого определения, к сожалению, сопряжено с некоторыми трудностями, так как из трех пунктов этого

определения первый сформулирован слишком расплывчато, чтобы ему можно было придать точный смысл, второй, по свидетельству самих авторов, допускает исключения; что же касается третьего, то из текста статьи неясно, что, собственно, подразумевается под "конвенционализированным значением"².

Фонологическое слово определяется авторами как фонологическая единица не меньше слога, "имеющая не менее одного <...> определяющего свойства, выбранного из одной из следующих областей: а) сегментные признаки <...> б) супraseгментные признаки <...> в) морфонологические изменения <...>" (с. 13). Это определение адекватно соответствует многообразию критериев, по которым в описаниях различных языков определяется понятие фонологического (фонетического) слова, но применить его в типологическом исследовании, как нам представляется, не всегда оказывается легко: критерии из пунктов а), б) и в) могут противоречить друг другу, что, к сожалению, происходит довольно часто; более того – учет явлений, подходящих лишь под один из этих пунктов, может не давать единой картины. Например, известно, что в русском языке морфонологические изменения обнаруживают большое разнообразие дистрибуций: на стыке глагольной флексии с основой происходят одни изменения (например, "переходная" палатализация: /пек/ + /от/ → /печот/), на стыке именной флексии с основой – другие (например, "непереходная" палатализация: /рук/ + /е/ → /рук'е/); на границах после (безударных) предлогов и после префиксов не происходит никаких изменений, кроме ассимиляций по глухости / звонкости; на прочих границах добавляется еще и оглушение конечного шумного. Какую из этих групп чередований выбрать в качестве характерной именно для межсловных границ, а priori не очевидно.

Вторая глава (А.Ю. Айхенвальд) посвящена выделению фонетических и грамматических слов в языке тариана (аравакская семья, северо-запад Амазонии); особое внимание уделяется клитикам: как клитикам в тариана, так и типологии клитик вообще.

А.Ю. Айхенвальд вводит пятнадцать типологических параметров, которыми описывается поведение и статус клитик в языке: 1) ли-

¹ На наш взгляд, для авторов этой книги представляла бы значительный интерес и работа [Перцов 2000]; однако эта работа напечатана в труднодоступном издании и, будучи опубликованной уже после семинара Исследовательского центра по лингвистической типологии, едва ли могла быть известна авторам монографии.

² Если это идиоматичное значение, то, например, для подавляющего большинства традиционно выделяемых словоизменяемых показателей это условие не выполняется; если же здесь имеется в виду просто 'некоторое четко установленное значение', то это условие выполняется для любых сочетаний языковых знаков.

нейная позиция (проклятики vs. энклитики; позиция внутри клитического комплекса); 2) свобода выбора единиц, к которым клитики присоединяются; 3) дистрибуция их позиций относительно синтаксических границ; 4) способность образовывать самостоятельное фонетическое слово; 5) особенности сегментного состава и фонотактики; 6) сандхи на клитической границе; 7) возможность паузации на границах клитик; 8) клитические комплексы и поведение слов, содержащих клитики; 9) относительное расположение клитик в цепочке; 10) соотношение клитик с аффиксами; 11) соотношение клитик с полноценными словоформами; 12) синтаксическая область действия клитик; 13) возможности лексикализации, случаи семантически или морфологически идiosинкратических сочетаний с клитикой; 14) особые (применяющиеся лишь к клитикам) синтаксические правила; 15) корреляция признака "клитика – полноценная словоформа" с другими (например, с частеречной принадлежностью). Далее на основании этих параметров в пределах "континуального" подхода предлагается определять место конкретных единиц на шкале "клитика – аффикс".

По-видимому, данные параметры (строгого определения практически ни одному из которых не дается) имеет смысл рассматривать лишь как предварительный эвристический список, а не как полноценный рабочий инструмент типологических исследований. Действительно, часть их явно элементарна (например, пятый и восьмой параметры), а часть – избыточна (например, в значительной степени "перекрываются" первый и девятый, второй и двенадцатый параметры); при этом одни параметры, очевидно, характеризуют конкретную клитику (например, первые два), другие – множество всех клитик языка (например, последний), третьи же могут иметь двойную трактовку. Не указывается, к сожалению, и область возможных значений параметров, так что без специальных разъяснений остается не вполне понятным, какое значение принимает параметр в каждом конкретном случае.

Большая часть главы посвящена описанию клитик в языке тариана, для каждой из них определяются свойства, которые она разделяет с независимыми словами или с аффиксами; при этом оказывается, в частности, что проклятики в языке тариана больше похожи на полноценные слова, чем энклитики.

Основную часть книги, как уже говорилось, занимают очерки, посвященные проблемам, связанным с выделением фонетических и грамматических слов в отдельных языках.

В третьей главе Э Вудбери обсуждается купик (эскимосские языки, Аляска) – поли-

синтетический язык с развитым словоизменением и богатой системой словообразовательных суффиксов.

Четвертая глава посвящена восточному и центральному аренте (устар. аранда, пама-ньонга, Австралия – Дж. Гендерсон), где установление границ фонологических и грамматических слов настолько затруднительно, что автор главы отказывается от формулировки общеприменимого критерия деления высказываний как на фонологические, так и на грамматические слова в этом языке, хотя и предлагает несколько предварительных критериев.

Язык джаравара (семья арава, юг Амазонии – Р.М.В. Диксон) обсуждается в пятой главе. Диксон дает определения грамматическому и фонологическому слову в языке джаравара и отмечает случаи несовпадения грамматического и фонологического слов. Интересно, что в джаравара, согласно описанию Диксона, не только одно фонологическое слово может состоять из нескольких грамматических, но и, наоборот, одно грамматическое из нескольких фонологических (что нехарактерно для языков средневропейского стандарта), причем второе встречается гораздо чаще первого (что вообще говоря, бывает крайне редко).

Особый интерес для семиотической теории представляет шестая глава (У. Зешан), в которой делается попытка применить термин "слово" к языкам жестов. Специфическая субстанция этих знаковых систем предопределяет такие свойства входящих в них знаков (в частности, "слов"), которые немислимы применительно к словам естественного, звучащего языка: так, в некоторых языках жестов могут одновременно (двумя руками сразу) передаваться несколько "слов".

Языкам сиу (семья языков, распространенных в центральной части Северной Америки – Р. Рэнкин, Дж. Бойль, Р. Грачик, Дж. Кунц) посвящена седьмая глава. Поскольку в языках сиу имеется сложная система префиксов (так, в языке квапау в глагольную словоформу может входить до восьми грамматических префиксов) и энклитик (положение дополнительно усугубляется наличием глагольной инкорпорации), то для авторов главы определение слова (как фонетического, так и грамматического) в языках сиу оказывается довольно трудной задачей, для решения которой требуется, по их свидетельству, "помощь духов" (с. 202).

В восьмой главе К. Олавский рассматривает проблемы выделения слова (как фонетического, так и грамматического) в языке дагбани (семья гур, Гана). Рассмотрение материала

этого языка не может не заслуживать внимания: проблемы грамматики языков Западной Африки вообще и проблема слова в них в частности до сих пор не вполне осмыслены теорией языкознания.

В девятой главе (А. Гаррис) описывается соотношение фонологических и грамматических слов в грузинском языке (картвельская семья), причем оказывается, что границы первых и вторых совпадают практически всегда; исключений немного, и они вполне предсказуемы: это конструкции с клитиками и композиты.

Слову в новогреческом языке посвящена десятая глава (Б. Джозеф), где, помимо обсуждения статуса "клитик" традиционной грамматики греческого языка (это постоянная тема автора главы), содержит скрупулезный перечень критериев выделения фонологического слова в новогреческом, включающий сегментные, супraseгментные и морфонологические характеристики словесных границ; отмечаются исключения из общих закономерностей, поведение заимствований и т.п.

Одиннадцатая глава (автор – П. Мэтьюс – знаменитый морфолог, известный, в частности, книгой [Matthews 1991]) называется "Что мы можем заключить?". От главы с таким названием, стоящей в книге последней, можно ожидать каких-то выводов и обобщения сказанного раньше; в данном же случае Мэтьюс скорее возвращается к ключевым проблемам, связанным с понятием слова, и в первую очередь – к проблеме принципиальной неединственности словоделения в общем случае. Причиной этой неединственности, по Мэтьюсу, заключается в том, что наши теоретические представления основываются на традиции грамматических описаний латинского языка. В связи с этим Мэтьюс описывает языковые основания латинского словоделения и приводит список трудных случаев словоделения в латыни и непоследовательностей традиционной грамматики в этом отношении (так, *quomodo* 'как', рассматриваемое латинской грамматикой как одно слово, могло разрываться клитикой *que*, что в общем случае не допускалось). Кроме того, Мэтьюс лишний раз обращается к разграничению фонетического слова и словоформы и останавливается на соотношении понятий слова и словосочетания; кратко, но интересно и содержательно обсуждается статус клитик в лингвистическом описании.

Мэтьюс объективно отмечает многочисленные случаи противоречия между различными критериями выделения словоформ и отсутствие у лингвистов (даже в пределах рассматриваемой монографии) единодушия по поводу приоритетности критериев (например, для языков сиву в седьмой главе, с. 190–191, авторами описывается вариативность положения инкорпорированного корня внутри

глагольной словоформы, хотя в других случаях переставимость частей слова не допускается). Как мы уже говорили, Мэтьюс ограничивается постановкой проблем и практически не делает выводов; единственное типологическое обобщение Мэтьюса – постулат об универсальности слова – представляет собой дедуктивную (выводимую из принятой теории грамматики, а не из эмпирических данных) универсалию.

Книга чрезвычайно интересна содержащимися в ней эмпирическими данными языков различной структуры. Ценность этих данных представляется нам тем выше, что большинство рассматриваемых в монографии языков – экзотические и практически неизвестны лингвистам (в особенности российским) из-за отсутствия или труднодоступности описаний.

При этом сам набор языков не может не вызывать вопросов. С одной стороны, рассматриваются такие языки, как грузинский и новогреческий: в первом словоделение, по-видимому, не вызывает проблем, а во втором оно демонстрирует всего лишь довольно обычное отставание орфографии и грамматической традиции от языковой реальности. С другой стороны, совершенно оставлены в стороне языки изолирующего строя и агглютинативные языки Евразии³, представляющие особый интерес для грамматической теории именно с точки зрения словоделения. Таким образом, выборка языков производит впечатление довольно случайной.

Некоторые недоработки теоретического аппарата не мешают книге Диксона и Айхенвальд, написанной в рамках "наблюдательной" (ориентированной на факты) типологии, полностью достичь своей цели: представленный в ней богатейший эмпирический материал служит прекрасной иллюстрацией тех многочисленных проблем, которые встают перед лингвистом при любой попытке определить, что же такое слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гак 1990 – В.Г. Гак. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Н.В. Ярцевой. М., 1990.
- Гринберг 1963 – Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.

³ Ср. краткое обсуждение проблемы слова в изолирующих и агглютинативных языках и ссылки на литературу в [Солнцев 1995: 68 и сл.].

Зализняк 1978 – А.А. Зализняк. Грамматический очерк санскрита // В.А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. М., 1978.

Кузнецов 1964 – П.С. Кузнецов. Опыт формального определения слова // ВЯ. 1964. № 5.

Мельчук 1997–2001 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии (теоретической и описательной). М. Т. 1 – 1997. Т. 2 – 1998. Т. 3 – 2000. Т. 4 – 2001.

Перцов 2000 – Н.В. Перцов. Еще раз к строному определению словоформы // Труды международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям: В 2-х т. Т. 1: Теоретические проблемы. Протвино, 2000.

Смирницкий 1954 – А.И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема "тождества слова") // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1954. Т. IV.

Солнцев 1995 – В.М. Солнцев. Введение в теорию изолирующих языков (в связи с об-

щими особенностями человеческого языка). М., 1995.

Яхонтов 1982 – С.Е. Яхонтов. Метод исследования и определение исходных понятий // Квантитативная типология языков Азии и Африки / Отв. ред. Б.В. Касевич и С.Е. Яхонтов. Л., 1982.

Greenberg 1960 – J.H. Greenberg. A quantitative approach to the morphological typology of languages // International journal of American linguistics. 1960. V. 26.

Matthews 1991 – P.H. Matthews. Morphology. 2nd ed. Cambridge, 1991.

Nedjalkov 1992 – I.V. Nedjalkov. Functions of Evenki verbal suffixes with variable morpheme ordering (comparative approach) // Languages of the world 4. 1992.

Žirmunskij 1966 – V.M. Žirmunskij. The word and its boundaries // Linguistics 27. 1966.

Д.А. Паперно

Shoichi Iwasaki. Japanese. Amsterdam; Philadelphia. John Benjamins Publishing Company. 2002. 360 p.

Рецензируемая книга издана в серии описаний восточных языков, издаваемых Школой восточных и африканских исследований при Лондонском университете. В этой серии уже вышли или готовятся к печати 11 описаний наиболее известных и уже достаточно изученных языков Азии и Африки. Автор книги – представитель молодого поколения японистов, американец японского происхождения, получивший образование в Университете Гавайев и Калифорнийском университете. Книга издана под редакцией известного японского лингвиста Масаёси Сибатани.

Основная цель книги – познакомить с японским языком читателя-лингвиста, для которого родным языком является английский. Последний язык постоянно выступает в книге в качестве эталона. Например, в разделе о прилагательных (в японском языке это – класс слов, близких к глаголу) специально говорится о том, что японские прилагательные не изменяются по степеням сравнения, и описывается, как образуются японские сравнительные конструкции (с. 37). В то же время здесь отсутствует указание (встречающееся иногда в русских описаниях японского языка) на то, что японские прилагательные не склоняются. Но при этом автор старается избежать подгонки фактов японского языка под принятые в англоязычных странах схемы; в предисловии он пишет, что старался описывать японский язык таким, какой он есть, не делая его похожим на что-то другое (с. xiv).

Книга может быть интересна любому читателю, владеющему английским языком, особенно неспециалисту в области японистики.

В отдельных случаях автор опирается на собственные исследования, но большей частью он стремится изложить результаты исследований многих лингвистов и пересказать наиболее общепринятые точки зрения. В библиографии упомянуты многие публикации на японском и английском языках с первой половины XX в. до наших дней. Из работ лингвистов за пределами Японии и англоязычных стран отмечена лишь статья Е.Д. Поливанова 1924 г. "К работе о музыкальной акцентуации в японском языке (в связи с малайскими)", имеющаяся в английском переводе.

По структуре книга достаточно традиционна и напоминает, например, структуру очерков известной серии "Языки народов Азии и Африки". В начале книги кратко излагаются данные о распространении японского языка, его генетических связях, истории и диалектологии, о письменности, фонологии (включая акцентологию) и лексике, затем значительно более подробно описываются система частей речи, морфология (включая словообразование) и синтаксис; все завершается образцами текстов с пословным переводом. Менее стандартными, однако, выглядят две последние (не считая образцов текстов) главы, озаглавленные "Дискурс и грамматика", "Прагматика и грамматика". Впрочем, в них в основном речь идет также о хорошо известных пробле-

мах: в главе о дискурсе описывается то, что обычно именуется синтаксисом сложного предложения, а в главе о прагматике – ряд грамматических категорий, в том числе так называемые категории вежливости.

Как часто бывает в подобного рода изданиях, книга сконцентрирована на проблемах грамматики, а вопросы социолингвистики, генетических связей, фонетики, фонологии и акцентологии, лексической семантики описываются лишь настолько, насколько это необходимо. Автор явно не является здесь специалистом и излагает факты упрощенно, а иногда и не вполне точно. Так, японские термины *kyoojisu-go* "общий язык" и *hyoojin-go* "стандартный язык" даны на с. 1 как синонимы. Но в японской социолингвистике эти термины различаются: "стандартный язык" подчиняется строгим правилам, это – скорее идеал, чем реальное состояние, а "общий язык" допускает в определенных пределах вариативность, в том числе региональную; см. об этом [Неверов 1982: 13–16]. Очень слаб занимающий полстраницы (с. 2) фрагмент о генетических связях: самая поздняя из упомянутых работ датирована 1971 годом, а генетические связи между языками не отделяются от типологических сходств. Приведенная система фонем и их реализаций (с. 17–20) сильно зависима от стандартной латинской транскрипции, в ряде случаев неточной, особенно в связи с палатализацией согласных. Вопросы лексической семантики рассмотрены лишь в ограниченных случаях: либо там, где они традиционно включаются в грамматику (местоимения, числительные), либо там, где она соприкасается с грамматической семантикой (например, различия в значении между грамматическим и лексическим каузативом или реципроком).

Основные интересы автора находятся в области грамматики, и именно здесь книга может служить путеводителем по японским и (в меньшей степени) американским исследованиям японского языка XX в. Раздел "Классы слов" (с. 32–55) излагает общепринятую в Японии систему частей речи (последний термин в соответствии с принятой в США традицией избегается автором). Описаны основные классы: имена (включая местоимения), глаголы, прилагательные, именные прилагательные – и второстепенные (*minor*) классы: наречия, союзы, приименные, вспомогательные глаголы, связки, междометия и аффиксы. Особо рассмотрены некоторые подклассы слов со специфическими свойствами: звукоподражания и образоподражания, числительные. Система описана точно в соответствии с японскими стандартами, но используемые автором буквальные английские эквиваленты

японских терминов иногда запутывают непосвященного читателя. Так, союзами (*conjunctives*) названы явно знаменательные слова, которые, в европейской терминологии, могли бы быть названы союзными наречиями. Вспомогательные глаголы (*auxiliaries*) – это, с европейской точки зрения, глагольные и адъективные словоизменительные аффиксы, тогда как *affixes* – это лишь аффиксы словообразования (впрочем, само их включение в "классы слов" странно для читателя-неяпонца). К тому же ниже (с. 111) вводятся не упомянутые в данной главе подлинные вспомогательные глаголы японского языка, получающие такое же наименование – "*auxiliaries*". Такая неэквивалентность во многом объясняется тем, что ряд японских терминов – кальки с английского, которые затем были переосмыслены; см. [Алпатов 1990]. С. Ивасаки делает буквальный обратный перевод, не учитывая это переосмысление. При этом в следующей главе "вспомогательные глаголы" трактуются вполне по-европейски, включаясь в глагольную и адъективную парадигму.

В главе "Морфология" (с. 57–81) рассматривается словоизменение и словообразование в японском языке. Как принято в японской традиции, словоизменение признается лишь для глаголов и прилагательных (последние имеют парадигму, близкую к глагольной, но более простую). Словообразование охватывает все главные классы слов японского языка. Подробно описываются типы словообразования: деривация, словосложение, редупликация, аббревиация.

Глава "Аргументные структуры" (с. 83–104) описывает минимальный состав простого предложения: предикат и его аргументы; в связи с этим рассматриваются падежная система (падежные показатели трактуются как частицы) и типы падежного управления. Выявляются соответствия (далеко не всегда однозначные) между оформлением актантов и семантическими ролями.

Среди глагольных категорий наиболее детально рассматриваются тесно связанные между собой время и вид. Им посвящена специальная глава (с. 105–124). С. Ивасаки исходит из определения грамматического времени, данного Б. Комри: кодирование отношения между временем ситуации и каким-то другим временем, обычно временем речи. Указывается, что японская временная система, несмотря на существование всего двух форм, сложна по семантике и лишь приблизительно может быть описана через противопоставление прошлого, настоящего и будущего (с. 105). Выбор той или иной формы зависит и от значения всего предложения (общие или

специфические суждения), и от значения предиката (активный или пассивный), и от природы предложения (независимое или придаточное). В частности, в независимом предложении временное значение соотносено со временем речи, а в придаточном – со временем события, обозначенного в главном предложении. Думается, что ситуация здесь может быть еще сложнее: относительное (таксисное) временное значение бывает и в независимом предложении (время соотносится со временем следующего предложения); см. об этом [Сыромятников 1971: 244–278]. Вид также определяется по Б. Комри: способ рассмотрения внутренней целостности ситуации (с. 111). Выделяются перфект (образуемый тем же показателем *-ta*, что прошедшее время), прогрессив и результатив (вспомогательные глаголы *iru*, *aru*), завершенный вид (вспомогательный глагол *shimau*), начинательный вид (вспомогательные глаголы *nagi*, *kiyu*, *iki*). Трактовка форм с *shimau* как форм завершенного вида, встречающаяся в литературе, безусловно, неточна. Сам С. Ивасаки по сути опровергает ее, приходя к более точному указанию на то, что в данном случае некоторое событие достигает точки, откуда нельзя вернуться назад (с. 118); ср. нашу трактовку данных форм как обозначающих существенное и необратимое изменение ситуации [Алпатов 1998].

Глава "Грамматические конструкции" (с. 125–173) посвящена различным конструкциям, изменяющим синтаксическую структуру предложения, с точки зрения их морфологической и синтаксической формы и с точки зрения их семантики. Описываются пассивные, потенциальные, каузативные, бенефактивные (малефактивные), реципрокальные конструкции, а также конструкции самопроизвольного возникновения действия и конструкции с числительными. При этом учитываются как исследования японо-американских генеративистов последних десятилетий (там соответствующая тематика исследовалась очень активно), так и классические японские работы первой половины XX века. Так, семантическое разграничение формально одинаковых потенциальных конструкций и конструкций самопроизвольного возникновения действия (соответствуют русскому *мне кажется*, *мне думается* и пр.) было предложено классиком японского языковедения С. Хасимото в 1931 г.

В двух следующих главах специально рассматриваются структура именной фразы (то есть способы выражения определительных отношений) (с. 175–194) и способы вставления (*embedding*), то есть включения предложения (*clause*) в состав целого предложения (*sentence*): прямая и косвенная речь, образование

относительных предложений и др. (с. 195–216). В последней главе особое место занимает описание номинализации (субстантивации), при которой предложение вставляется в качестве именного члена в большее предложение. В японском языке в этих целях используются особые грамматические элементы (именуемые в отечественной японистике субстантиваторами, а в англоязычных работах, включая данную книгу? – *complementizers*). Семантические различия между субстантиваторами – весьма сложная проблема, весьма по-разному рассматриваемая разными исследователями. В данной книге предлагается одно из самых подробных и четких описаний этих различий (с. 200–215), хотя, вероятно, оно имеет силу не для ста процентов случаев.

Глава "Информационная структура и форма предложения" (с. 215–246) посвящена, пожалуй, наиболее широко известному за пределами Японии грамматическому явлению японского языка – правилам употребления частицы *wa*, очень часто вытесняющей показателя подлежащего и прямого дополнения. Чаще всего эту частицу трактуют либо как показатель темы, либо как показатель топика; обе трактовки объясняют многие, но далеко не все случаи употребления частицы. С. Ивасаки, во многом ориентирующийся на идеи С. Курода, сохраняет обозначение *wa* как показателя топика, но понимает топик шире, чем это делается во многих работах. Он разграничивает предложения с топиком (в которых есть *wa*) и предложения без топика (без *wa*) как прототипические предложения соответственно с модальной оценкой говорящего и без нее (с. 218). Рассмотрены условия, способствующие топикализации или затрудняющие ее. Здесь же говорится и о других явлениях, связанных с информационной структурой предложения: пресуппозиции, фокусе.

В главе, названной "Дискурс и грамматика" (с. 247–274), рассматриваются две проблемы, традиционно не связываемые друг с другом. Это проблема сложных (сочинительных и подчинительных) предложений и проблема анафоры и средств ее выражения: личных и возвратных местоимений, демонстративов. Последняя глава "Прагматика и грамматика" (с. 275–304) рассматривает различные грамматические категории и грамматические конструкции, которые не нашли места в предшествующем изложении. Они связаны по семантике либо с выражением модальности говорящего, либо с выражением его отношения к слушающему. Это и разные степени категоричности, и эвиденциальность различных типов, и желательность, и долженствование, и императив, и направленность действия к гово-

рящему или от говорящего, и, наконец, разные виды так называемых форм вежливости. Последние описываются в книге, во-первых, как различия уровней речи (speech levels) – неформального, нейтрального и формального, во-вторых, как показатели почтения (honorifics) к собеседнику или к референту. Здесь автор пытается синтезировать японский и американский подходы к данному явлению (в Японии оно рассматривается как грамматическое и лексическое, в США – как стилистическое), как нам представляется, не совсем удачно: уровни речи и показатели почтения могут рассматриваться в рамках единой системы. Тем не менее, все описываемые в данной главе явления охарактеризованы кратко, но достаточно четко. В конце книги (с. 305–332) даны образцы текстов различных стилей, связанных с разными типами коммуникации (газетная статья, сказка, устный рассказ, два диалога); они снабжены словным переводом и комментариями.

Книга С. Ивасаки содержит спорные положения, не все рассмотренные в ней явления описаны достаточно подробно. Тем не менее,

в целом это полезное введение для знакомства с грамматикой японского языка лингвиста, специально не занимающегося этим языком (в частности, специалиста по общей лингвистике и типологии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1990 – *В.М. Алпатов*. Знаменательные части речи в японском языке // Части речи. Теория и типология. М., 1990.
- Алпатов 1998 – *В.М. Алпатов*. Нестандартные видовые категории в современном японском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Неверов 1982 – *С.В. Неверов*. Общественно-языковая практика в современной Японии. М., 1982.
- Сыромятников 1971 – *Н.А. Сыромятников*. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.

В.М. Алпатов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В Москве с 27 по 29 октября 2003 г. проходила ежегодная международная конференция SPECOM-2003 (РЕЧЬ И КОМПЬЮТЕР), посвященная различным аспектам речеведения, фонетических наук, автоматической обработки естественного языка, цифровой обработки речевых сигналов, системам синтеза и анализа речи, системам распознавания и понимания речи, судебной фонетики и проблемам идентификации и верификации говорящего, корпусной лингвистики и проблемам диалога "Человек - ЭВМ", вопросам речепроизводства и речевосприятия, а также компьютерного обучения иностранным языкам. Широчайшая гамма затронутых в работе конференции тем способствовала обмену идей между специалистами из различных областей знаний. Уникальность данного плодотворного обмена идей заключалась в том, что коммуникация между профессионалами, работающими в разных отраслях науки, обычно ограничена, поэтому мероприятия, собирающие ученых столь различного профиля, действительно способствуют дальнейшему развитию в междисциплинарных отраслях знаний, коими являются распознавание и понимание речи, судебная фонетика, организация диалога с машиной на естественном языке и др.

Конференция проводилась Московским государственным лингвистическим университетом (в частности, кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики). Данное мероприятие финансировалось Российским фондом фундаментальных исследований, межотраслевым научно-технологическим центром "Наука" и проводилось при поддержке Международной ассоциации по речевой коммуникации (ISCA).

При открытии работы конференции была отмечена эффективность предыдущих конференций и было сказано, что подобные международные мероприятия способствуют распространению знаний, идей, новых открытий

и, что немаловажно, опыта как в академических исследованиях, так и в воплощении научных открытий в практику повседневной жизни по всему миру. В работе конференции в 2003 г. принимали участие представители Алжира, Белоруссии, Германии, Греции, Ирландии, Нидерландов, России, США, Франции, ЮАР, Японии. Число участников - 150 человек. В очередной раз подтвердилась особая значимость конференции SPECOM, проводимой не в первый раз в Москве.

В конференции приняли участие как всемирно известные ученые, так и молодые специалисты.

Ведущими специалистами на пленарных заседаниях был прочитан ряд обзорных лекций. Г. Коккинакис (Греция, Патры) в своем выступлении осветил проект ISPIRE. Проект заключается в разработке системы беспроводной автоматизации домашних приборов и бытовой техники с голосовым управлением. Работа над проектом началась в 2002 году и ее завершение намечено на 2004 год совместными усилиями четырех промышленных компаний, заинтересованных в данных разработках в целях дальнейшего их практического воплощения, и трех университетов, обеспечивающих академические научные исследования. Выступающий рассказал об архитектуре системы, об организации диалога, о модуле фильтрации и обработки речевых сигналов, о ситуации на момент конференции и об ожидаемых результатах к концу 2004 года. Данное выступление показало пример сотрудничества коммерческих промышленных предприятий и компаний (например, Филипс (Philips Electronic, Нидерланды), и академических институтов (например, Ruhr University, Германия)) для достижения оптимальных результатов и взаимовыгодного сотрудничества.

Другой международный проект был представлен на пленарном заседании выступающим из Германии. Г. Ригол (Германия, Мюнхен) рассказал о разработках по распознаванию событий, основанных на алгоритмах

распознавания речи и обработки визуальных образов. Цель данного проекта – создание браузера событий, для чего и возникает необходимость сегментирования потока событий на отдельные элементы. [Например, событие СОВЕЩАНИЕ может разбиваться на подсобытия ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОГО ПРОЕКТА, ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА, РЕЧЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ и т.д. для того, чтобы пользователь мог легко перейти к просмотру интересующего его события (например, презентация номер три) без необходимости пролистывать полную запись события целиком]. Мультимодальность – ключевой подход к разработке данной проблемы, так как для сегментации событий приходится применять алгоритмы распознавания как слуховых, так и визуальных образов.

Неоднократно было отмечено, что среди множества существующих языков только небольшая часть обладает достаточными ресурсами для разработки и практического внедрения технологий обработки естественного языка (обработка устной речи – верификация и идентификация говорящего, системы анализа и распознавания речи, системы синтеза речи и т.д.; обработка письменной речи – системы реферирования текстов, машинный перевод и т.д.). Учитывая возрастающую роль технологий обработки естественного языка, данный факт может привести в будущем к серьезному экономическому, научному, технологическому и социальному неравенству. Доклад С. Краувера (Нидерланды, Утрехт) был посвящен именно этому вопросу. Предложенный выход – проект BLARK, работа по которому ведется при поддержке ELSNET. Проект заключается в определении базового набора необходимых ресурсов (баз данных, речевых корпусов, корпусов письменной речи, информационных ресурсов и т.п.) для всех языков независимо от числа говорящих на них людей и их экономической и политической важности в современном мире. Наличие подобных ресурсов позволит обеспечить минимально необходимые условия для начала работ по созданию технологий обработки естественного языка применительно к каждому языку, имеющему необходимый базовый набор ресурсов.

Доклад Ж.-П. Атона (Франция, Нанси) был посвящен современным методам повышения помехоустойчивости систем автоматического распознавания речи. В начале выступления дал классификацию шумов и мешающих распознаванию факторов, влияющих на рост процента ошибок: фоновый шум; помехи, вызываемые вариативностью артикуляции в силу индивидуальных особенностей го-

ворящего, социальных, региональных и иноязычных акцентов, физиологических и психологических факторов, таких как эмоциональная речь или эффект Ломбарда; шум, вызванный особенностями акустической среды или искажениями сигнала при прохождении его по различным каналам связи. После того, как был дан краткий обзор проблем и решений, выступающий подробно остановился на самых популярных и самых эффективных методах повышения помехоустойчивости систем автоматического распознавания речи, включая усиление речевого сигнала и шумочистку, улучшения методов анализа речи и параметризации (выбор признаков и методы извлечения признаков), методы адаптации к говорящему. Выступление показало актуальность проблемы помехоустойчивости применительно к системам распознавания речи на сегодняшний день.

В своем выступлении В.И. Галунов (Россия, С.-Петербург) представил обзор современного состояния в области идентификации и верификации говорящего. Он привел классификацию систем определения личности говорящего по голосу и речи: системы идентификации и верификации, системы для идентификации группы говорящих, текстозависимые и текстонезависимые системы, автоматические и автоматизированные системы и т.д., после чего перешел к научной стороне проблемы. Выступающий подробно остановился на подходах, проблемах, решениях на различных ступенях процесса идентификации: на параметризации (отбор и выделение дифференцирующих признаков); конструирование референтной модели для конкретного говорящего и вынесение решения по определению идентичности говорящего. В заключении был приведен обзор национальных и международных достижений в данной области и показаны перспективы дальнейшей работы.

Закрывал работу пленарных заседаний доклад Р.К. Потаповой (Россия, Москва) на тему современных систем компьютерного обучения иностранным языкам с элементами акустической обратной связи. Были проанализированы используемые системы, системы, которые могут быть в перспективе использованы для обучения, даны рекомендации разработчикам подобного программного обеспечения (ПО) и пользователям-обучающимся. Доклад содержал множество продуктивных идей, реализация которых несомненно позволит повысить эффективность компьютерного иноязычного обучения. В секции по компьютерному обучению был сделан еще один доклад Р.К. Потаповой, посвященный более специфическому вопросу обучающего

ПО фонетического профиля с элементами акустической обратной связи – автоматическому формулированию рекомендаций для исправления произнесения, нацеленной на повышение аутентичности речи говорящего и тренировку произносительных навыков.

Работа конференции на второй и третий день проводилась по следующим секциям: лингвистические базы данных в человеко-машинных диалоговых системах, обработка речевого сигнала и системы преобразования "текст – речь", системы распознавания и понимания речи, технологии в области судебной фонетики и идентификации говорящего, речеобразование и речевосприятие, системы лингвистического компьютерного обучения.

Секция, работа которой была посвящена корпусной лингвистике, затрагивала вопросы автоматического реферирования больших объемов текста, автоматического извлечения информации, построению баз данных устной и письменной речи, машинному структурированию дискурса, машинному переводу, различным моделям обработки письменного языка, составлению словарей и алфавитов для декодирования речи и т.д.

В секции по обработке речи и систем автоматического синтеза речи затрагивались как общие вопросы (например, принципы разработки инструментария для автоматической транскрипции письменного текста), так и очень специализированные (например, проблема синтеза русского вибранта в различном окружении). Большой интерес вызвал доклад представителей Алжира (З. Зем и р л и др.; Аннаба), которые рассказали о системе автоматического синтеза речи для арабского языка ARAVOICE (результат сотрудничества университета города Аннаба; компании IRIT, Франция; и INI ALGIERS, Алжир). Выступающий рассказал о системе в целом, подробнее остановился на тэггинге, модуле преобразования "графема-фонема", юридической организации синтезируемого речевого сигнала и на оценке системы. Докладчик подробно рассказал о методах оценки качества синтезируемой речи. В конце выступления было сообщено о сфере практического применения разработанной системы автоматического синтеза речи для арабского языка. Еще одна работа, вызвавшая интерес слушателей и представителей промышленных компаний, была представлена греческими специалистами П. Зервасом, И. Потам и т и с о м и др. (Греция, Патры) и посвящена вопросам разработки системы автоматического синтеза речи, основанной на гибридном подходе, совмещающем алгоритмы как ком-

пьютерного, так и формантного (параметрического) синтеза.

В работе секции, посвященной проблемам распознавания и понимания речи, в равной мере были представлены доклады отечественных и зарубежных исследователей. В докладе "Применение вейвлет-преобразования для надежного распознавания речи" Ф. Бойкова и Т. Старожиловой (Россия, Москва) представлены результаты экспериментов по автоматическому распознаванию речи с помощью вейвлет-преобразования, которые проводились на базе речевого корпуса TeCoRus с использованием как слитной речи, так и изолированных слов. Традиционно при решении проблемы распознавания речи для оценки речевых параметров, извлеченных из сигнала, используются методы линейного предсказания и быстрое преобразование Фурье.

В конце 80-х – начале 90-х гг. был разработан новый стандарт, названный вейвлет-компрессией (от англ. *wavelet* "маленькая волна" – название это объясняется формой графиков функций, используемых в вейвлет-анализе). Вейвлеты представляют собой функции, локальные по времени и частоте, где все функции получаются из одной посредством ее сдвигов и растяжений по оси времени. Важные свойства вейвлетов заключаются в наличии быстрого алгоритма преобразования и в том, что они являются базами многих важных пространств. Вейвлет-преобразование с позиции реализации является разновидностью субполосного кодирования и осуществляется путем фильтрации сигнала древовидным банком фильтров. Авторы работы используют новый подход к распознаванию речи, основанный на таком вейвлет-преобразовании. Мотивацией для использования такого преобразования является компромисс между спектральной и временной разрешимостью, который может быть достигнут с помощью вейвлетов.

Одним из главных преимуществ данного преобразования (наряду с компрессией, многоразрешимостью и др.) является лучшая локализация высокочастотных кратковременных составляющих. Оно не требует кратковременного пооконного анализа. Основной целью исследования являлась оптимизация числа коэффициентов для пооконного вейвлет-преобразования (в экспериментах оптимизированная нижняя частота равнялась 400 Гц, 800 Гц, 1600 Гц). Полученные результаты указывают, по мнению авторов, на эффективность применения вейвлет-анализа для качественного распознавания речи. Однако требуется дальнейшая оптимизация параметров рассматриваемого преобразования. Доклад

чки подчеркивают возможность уменьшения уровня ошибок при распознавании с помощью применения разнообразных ветвистых базисов, особенно тех, которые отвечают за характеристики систем производства и восприятия речи человека. В настоящее время авторы работают над созданием такого ветвистого базиса, основанного на функции голосового источника.

В центре доклада французских ученых К. Буске и др. (Франция, Тулуза) "Создание языковых моделей с целью распознавания речи" находятся два подхода к созданию языковой модели для понимания речи: вероятностный и концептуальный. Первый подход подразумевает членение предиката и его аргументов на несколько концептуальных сегментов с целью оптимизации процесса концептуальной расшифровки и минимизации числа параметров. При втором подходе предикат перегруппировывается со своими аргументами в один концептуальный сегмент. Оценка работы полученных языковых моделей была проведена с учетом их использования в системах запроса расписания поездов (европейский проект ARISE). Авторским коллективом была разработана система понимания речи, основанная на вероятностном представлении семантического и прагматического знания с использованием концептуальных сегментов. При создании первой модели производились следующие операции: максимальная факторизация классов слов, общих для нескольких концептуальных сегментов (для уменьшения количества классов слов), членение сегментов, содержащих фразы, порядок которых нефиксированный, обобщение некоторых сегментов. Вторая модель основана в большей степени на синтаксических и логических критериях. Результаты экспериментов показали, что при работе со спонтанной речью первый подход более эффективен. Однако авторы обращают внимание на недостаточный объем тренировочного корпуса (соотношение между сложностью Марковской модели и размером корпуса) и на возможность получения лучших результатов на более сложной системе. Другим способом оптимизации результатов работы системы является создание трехуровневой Марковской модели, где один уровень будет получен на основе лингвистического анализа, а два других должны быть разработаны с учетом требований упрощения и надежности, накладываемых на языковую модель.

Все возрастающая сложность бытовых приборов и услуг, а также их использование пожилыми и недееспособными людьми ставят проблему создания умных, интуитивно понят-

ных, гибких интерфейсов, обеспечивающих взаимодействие человека и машины.

В докладе представителей Греции И. Потамитса и др. "К вопросу о дружественном интерфейсе системы управления бытовыми приборами с применением распознавания речи" представлена интеграционная система-помощник в быту, инсталлированная в компьютер и управляемая речью человека. Авторами рассматривается проблема распознавания речи в помещении с реверберацией при наличии нескольких говорящих и бытовых шумов.

Данная система включает в себя следующие компоненты: ряд линейных микрофонов для обеспечения пространственной избирательности звуковых сигналов; широкополосные фильтры с полосой пропускания 300–1300 Гц; модуль обнаружения слова, исключающий случайные команды путем поиска ключевых слов; модуль персонализации, состоящий из компонента верификации говорящего и компонента моделирования пользователя (система идентифицирует ограниченное зарегистрированное число пользователей); наконец, модуль распознавания речи, состоящий из компонента распознавания слитной речи и соответствующих динамически встроенных словарей.

Авторами представлена комбинация различных технологий для создания речевого портала сложных устройств и сделана попытка вынести эту проблему за лабораторные рамки в реальные бытовые условия. Авторы указывают направления развития таких систем: повышение надежности работы систем за счет вероятностных моделей, создание сети, работающей с большим количеством бытовых приборов, использование беспроводных микрофонов, использование существующих сетевых услуг, получение специальной информации с помощью таких систем (например, телепрограммы), обеспечение доступа к имеющимся телекоммуникационным голосовым услугам и др. Данная работа выполнялась в рамках проекта INSPIRE, о котором рассказывал Г. Коккинакис во время своего пленарного выступления.

Российская сторона была представлена на секции двумя сильнейшими группами исследователей из НИИ "Спецвузавтоматика" (Ростов-на-Дону) и из г. Саров (Нижегородская область). Обе группы занимаются разработкой проблематики систем автоматического распознавания речи для русского языка с применением алгоритмов, специфичных для славянских языков. Была создана база данных наиболее типичных ошибок при распознавании русскоязычной речи. Предлагались но-

вые подходы к моделированию вариативности произношения в системах распознавания русскоязычной устной речи. Хочется отметить, что успешность исследований, проводимых вышеупомянутыми коллективами, в немалой мере обусловлена тем фактом, что их разработки сразу же находят практическое применение. Эти работы выполняются под специальные заказы и их практическая ценность изначально имеет превалирующее значение.

В докладе Е.К. Левина и К.Е. Левина (Россия, Владимир) были изложены результаты анализа, посвященного использованию моделирующего программного комплекса для исследования устройств распознавания речи. Авторы представили структуру программного комплекса, данные по погрешности оценки огибающей спектра речевого сигнала, алгоритмы выделения основного тона. Было указано на то, что разработанный программный комплекс позволяет быстро составлять схемы экспериментального исследования различных алгоритмов обработки речевого сигнала, используемых при распознавании речи.

Секция по судебной фонетике включала одиннадцать работ по различным аспектам данной проблематики. Р.К. Потапова в соавторстве с В.В. Потаповым (Россия, Москва) открыла работу сессии выступлением, посвященным современному состоянию экспертного корпуса судебной фонетики в России. Кроме того, Р.К. Потапова в соавторстве с В.В. Потаповым представила результаты исследования, поддержанного Международной ассоциацией по судебной фонетике, о возможности использования временных коррелятов в речевом сигнале как показателя состояния говорящего (страх) в целях идентификации этого состояния. Доклад В.Р. Женило (Россия, Москва) был посвящен вопросу фазово-амплитудного спектра, который обычно не рассматривается как источник информации о речевом сигнале. В докладе было продемонстрировано обратное: фазово-амплитудный спектр несет информацию, которую можно использовать в целях идентификации говорящего. Два доклада были посвящены возможностям идентификации говорящего в том случае, если сигнал был искажен с помощью технических аппаратных или программных средств. Все работы, представленные в данной секции, имеют важное значение для экспертов, чья деятельность связана с анализом речевого сигнала в целях идентификации и верификации говорящего, его эмоционального и физического состояния по голосу и речи.

Обширный материал был представлен В.В. Потаповым в двух докладах, посвященных проблемам русско-английской и англорусской интерференции с учетом британского и американского вариантов произношения. В докладах систематизированы результаты перцептивного анализа применительно к вокализму, консонантизму, ряду интонационных моделей.

Специфика деятельности эксперта-лингвиста нашла отражение в двух докладах Е.И. Галшиной (Россия, Москва).

В секции по вопросам речевого производства и речевосприятия были представлены работы преимущественно российских исследователей. Целью работы О.Ф. Кривовой (Россия, Москва), посвященной анализу характеристик основного тона F_0 , являлось исследование особенностей производства и восприятия речи на границах компонентов фразовых единств. Особое внимание автор обращал на значения F_0 на границах фраз, которые играют важную роль при синтаксическом описании. Синтаксическое описание в свою очередь существенно для правильного понимания смысла высказывания. Такое описание высказывания может быть получено на основе лексической и грамматической информации, и на первый взгляд может показаться, что для понимания смысла нет необходимости расставлять границы фраз. Однако очевидно, что гораздо легче провести синтаксический анализ при наличии предварительной информации о границах. Кроме того, результаты экспериментальных исследований показали, что есть случаи неоднозначной сегментации и синтаксического анализа, когда приходится опираться в основном на просодию. Широко принято, что индикаторами границы являются паузы и фразовое ядерное ударение, но в речи довольно длинные высказывания могут быть произнесены без пауз. Поэтому особый интерес при исследовании представляло сравнение фраз, произнесенных с указанными фонетическими характеристиками, и фраз без пауз с различным расположением ядерного ударения. В качестве речевого материала автор работы использовала высказывания, состоящие из двух утвердительных фраз. В соответствии с фонетическими характеристиками границ между фразами высказывания были поделены на три типа: ядерное ударение в предложении, или интонационный центр, в одном или обоих предложениях не совпадает с последним лексическим ударным слогом, т.е. предложение произносится с так называемым логическим ударением (например, "Я ни разу не видел в горах оленей. Они давно ушли из этих мест."); ядерные ударения обеих фраз совпа-

дают с последними лексически ударными слогами (например, "Марина увидела малыша. Он сидел на краю дороги."); ядерные ударения обеих фраз совпадают с последними лексически ударными слогами, но в отличие от второго типа для их правильного понимания необходима информация о границах фраз ("Многие отстали. Из-за ухудшения погоды необходимо сделать еще одну остановку. — Многие отстали из-за ухудшения погоды. Необходимо сделать еще одну остановку.") Экспериментальное исследование включало сравнение интонационных контуров высказываний всех вышеуказанных типов, выявление различий в восприятии границ фраз, анализ поведения F_0 в этих фразах. Полученные результаты показали, что у испытуемых, обладавших только фонетической информацией, не было затруднений при делении высказываний на фразы. Для принятия решения испытуемые использовали информацию о некоторых F_0 -событиях, зашифрованных в интонационном контуре около границы фраз (низкое падение в конце первой фразы и высокий подъем в начале второй).

Качество речи определяется набором признаков, характеризующих ее естественность, разборчивость, громкость, наличие лишних звуков и шумов. Оценка качества речи, необходимая, например, в телефонии, медицине, криминалистике, часто требует помимо инструментальных методов привлечения психолингвистических методов. В докладе, посвященном анализу тестов по диагностике артикуляции, В.Г. М и х а й л о в ы м (Россия, Москва) проанализированы достоинства и недостатки использования таблиц слогов, слов, рассмотрены и сопоставлены различные таблицы диагностики артикуляции, такие как таблицы минимальных пар односложных слов, основанные на дифференциальных признаках Якобсона, таблицы многосложных русских слов (метод выбора), таблицы неполных односложных слов типа $_VC/CV_$ (метод дополнительных помет). В докладе представлен анализ результатов применения различных таблиц, процентное соотношение ошибок в зависимости от классов звуков. В эксперименте использовалась как естественная, так и синтезированная речь. Проведенные экспериментальные исследования на русскоязычном материале показали, что разборчивость выше при применении таблицы слов, чем при применении таблицы минимальных пар. Автор объясняет это тем, что принцип дихотомии является упрощенной моделью, а в реальности отношения между артикуляционными и перцептивными признаками более сложны. Метод дополнительных помет накладывает минимальные

требования на тренировку дикторов по сравнению с другими.

Работа [доклад Г.А. Куликова и др. (Россия, С.-Петербург)] по анализу взаимосвязи амплитудных и частотных характеристик спектральных максимумов при идентификации гласных с разными значениями частоты основного тона посвящена выявлению взаимозависимости значений амплитудных и частотных спектральных максимумов гласных и гласноподобных звуков с различными значениями частоты основного тона в различных видах речевой деятельности (обычная и вокальная речь взрослых, довербальные вокализации детей, речеобразные звуки говорящих птиц). Исследовались, в основном, звуки [a], [u], [i]. Сравнивая полученные данные с литературными, авторы выдвинули ряд предположений: роль формант при идентификации гласных зависит от диапазона, в котором лежит частота основного тона; при повышении частоты основного тона формантная картина сильно меняется не только для обычных гласных, но и для певческих, а также другие предположения. Было выявлено, как изменяется соотношение амплитуд спектральных максимумов различных гласных при изменении частоты основного тона: авторы предположили, что чем выше частота основного тона, тем сильнее качество гласного выражено разницей амплитуд двух первых спектральных максимумов. Авторы доклада Г.А. Куликов и др. пришли к выводу, что фонетическая идентификация гласных возможна на основе информации о частотах спектральных максимумов и их амплитудных соотношений.

В докладе В.Г. Санникова (Россия, Москва) на тему формирования акустических стандартов речевых элементов на основе их интонационных звуковых образов представлен радионженерный подход к моделированию передачи речевого сигнала по слуховой системе человека. Автором впервые показано, что периферический отдел нервной системы работает как "вейвлет", а не как спектральный анализатор. В работе выдвигается гипотеза, согласно которой слуховая система функционирует по принципу реконструктивной томографии и принимает решения относительно речевых элементов на основе интонационных образов. Автор подробно описывает формулы получения аналитических зависимостей основных характеристик периферического отдела слуховой системы, таких как пороги слышимости в нормальных условиях и при маскировке, зависимости частот от высоты голоса, акустическое восприятие громкости речи и другие.

Секция по проблематике компьютеризации иноязычного образования и обучения привлекла внимание специалистов различных областей знания. Присутствие на секции исследователей (которые являлись просто слушателями, а не докладчиками) в области математики, фонетических наук, компьютерных наук и других доказывает актуальность рассматриваемой проблематики и востребованность решений, которые может предложить современная наука. В работе секции были представлены семь докладов, некоторые из них вызвали очень оживленную дискуссию и множество вопросов со стороны присутствующих.

В докладе Г.Е. Кедровой (Россия, Москва) автором освещаются культурные, социальные, индивидуальные и гендерные различия и их влияние на эффективность сетевого общения (в частности, общения посредством Интернета) применительно к дистанционному обучению. Затронутая в работе проблематика отличается повышенной актуальностью в связи с возрастающей ролью дистанционного образования, одним из способов реализации которого является обучение посредством Интернета. Автор формулирует теорию "человек" – "человек" – коммуникации посредством компьютера (компьютер выступает в качестве посредника), выделяет культурные, индивидуальные и гендерные факторы, которые затрудняют или благоприятствуют опосредованной компьютером коммуникации и сетевому обучению, развивает теорию обучения через сотрудничество, перенося ее в новые условия (дистанционное сетевое обучение), высказывает некоторые идеи развития "сетевой педагогики".

Отмечено, что еще одним немаловажным фактором, определяющим эффективность сетевого общения, а, следовательно, обучения посредством Интернета, является возраст обучающегося и его предыдущий опыт (положительный или отрицательный). Исследование, представленное в докладе Н. Киргинцевой (Россия, Ставрополь), по своей сути является аналитическим обзором свободно распространяемых (бесплатных) доступных программных средств для самостоятельного управления обучающимся процессом овладения иностранным языком с помощью компьютера. В работе также рассматриваются принципы построения оптимальной среды для поощрения самостоятельности обучающегося при изучении иностранного языка. В обзоре автор называет некоторые приложения, например, анализатор текстов TextAnalyst, большинство программ для фонетического тренинга и т.д.

Просодические структуры русского и китайского языков кардинальным образом различны в силу тоновой природы последнего, что создает определенные трудности при обучении фонетике китайского языка русскоязычных студентов. Наличие четырех различных тонов в целевом языке, которые для нетренированного человека сложно даже различить в изолированном контексте, обуславливает целесообразность визуальной обратной связи при практическом (активном, продуктивном) овладении тонами китайского языка. Этому и посвящена работа, результаты которой представлены в докладе С.Н. Кривонова и С.Е. Муркина (Россия, Москва). Авторы разработали и представили принципы и метод обучения произношения тонов китайского языка. Предлагаемый метод основан на инкорпорировании элементов автоматического анализа речи обучающегося на просодическом уровне в реальное время, распознавании тона, используемого обучающимся, сравнении его с заложенным в систему эталонным образцом и последующем формировании корректирующих рекомендаций в текстовом виде. Кроме того, обучающийся – пользователь разработанного прототипа системы видит кривую, показывающую движение тона как в своем, так и в эталонном высказывании, и может корректировать произнесение с опорой на визуальную поддержку и текстовую рекомендацию. Работа программного модуля, реализующего автоматическое выделение и распознавание используемого тона, протестирована на корпусе аутентичной устной речи и на корпусе китайской речи русскоязычных студентов.

С проблемой, задачами и перспективами инкорпорирования компонентов автоматического распознавания речи в фонетические обучающие системы связан также доклад Р.К. Потаповой и М.Ю. Ордина (Россия, Москва). В этой работе выделены требования к подобным лингвистическим обучающим системам фонетического профиля:

- обнаружить и локализовать ошибочную речевую реализацию;
- определить, насколько речевая реализация обучающегося отличается от аутентичной модели, заложенной в систему;
- объяснить допущенную ошибку и сформировать практические рекомендации для коррекции произнесения пользователем – обучающегося.

В данной работе авторы предлагают один из возможных вариантов к формированию рекомендаций пользователю обучающей системы, направленных на коррекцию конкретной

речевой реализации, отличающейся от известного/известных системе эталона/эталонов.

В фокусе работы лежит способ представления знаний о фонематической и аллофонической системе родного и изучаемого языков и об артикуляционных признаках конкретной пары языков (английского и русского), а также метод использования структурированных знаний для автоматического формулирования подсказок и рекомендаций по изменению артикуляции в целях нивелирования иноязычного акцента.

Доклад Н.А. Рукавишниковой (Россия, Пермь) представляет интерес для преподавателей иностранного языка, которые могут использовать компьютеры, соединенные с Интернетом, на своих занятиях. В работе предлагаются возможные подходы к использованию аутентичных аудиоресурсов в целях развития навыков аудирования студентов.

Доклад О.П. Крюковой и др. (Россия, Москва) посвящен возможности использования программных средств анализа текстов в целях обучения иностранному языку. Авторы рассматривают две системы: TextAnalyst и WBT-Master и их применение в педагогических целях. В работе также приводится модель процесса обучения, возможные виды деятельности, способствующие практическому овладению иностранным языком при автоматизированном анализе иноязычных текстов.

Доклад В.В. Ребро (Россия, Волгоград) посвящен проблеме межличностной коммуникации в компьютерной среде. Несмотря на то, что использование компьютера в процессе обучения позволило исследователям решить ряд дидактических проблем, возникли и другие важные проблемы. Ключевой проблемой, которая требует внимания со стороны ученых, является необходимость переосмыслить понятие "межличностная коммуникация" и характерные особенности, которыми обладает такая коммуникация в компьютерной среде. В докладе сравниваются содержание и структура учебной работы в дидактической компьютерной среде и в традиционном способе обучения (отсутствие внешней речи). Делается вывод, что неправильное планирование

занятий при помощи компьютерных технологий может привести к нежелательным результатам. В докладе приведены примеры использования компьютера в процессе преподавания некоторых предметов. При помощи дидактических возможностей обучающей ситуации преподаватель не только трансформирует информацию в научное содержание дисциплины, но также показывает свое отношение к отобранной информации, выделяя ориентирующие ценности для обучающегося, позволяя ему самому сформировать свою точку зрения.

Все работы были опубликованы в материалах конференции SPECOM-2003 (392 с.), а также в приложении (отв. за выпуск – Р.К. Потапова).

В ходе конференции выяснилось, что наиболее актуальными проблемами среди затронутых в работе конференции проблем являются: помехоустойчивость при распознавании речи и разработка систем автоматического распознавания речи для различных языков мира, представляющих практическую коммерческую ценность. Для российских специалистов важнейшей проблемой является создание систем, работающих с русскоязычной речью. Кроме того, наиболее актуальной проблемой является компьютеризация иноязычного обучения и разработка мультимодальных систем, рассчитанных на широкое практическое применение. Доказательством этому являются такие текущие международные проекты как INSPIRE и MultiModal Meeting Manager. Успешность разработок определяется их потенциальной пользой в практическом применении, то есть работы, направленные на решение прикладных задач, во-первых лучше финансируются, а во-вторых, имеют большую эффективность. Совместная деятельность академических и вузовских промышленных центров обеспечивает успех проводимой научно-исследовательской работы, что демонстрируют результаты российских специалистов и международных проектов.

В.В. Потапов (Москва)

26–28 апреля 2004 года в д/о "Покровское" (Московская область) состоялась Международная научная конференция "Культура русской звучащей речи: традиции и современность". Учредителем конференции выступил Инсти-

тут русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Среди основных задач, которые ставили перед собой организаторы конференции, следует отметить следующие: стремление выделить основные современные направления в исследованиях орфоэпии; предоставить возможность представителям различных науч-

ных школ соопоставить результаты своих исследований; расширить круг участников подобных научных дискуссий за счет привлечения ученых из разных регионов России, а также молодого поколения исследователей – аспирантов и студентов.

На утреннем пленарном заседании, открывшем конференцию, было прочитано шесть докладов. Выступление А.Д. Шмелева (Москва) "Проблема кодификации в сфере орфоэпии: личный вкус или объективные данные?" было посвящено вопросу о выборе критериев при составлении орфоэпических рекомендаций. Серьезную дискуссию вызвало предложение докладчика в подобных вопросах приоритетным считать точку зрения "компетентных" носителей языка – субъектов орфоэпической нормы, которым, в свою очередь, уже известны рекомендации справочников и словарей. С совокупность таких индивидуальных орфоэпических рекомендаций, по мнению автора, и должно в результате выявить единую орфоэпическую норму.

Выступление Г.М. Николаевой (Москва) "Доклады о спонтанной речи на XV-м Международном конгрессе фонетических наук" было посвящено обзору научных проблем, привлечших внимание ученых разных стран на конгрессе в Барселоне в августе 2003 года, при этом обсуждался вопрос о критериях выделения спонтанной речи и ее признаках.

В докладе Н.В. Богдановой (Санкт-Петербург) "Правила чтения (произношения, транскрибирования) в русском языке" ставился вопрос о необходимости применения фонетических правил (правил чтения, произношения, транскрибирования) в различных ситуациях (чтение русского текста иностранцем, устранение ошибок в речи носителя русского языка, овладение навыками транскрибирования для русского языка студентами-филологами). Точка зрения докладчика такова: знание подобных правил во всем их многообразии, а также четкое представление об исключениях из них, в достаточной мере обеспечивает правильное фонетическое оформление звучащей речи.

Выступление С.М. Кузьминой (Москва) "О современной орфоэпической ситуации" было посвящено проблеме утраты в дискурсе радио- и теледикторов многих черт литературной речи. В результате устранения с радио и телевидения профессиональной дикторской речи фонетика публичных выступлений стала испытывать сильнейшее влияние разговорной стилистики, что способствовало снижению культуры звучащей речи СМИ. Поэтому при разработке орфоэпических рекомендаций осо-

бенно актуальной становится ориентация на живую традицию.

В докладе М.Л. Каленчук (Москва) "О специфике действия орфоэпических законов" поставлен вопрос о том, почему при описании фонетических закономерностей достаточно знать, в какой фонетической позиции стоит фонема, а при описании орфоэпических правил необходим многофакторный подход, т.е. знание о принадлежности к определенной подсистеме и учет разнообразных орфоэпических позиций. Автор считает, что разрешение этого вопроса связано с принадлежностью фонетики исключительно к области синхронических закономерностей, орфоэпии же – диахронических. И поскольку замена одного синхронического фонетического закона другим всегда осуществляется через стадию диахронического фонетического закона, орфоэпическая вариантность – это один из шагов в осуществлении фонетического процесса.

В выступлении А.А. Соколянского (Магадан) "Фонетические законы и орфоэпические закономерности" предлагается некоторое уточнение понятий "фонетический закон" и "орфоэпическая закономерность". При переходе на уровень вариантов фонем фонетические законы теряют свою силу, и все чаще приходится говорить об орфоэпических закономерностях. Однако и орфоэпия приобретает неоднородность в зависимости от целей, которые она ставит перед собой. Автор выделяет три типа орфоэпических описаний: орфоэпия для говорящих на литературном языке; орфоэпия для тех, кто не владеет литературной нормой; орфоэпия для иностранцев.

Вечернее пленарное заседание включало шесть докладов. Выступление Л.Л. Касаткина (Москва) "Некоторые особенности отверждения согласного перед мягким согласным в современном русском литературном языке" было посвящено уточнению круга факторов, влияющих на активный процесс $C' > CC'$ в русском языке. Среди прочих в докладе указываются такие факторы, как дизность / недизность слога, следующего за слогом с сочетанием согласных со вторым мягким (перед дизным слогом с мягким согласным и гласным переднего или средне-среднего ряда процесс может замедляться, перед недизным слогом с твердым согласным и гласным непереднего ряда – ускоряться); поддержание мягкости первого согласного сочетания $C' > CC'$ другими формами того же слова, а также некоторые другие.

С.К. Пожарицкая (Москва) в докладе «Орфоэпия: критерий "правильности" и шкала оценок» уделяет внимание проблеме понятия "правильности" в орфоэпии, отличного от

подобного понятия в орфографии. Если в орфографии узус целиком подчиняется правилам, то в орфоэпии верным может быть лишь то, что не противоречит узусу. Сложность произносительной нормализации состоит в том, что кодификация, целями которой являются единообразие и стабильность, противоречит естественной непрерывности изменений языка. Отсутствие объективных критериев оценки ставит перед кодификаторами задачу сопоставления своей собственной интуиции с произносительной традицией и актуальным узусом.

Доклад Л.П. Крыгина (Москва) "Лексикографическое представление иноязычного слова: сведения о произношении" был посвящен специфике фонетической адаптации иноязычных слов к русскому языку и отражению сведений об их произношении в отечественной лексикографии (на материале "Толкового словаря иностранных слов" в сравнении с академическим "Орфоэпическим словарем русского языка" под ред. Р.И. Аванесова). Подробно дискутировалась проблема выработки орфоэпических рекомендаций при составлении словарей, содержащих иноязычную лексику.

Исследование С.В. Кодзасова (Москва) "Нестандартные случаи размещения тональных акцентов" показало, что размещение фразовых тональных акцентов (ТА) не столь бесспорно реализуется согласно общим правилам, как принято считать. Отклонения от стандарта обуславливаются особыми просодическими свойствами лексем, которые обычно коннотативно связаны с их семантикой. Многочисленные примеры иллюстрируют, что тон может выступать как косвенный индикатор особых просодических свойств слов.

В выступлении М.А. Штудинера (Москва) "Отражение в эфире современных процессов фонетического освоения заимствованных слов" рассматривались тенденция к русификации звукового облика некоторых иностранных слов, с одной стороны, и реставрация некоторых более старых произносительных вариантов – с другой. При этом автор высказывает предположение о появлении дополнительной экспрессивной семантики при использовании в эфире орфоэпически "неправильного" варианта.

Доклад И.Ю. Промптовой (Москва) "Кто виноват? Что делать? Проблема орфоэпии в современном обществе" был посвящен рассмотрению трудностей, с которыми сталкивается театральная школа при преподавании орфоэпии.

На заседании секции "Орфоэпия языковых подсистем" прозвучало пять докладов. Исследование С.Ф. Барышевой

(Москва) "Старомосковские нормы произношения в речи артистов Малого театра конца XIX – первой половины XX в." продемонстрировало, что в речи артистов Малого театра на рубеже веков старая норма произношения в некоторых случаях варьируется с новой, но нигде не уступает ей ведущей роли. Выступление Т.М. Поповой (Москва) "Нефонетические условия полной редукции в разговорной речи" показало, как фонетическая позиция определяет саму возможность полной редукции и ее направление (слабая фразовая позиция редуцированной формы и высокая степень такого произношения предсказуемости способствуют закреплению сокращенного произносительного варианта, а частотность употребления – превращению в своеобразную произносительную норму). В докладе Г.М. Богомазова (Москва) "Своеобразие путей усвоения норм звучащей речи различными типами носителей русского языка" поставлена проблема усвоения орфоэпических норм в средней школе. При этом автор уделяет внимание рассмотрению сопутствующих психологических и психолингвистических факторов. В выступлении Ж.В. Ганиева (Москва) "Предшественники Л.В. Щербы в фоноэпистике" был представлен обзор трудов виднейших ученых, оказавших влияние на формирование концепции Л.В. Щербы о стилях произношения (работы Поля Пасси, Генри Суита, Дениэла Джоунза, М.В. Ломоносова). Исследование В.Б. Касевича и Е.В. Ягуновой (Санкт-Петербург) "Грамматическая структура псевдотекста и его восприятие" продемонстрировало предварительные результаты серии экспериментов по восприятию псевдотекста, лишённого внефонетической информации. Итоги работы наглядно показали важную роль сохранности грамматической формы для восприятия текста.

В программу конференции была включена секция "Функционирование орфоэпических вариантов", на которой обсуждались доклады, посвященные частным орфоэпическим проблемам. Фактический материал, описанный в выступлении Е.М. Болычевой (Москва) "Особенности реализации фонем на стыках морфем", позволяет докладчику уточнить принятое в науке понятие фонетической позиции: поведение фонем следует рассматривать не только в отношении к звуковой, слоговой, акцентной организации словоформы, но и в отношении к ее морфемной организации. Доклад О.В. Антоновой (Москва) "Об одной орфоэпической особенности современного русского литературного языка (*песен* или *песень*?)" был посвящен проблеме вариативности произношения форм

род. пад., мн. числа существительных, оканчивающихся на сочетание "согласный + ня". В исследовании Е.Л. Арзиани (Москва) "Нуль звука на месте фонемы /j/ в современном русском литературном языке" были описаны некоторые закономерности, связанные с реализацией данной фонемы в зависимости от фонетической позиции, в которой она находится. Доклад Е.С. Скачедубовой (Москва) "Факторы, определяющие распределение глухих и звонких вариантов согласных фонем на конце первой основы сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке" был посвящен описанию эксперимента, результатом которого явилось выяснение факторов, влияющих на поведение согласных на рассматриваемом морфемном стыке. В выступлении В.Н. Замысловой (Красноярск) "Особенности процесса-изменения С'С' > СС' в речи жителей малых городов (на материале г. Канска)" была обоснована гипотеза о незавершенности процесса отвердения согласных в сочетании с мягкими согласными на изучаемой территории. Также на основании проведенного исследования автор делает вывод о локальном характере этой производительной особенности. В докладе С.В. Зотовой (Москва) "Особенности произношения некоторых предлогов в современном русском литературном языке" обсуждалась проблема ударности / безударности на словесном и фразовом уровне предлогов *до* и *вне* и качество гласного в этих предлогах при разных акцентных условиях.

Работа на конференции секции "Орфоэпические аспекты акцентологии и интонации" продемонстрировала, что проблемы акцентологии и интонации продолжают требовать новых интерпретаций как в теоретическом плане, так и при принятии конкретных решений. Так, С.С. Хромов (Москва) в докладе "Фонетические и интонационные нормы и их искажения в звучащей речи" обратил внимание на то, что в современных СМИ частотны не только фонетические неверные варианты произношения, но и ошибки, связанные с использованием неестественных для реципиента интонационных конструкций (обычно в речи русских, нацеленных на американские коммуникативные образцы). Исследование Д.Д. Беляева (Тула) "Культура и культивирование речи: интонация" ставит проблему появления интонационных искажений, в современной языковой ситуации связанных с интенсивным взаимодействием русского языка с английским. Наблюдения докладчика свидетельствуют, что даже среди студентов педвуза изучение системы интонационных конструк-

ций (ИК) вызывает экстремальные трудности. По мнению автора, выходом из создавшейся ситуации может послужить более четкое и упорядоченное структурирование системы как в формальном, так и в функциональном аспектах. Один из вариантов решения проблемы представлен в докладе. В выступлении М.Р. Ильиной (Москва) "Нормы постановки ударения в кратких прилагательных в современном русском литературном языке" приводятся результаты исследования, посвященного выяснению распределения акцентологических вариантов в кратких прилагательных в современной "младшей" норме в зависимости от определенного круга факторов (фразовая позиция, социальная принадлежность информанта и пр.). Доклад И.М. Логиновой (Москва) "Об одной акцентологической тенденции в современной русской орфоэпии" посвящен анализу проблемы подвижного ударения в именах существительных. Развитие подвижного ударения рассматриваемого автором типа отвечает современным тенденциям демократизации языка, характерным для многих речевых процессов современной эпохи, но требует серьезной нормализаторской деятельности.

В рамках работы секции "Прикладные аспекты орфоэпии" рассматривались как общекультурологические вопросы, так и частные проблемы преподавания орфоэпии в высших учебных заведениях. Исследование Ф.М. Белоголовой "Воспитание речевой культуры в театральной школе (результаты тестовых опросов)" наглядно продемонстрировало, что соотношение отклонений от литературного произношения в речи студентов театральных вузов в Москве и за ее пределами существенно различается, однако и в столичных учебных заведениях до 49% поступающих имеют в речи различные диалектные черты. В выступлении М.В. Володиной (Москва) "Средства выражения семантического компонента вежливости как элемента культуры речи (на материале русского, итальянского и английского языков)" рассматривалась проблема успешного взаимопонимания между представителями разных культур. Основное внимание докладчика было обращено к специфике выражения семантического компонента вежливости. Оживленную дискуссию вызвал доклад Е.Ф. Кирова (Москва) "Ментологические основания некоторых орфоэпических v.s. диалектных процессов в русском языке". Автор подвергает рассмотрению две ярчайшие фонетические закономерности русского языка: аканье и гипероканье. По мнению докладчика, каждая из этих закономерностей выражает некие бинар-

но противопоставленные ментологические доминанты в национальном характере русских. Аканье символизирует стольпинскую идею деобцинизации русского общества, оканье же и гипероканье совместно символизируют общинный быт и общинную психологию, исторически первично сложившуюся в русском менталитете. Доклад был критически воспринят аудиторией. Выступление А.В. Литневского (Москва) "К вопросу о преподавании русской звучащей речи будущим журналистам в МГУ" было посвящено проблемам преподавания техники речи как основы культуры звучащей речи будущих журналистов. В числе прочего в докладе предлагалось отделить изучение орфоэпии от техники речи как учебной дисциплины прикладного характера. Исследование М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (Москва) «Способы выражения оценки в устном "пищевом" дискурсе» проиллюстрировало специфику оценочности при выражении экспрессии в зависимости от разнообразных факторов. Доклад Л.С. Красновой (Москва) "Культура русской звучащей речи в университетском образовании иностранных учащихся" поставил вопрос о необходимости тщательного отбора учебного материала. Обращение к русскому классическому стиху, особенно к поэтическому наследию А.С. Пушкина, Ф.М. Тютчева неизменно дает положительный результат.

На пленарном заседании, завершившем конференцию, прозвучало шесть докладов. В выступлении Е.Л. Бархударовой (Москва) "Орфоэпическая вариативность как показатель изменений в фонетической системе русского языка конца XX – начала XXI в." подробно рассматривалось отражение закономерностей и тенденций, определяющих изменения звукового строя языка, в смене орфоэпических норм. Автор указывает, что проявление господствующих закономерностей носит очевидный и устойчивый характер, противоположные же им тенденции осуществляются непоследовательно и бывают менее очевидны.

Доклад Е.А. Брызгуновой (Москва) "Минимумы и максимумы в культуре речи" был посвящен проблеме выраженности степени владения литературной нормой в современной звучащей речи. Предложенные автором термины "минимум" и "максимум" обладают системой признаков, позволяющих точно определить уровень речевой культуры говорящего: минимумы обеспечивают раз-

борчивость речи и могут быть представлены со знаком "плюс" или "минус", максимумы же проявляются как гармония соотношения частей в пределах целого.

В выступлении Г.И. Ивановой-Лукьяновой (Москва) "О норме в интонации" освещался дискуссионный вопрос об интонационной норме. Соблюдение правил интонации обусловлено необходимостью избежания просторечных и ненормативных элементов в речи. Автор ратует за применение фонетических принципов анализа в суперсегментной фонетике. При таком подходе возможно описание реализации интоном русского языка в сильных и слабых позициях.

Доклад Е.А. Земской (Москва) "Социально-культурная и фонетическая вариативность слова в русском языке XX века" преимущественно касался рассмотрения причин, обуславливающих вариативность произношения. Особое внимание докладчика было уделено таким контрастными признакам, как социальное происхождение и образование.

Исследование Р.Ф. Касаткиной (Москва) "Новые лексические заимствования и русская орфоэпия" было посвящено отражению на некоторых участках орфоэпической системы русского языка результатов массовой экспансии иноязычных слов в процессе того, как новые заимствования осваиваются языком. Рассмотрение как вокалической, так и консонантной систем привело автора к подтверждению гипотезы о том, что фонетическая система русского языка устойчива перед натиском новых варваризмов. Однако новые заимствования вносят разнообразие в орфоэпическую картину русского языка.

Доклад О.А. Прохвятиловой (Волгоград) "Современная звучащая духовная речь как воплощение традиций русской речевой культуры" был в основном посвящен специфике звучания православной проповеди. По мнению докладчика, особенности этого жанра во многом определяются уникальным сочетанием акустических признаков, отражающих своеобразие древней музыкально-тонической и современной акцентно-мелодической фонетических систем.

Конференция завершилась оживленной дискуссией, посвященной подведению итогов работы и определению основных приоритетов и ближайших задач орфоэпии.

О.В. Антонова (Москва)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. *Рукописи* представляются в двух экземплярах: текст и подстрочные примечания *должны быть набраны* через два интервала *на машинке* или через полуторный интервал *в электронном виде*. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон, E-mail адрес.

1.1. Редакция также принимает электронную версию материалов, полностью идентичную напечатанному оригиналу. В состав электронной версии статьи должны входить: файл, содержащий текст статьи, и файл(ы), содержащий(е) иллюстрации. Если текст статьи вместе с иллюстрациями выполнен в виде одного файла, то необходимо дополнительно представить файлы с иллюстрациями. На дискете желательно продублировать материалы в разных каталогах (на случай брака дискеты). Во избежание технических неполадок запись на дискете рекомендуется тестировать и проверять на вирусы.

1.2. *Подготовка электронной версии основного текста.*

Желательно представление основного текста статьи в формате Microsoft Word for Windows. При наборе используйте стандартные Windows True Type шрифты (например, Times New Roman, Courier New, Arial и т.п.). Все использованные в статье шрифты с нестандартными знаками желательно сохранить как отдельные файлы на дискете. Размер шрифта – 12.

Обращаем Ваше внимание на то, что строки текста в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (обычно клавиша Enter). Тексты с разделением строк в пределах абзаца символом возврата каретки не могут быть использованы.

1.3. *Подготовка электронной версии графического материала.*

При подготовке графических файлов мы просим Вас придерживаться следующих рекомендаций:

- для растровых рисунков использовать формат TIF с разрешением 600 dpi, 256 оттенков серого;
- векторные рисунки должны предоставляться в формате программы, в которой они сделаны: CorelDraw (до версии 8.0), Adobe Illustrator (до версии 8.0), FreeHand (до версии 8.0) или в формате EPS.
- для фотографий использовать формат TIF не менее 300 dpi.

Если программа не является распространенной, то желательно дополнительно сохранить файлы рисунков в формате WMF или EPS.

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы был понятен порядок их расположения. Каждый файл должен содержать один рисунок.

2. *Примеры* в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. *Библиография* в журнале оформляется следующим образом:

3.1. Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

– "Код работы" (фамилия, год выхода цитируемой работы), тире, инициалы и фамилия автора, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа "и др." или "et al."

– Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например: Успенский 1994 – Б.А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

– Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Трубецкой 1990 – Н.С.Трубецкой. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3.

– Если это сборник или иное аналогичное издание, то "кодом" является одно из двух:

а) фамилия редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) и год, тире, инициалы и фамилия редактора с указанием "ред." (для других языков – ed., hrsg. и т.п.);

б) сокращенное название и год.

Greenberg 1978 – *J. Greenberg (ed.)*. Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Universals 1978 – Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

3.2. **В тексте ссылки на литературу** даются в квадратных скобках; фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например [В.В. Иванов 1992 : 34], [W. Jones 1890] Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа: [W. James 1890a].

4. **Подстрочные примечания** имеют сквозную нумерацию.

5. Непринятые рукописи не возвращаются.

6. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются

7. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

CONTENTS

E.S. Maslova (Stanford). Dynamics of typological distributions and stability of language types; O.A. Lapteva (Moscow). Self-organization of language development: the inner sources of languages changes (second article); S.V. Andrejeva (Saratov). Typology of constructive-syntactic units in Russian speech; E.V. Padučeva (Moscow). The "incremental theme" and Russian aspectology; V.P. Grigorjev (Moscow). Heuristics and the four-dimension space of language; R.Z. Muriarov, A.S. Samigullina, A.L. Fedorova (Ufa). A contribution to the analysis of evaluative utterance; A.E. Man'kov (Moscow). The origin of the category of gender in Indo-European; **From the history of science:** V.M. Alpatov (Moscow). The linguistic conception of A.I. Smirnitsky (to the 50th anniversary of his death); **Reviews:** T. Mentzel (Greifswald). *M.V. Šulga*. The development of the morphological system of the noun in Russian; A.A. Sokoljanskij (Magadan). *L.L. Kasatkin*. Phonetics of contemporary literary Russian; A.I. Kuznetzova (Moscow). *G.M. Kert*. The use of computer technologic in toponymy; *G.M. Kert*. Essays of the Karelian language; Baltic-Finnish linguistics. A collection of articles devoted to the 80th anniversary of G.M. Kert; T.A. Maisak (Moscow). *B.D. Joseph, R.D. Janda* (eds.). The handbook of historical linguistics; T.B. Kriučkova (Moscow). The handbook of language variation and change; D.A. Paperno (Moscow). *R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenwaid* (eds.). Word: A cross-linguistic typology; V.M. Alpatov (Moscow). *Shoichi Iwasaki*. Japanese. **Chronicle features.**

Сдано в набор 18.06.2004	Подписано к печати 11.08.2004	Формат 70 × 100 ^{1/16}		
Офсетная печать	Усл. печ.л. 13,0	Усл. кр.-отг. 19,0 тыс.	Уч.-изд.л. 15,5	Бум. л. 5,0
Тираж 1439 экз.		Зак. 8653		

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель: Российская академия наук

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон 201-25-16
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ИПП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6